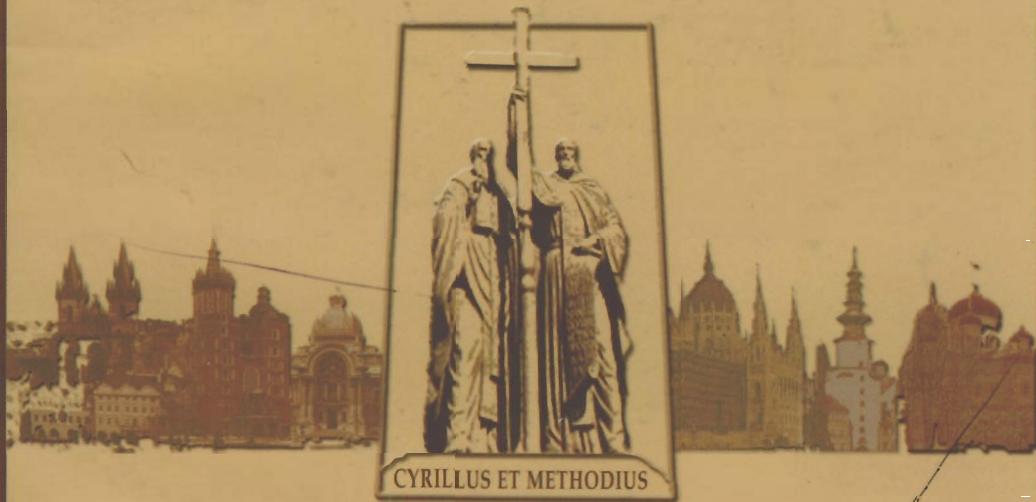

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

III

2006

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ ПО СОЦИАЛЬНЫМ И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
ПО СОЦИАЛЬНЫМ И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ**

**ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

3 2006

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
EAST EUROPEAN STUDIES

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
ПО СОЦИАЛЬНЫМ И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

Редакторы:

Н. В. КОРОВИЦЫНА (*Россия*)

Ладислав МАХАЧЕК (*Словакия*)

Редакционная коллегия:

М. К. ГОРШКОВ (*Россия*)

А. Н. ДАНИЛОВ (*Беларусь*)

Хенрик ДОМАНЬСКИ (*Польша*)

Имре КОВАЧ (*Венгрия*)

Люба КРАЛЁВА (*Словакия*)

Илияна МАРЧЕВА (*Болгария*)

Клаус МЮЛЛЕР (*Германия*)

В. А. ТИШКОВ (*Россия*)

Олдржих ТУМА (*Чешская республика*)

Милан ТУЧЕК (*Чешская республика*)

119334 Россия, Москва, Ленинский просп., 32-а

E-mail: korovicyna@mail.ru

91701 Slovenska republika, Trnava, Nám. J. Herdu, 2

E-mail: machacek@chello.sk

ISBN 5-8040-0059-4

Усл. печ. лист.: 11. 70x90/16 Тираж: 300 экз.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «Московская типография № 9»
109033, Москва, ул. Волочаевская, д. 40. Бумага 80 г/р. Гарнитура «Times».

Цена договорная. Заказ 769

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
Международный журнал
по социальным и гуманитарным наукам
№ 3, 2006

Содержание

Предисловие редакторов (Н. В. КОРОВИЦЫНА, Ладислав МАХАЧЕК) 5

Статьи

КОСТОЛАНСКИЙ Эдуард, КРАГУЛЦОВА Соня (Словакия) Европейское образование: понятие, реальность, перспективы	8
ТИШКОВ В. А. (Россия) О российском народе	16
ЛУЛЕВА Ана (Болгария) Гендерный аспект постсоциалистической трансформации в Болгарии	35
ОСТРОВСКА Антонина (Польша) Ментальное здоровье в макросоциальном контексте	45
ТУЧЕК Милан (Чешская Республика) Сплоченность общества в чешском восприятии	57
БАБОСОВ Е. М. (Беларусь) Регулирующая роль государства в жизни общества переходного типа	73
СУРМАНЕК Штефан (Словакия) Условия развития и характер демократической консолидации в Словакии	82
МИЛЛЕР Клаус (Германия) Глобализация и демократия: прогресс и парадоксы	90

Эмпирические исследования

ЛАЙКЕРТ Йозеф (Словакия) Советские военнопленные в концлагере Заксенхаузен	102
---	-----

МАРЧЕВА Илияна (Болгария) История и идентичность. Болгарский случай конца двадцатого века	112
--	-----

Научная жизнь

СКОВАЙСА Марек (Чешская республика) Презентация журнала «Восточноевропейские исследования» Прага, Вилла Ланна, 5 декабря 2005 г.	125
КРАЛЁВА Люба (Словакия) Возникновение журнала «Восточноевропейские исследования» (его значение и смысл для Центральной и Восточной Европы)	129

КОРОВИЦЫНА Н. В. (Россия) О создании Международного журнала по социальным и гуманитарным наукам «Восточноевропейские исследования» (выступление на заседании бюро Отделения историко-филологических наук РАН 26 февраля 2006 г.)	134
---	-----

Рецензии

КАБЗИНЬСКА Ивона (Польша) «Etnografia Polska» (Warszawa)	139
ВОЙТИШ Иржи (Чешская республика) «Český lid. Etnologický časopis» (Praha)	144
БУЦКОВА Мартина, ЛЕТАВАЙОВА Сильвия (Словакия) «Slovenský národopis» (Bratislava)	152
КЮРКЧИЕВА Ива (Болгария) «Българска етнология»(София)	158
Авторы	163
Contents	164

© Редколлегия журнала
«Восточноевропейские исследования», 2006

**Н. В. КОРОВИЦЫНА
Ладислав МАХАЧЕК**

Предисловие редакторов

В третьем выпуске «Восточноевропейских исследований»¹ черты его «лица» становятся еще определеннее. Без сомнения, это «человеческое лицо». Меняющийся портрет простого человека — и постсоветского, и среднеевропейца, и жителя Балкан. Его жизненный мир. В период «переформирования порядка» этого мира культурное измерение становится решающим и, в конечном счете, определяет результат переходных процессов. Ближе всего к анализу социокультурной реальности, как видно, подошли этнологи и антропологи.

Вопросов содержательного и методологического плана в восточноевропейских исследованиях на сегодня гораздо больше, чем ответов. Каковы, например, критерии оценки переходных процессов? Что действительно благоприятно для жителей именно этого региона мира, несет им ощущение удовлетворения, оптимизма, счастья? Хорошо известно, оно напрямую не зависит, например, от параметров материального потребления. Да и сам уровень жизни в странах региона сейчас не имеет однозначных характеристик. В значительной степени массовое восприятие перемен формируется искусственно. Везде, не только в России, преобладает — в большей или меньшей степени — создаваемый средствами массовой информации, как и обществоведами, преимущественно негативный образ действительности.

Определенная виктимизация восточноевропейского человека не в последнюю очередь основана на ностальгическом противопоставлении наших дней периоду социализма, на который пришлась существенная часть биографии многих из современников. Такая пораженческая парадигма сродни идее исторической неполноты соцсистемы, господствовавшей во времена советской перестройки. Эта идея, а скорее миф проповедовалась самой властной и интеллектуальной верхушкой прежнего строя и стал, наверное, решающим фактором его демонтажа, «бархатной революции» и распада системного единства восточноевропейского пространства.

«Понижение» психоментального состояния народов региона в условиях жесткого материализма как основы нового порядка рождает чувство безнадежности и тотального недоверия — симптомы ослабления душевного здоровья и потери силы духа. В саморазрушительной парадигме кризиса кроются истоки поражений, цена

¹ См.: Восточноевропейские исследования. М., 2005. № 1. 192 с.; Восточноевропейские исследования. М., 2005. № 2. 192 с.

которых стремительно возрастают. Несомненно, моральная, эмоциональная сфера имеет базисное, центральное значение для самоопределения и выживания восточноевропейцев в начале XXI столетия.

Возвращение к «естественной идентичности», полупатриархальным, ограниченным узким семейным кругом, нормам жизни досоциалистического периода или отказ даже от них и предпочтение самых близких друзей, наконец, обращение к религиозной вере — все это свидетельства масштабного неоконсервативного поворота, который на наших глазах сменяет доминировавшие в регионе в прошедшем десятилетии неолиберальные ориентации. Вот ключевой для нас исторический процесс, получивший отражение в материалах данного выпуска. Он будет и в перспективе находиться в центре внимания журнала «Восточноевропейские исследования».

Политическая и экономическая сферы жизни общества производны от отношения к ним человека, характера его участия в соответствующих практиках. Реализовать «системные приобретения» — демократию и рынок — оказалось гораздо труднее, чем их продекларировать. Оборотной стороной свободы и открытости внешнему миру в эпоху глобализации стали безжалостная конкуренция и тотальная коммерциализация, малоизвестные жителям восточной части европейского континента. Вопреки всеобщим ожиданиям произошло обвальное по сравнению со временем «бегства из социализма» падение интереса к политике и гражданским инициативам, расцвели партократия и даже криминократия. Рефреном повторяется в статье, открывающей номер, фраза: «люди становятся умнее, но не лучше». В гуманитарной культуре и понятии «добра», то есть в нравственной сфере, а уже не в абстрактной демократии и материальном благополучии видится авторам смысл обращения к европейским культурным ценностям. Диктат технической культуры и примитивно понимаемого права, сведенного к власти денег, привел лишь к усилению беспощадной культурной экспансии в современном мире.

Спустя полтора десятилетия исканий восточноевропейское общество приходит к осознанию важности установления равновесия между рынком и государством, к необходимости социальной сплоченности и к вопросу о роли социального государства, в том числе и в совершенствовании, облагораживании образа жизни людей. Ключевые для современного мира процессы и понятия глобализации и демократизации, сходятся вместе в заключительной статье основной рубрики этого номера, как и в самой реальной действительности. Последние полтора десятилетия безмерно далеко увелили нас от упрощенных представлений об этих двух процессах, породивших феномен «бархатных революций».

Эмпирическая рубрика номера — историческая — обозначает хронологические рамки уникального восточноевропейского сообщества народов второй половины XX столетия. Истоки его формирования относятся ко времени второй мировой войны и освободительной роли советской армии, а распад связан с поспешным «прощанием с Востоком» ближайших западных и южных, преимущественно славянских, соседей России после geopolитической революции рубежа 1980—1990-х годов. Это живые картины истории, напоминающие о «человеческой цене» и победы СССР в войне, и его поражения в мирное время. Журнал «Восточноевропейские исследования» будет постоянно обращаться к прошлому, пытаясь раскрыть его ис-

тинные социокультурные смыслы, скрытые за многочисленными идеологическими напластованиями сменяющихся политических режимов.

Рубрика «Рецензии» представляет на этот раз ведущие этнологические журналы стран региона — Польши, Чехии, Словакии, Болгарии, продолжая, таким образом, тему антропологии общественной трансформации, истории народов региона в эпоху глобализации. «Восточноевропейские исследования» ориентированы на тесное сотрудничество с журналами стран Центральной и Восточной Европы социального и гуманитарного профиля. Такое сотрудничество мы считаем необходимым условием для русскоязычного, публикуемого Российской академией наук, но по содержанию, составу редакции и авторов *международного* издания о странах, общность исторических судеб которых сложилась в середине прошлого века на основе принадлежности к «советской цивилизации».

«Научная жизнь» в третьем выпуске журнала посвящена событиям, связанным с самим его становлением — презентацией в конце прошлого года в Праге и в начале нынешнего года Москве. Вера в успех нашей общественной международной инициативы и усилия по достижению цели (в самые трудные моменты — по чешскому принципу *«proti všem»*, то есть, невзирая на обстоятельства) остаются главным принципом работы нашей редакции. Создание нового академического печатного органа и организационная деятельность вокруг него открыли новый этап в развитии связей ученых России и стран Центральной и Восточной Европы. Рассставаясь со сменяющимися политическими мифами, мы все более отчетливо сознаем острую необходимость профессиональной дискуссии по жизненно важным для народов региона вопросам, общим для всех нас.

С содержанием журнала «Восточноевропейские исследования» теперь можно познакомится и на сайте словацкого Университета св. Кирилла и Мефодия в Трнаве:

[http://www.ucm.sk/dokumenty/viss01.pdf;](http://www.ucm.sk/dokumenty/viss01.pdf)

[http://www.ucm.sk/dokumenty/viss02.pdf;](http://www.ucm.sk/dokumenty/viss02.pdf)

[http://www.ucm.sk/dokumenty/viss03.pdf;](http://www.ucm.sk/dokumenty/viss03.pdf)

<http://www.ucm.sk/dokumenty/viss04.pdf>

Статьи

Восточноевропейские исследования 3, 2006

Эдуард КОСТОЛАНСКИЙ
Соня КРАГУЛЦОВА

Европейское образование: понятие, реальность, перспективы

Понятие «европейское образование» (ЕО) можно определить как комплекс учебных заведений — университетов со своими отличительными особенностями. Существует и другой подход. Что является результатом ЕО, чего мы хотим достичь обучением в вузах? В настоящее время появляется возможность, в первую очередь, для стран Центральной и Восточной Европы, переосмыслить концепцию образования с точки зрения его результатов и целей. Об этой и пойдет речь в статье.

Мы исходим из того, что в учебном процессе (или воспитательном процессе: обучение и воспитание мы рассматриваем как синонимы) не надо делать акцент на его форме или содержании. Обосновано говорить скорее об искусстве обучения. Однако нашей целью не является доказательство сходства искусства и обучения. Мы пытаемся внести вклад в дискуссию, связанную с уточнением содержания собственно обучения. Нередко мы встречаемся с разного рода предостережениями, содержащими проверенные временем истины. Всё более очевидно: мы становимся мудрее, но не лучше. Поразительно, простые истины, подтвержденные повседневной действительностью, мало влияют на сознание и поведение руководителей обществ или государств.

Неоспоримо, познание способствует прогрессу человеческого общества. Накопление знаний облегчает физический труд человека, обеспечивает рост урожайности, устраняя голод и связанные с ним страдания, ликвидирует болезни и т.п. Все это происходит благодаря развитию естественных наук, техники и управления обществом. В данном случае целесообразно говорить в целом о технической культуре, результатах ее развития, достигаемых в процессе поиска формальных моделей взаимодействия неживой и живой природы, конструирования различных производственных и обслуживающих технологий [2, 8].

Трудно переоценить степень воздействия на нашу жизнь технической культуры. Это технологии производства энергии, продовольственных и промышленных продуктов, роста производительности сельского хозяйства, познания живого микромира и ослабления его влияния на более высокие формы жизни, в том числе на человека и т.п. Нет необходимости подробно останавливаться на результатах глобальных изменений, вызванных эпохальными сдвигами в развитии технологий.

Однако параллельно с технической культурой развивается и другая культура. Это культура, которую несет образование, воспитание, искусство, письменность,

музыка, народная культура, спорт — гуманитарная культура. Важным компонентом обеих культур является воспитание в широком смысле, включающее обучение. Остановимся на анализе этого компонента с точки зрения его роли в процессе развития и возможной конвергенции двух культур [4, 7].

1. Прогресс технической культуры

Прогресс, или продвижение можно понимать в качественном и количественном смысле. Качественная интерпретация — предметная. Совершенствуются производственные технологии, транспортные средства, жилище, лечебные процедуры и т п. Согласно статистике, например, в медицине и биологии объем знаний удваивается каждые 5 лет. Эксплозия новых знаний не прекращается и ожидается ее экспоненциальный рост. Речь идет о непрерывном совершенствовании производственных технологий с целью выпускать продукцию лучшего качества и с меньшими затратами.

Однако обосновано принимать во внимание и другую интерпретацию рассматриваемого понятия, согласно которой продвигаться — значит производить как можно больше, чтобы как можно больше заработать. Огрублено формулируя: урвать от корысти самый крупный кусок. Эти две интерпретации соперничающие. Отстаивание первой подразумевает сверхтребования к качеству, второй — сверхтребования к количеству. Остаются и вопросы типа: «Что является мерой качества?», «До какой степени количество может служить аргументом против качества?», «Возможно ли управлять прогрессом и каким образом?» [1].

Другая проблема как побочный продукт прогресса — избыточность информации. Процесс познания сбалансирован: динамика, а значит и избыточность информации о познанном влияют на развитие новых технологий обработки знаний. И наоборот, технологии новой обработки знаний позволяют повышать динамику, процессы генерирования новых знаний в виде формулирования новых проблем, выявления нерешенных проблем в традиционных областях исследования, изменения способов применения базы знаний в области производства, распределения и услуг, таксономии знаний, поддержания соотношения познанного и познаваемого. Огромный рост знаний в эпоху информационного общества должен был бы естественным образом выплыть в высокое материальное благосостояние, а человечество должно было бы забыть, что такое голод и нищета, на небывалый уровень поднялось бы общественное обеспечение в области здравоохранения и образования. Нам хорошо известно, что этого не происходит [2, 6].

Где-то произошла ошибка или представление о доминирующей и исключительно положительной роли познания, науки — лишь иллюзия? Мы еще вернемся к ответу на этот вопрос.

2. Прогресс в гуманитарной культуре

Возможно, не следует говорить о гуманитарной культуре как самостоятельном компоненте познания, так как продукты этой культуры — произведения художественной литературы — содержат знания об обществе, его структуре и отношениях более полные, чем все другие источники, в том числе научные. Техническая

культура творится человеком и должна служить, в первую очередь, его выживанию. А гуманитарная культура, обращающаяся непосредственно к человеку, его самопознанию, месту в различных социальных группировках, начиная с семьи и кончая участием в глобальном сообществе, должна восприниматься, исследоваться и оцениваться самостоятельно. Многие мыслители и общественные деятели считали мастеров гуманитарной культуры — писателей, художников, композиторов, религиозных авторитетов — преобразователями души человечества.

Конечно, гуманитарная культура также не стоит на месте, принято говорить о совершенствовании ее качественных и количественных характеристик. Конфигурацию качественного продвижения можно передать через представление о ее ядре, которое составляет понятие «добра» в широком его смысле. В таком случае отношение между двумя культурами отражает утверждение: «Мы становимся умнее, но не лучше». А гуманитарная культура предстает как теория и практика добра.

Обратимся к количественному измерению гуманитарной культуры. Применимы ли к ней критерии оценки технической культуры? Продукты последней, отражающиеся в публикациях, характеризуются чрезмерной избыточностью. Мера избыточности проявляется в частоте цитирования. Существуют и такие публикации, которые ни разу не цитировались, а значит избыточны. Они не послужили другим авторам для формулирования и решения проблем. Возможно, к ним вообще никто не обращался. Представляют ли они излишнюю затрату человеческой энергии? Это серьезный вопрос, требующий обоснованного ответа.

Вернемся к проблеме воспитания. Составной частью прогресса обеих культур является подготовка специалистов, активных участников культурных процессов, уровень знаний которых соответствует мировому. Следует идентифицировать знания, которые являются фундаментальными для деятельности в различных областях. Они становятся ядром теоретической части образования. Создание и актуализация этого ядра при преподавании определенного предмета оптимизирует усилия преподавателей, особенно если педагоги являются одновременно и авторами новых знаний и результатов исследований. Нетрудно догадаться, что опережающими являются такие сферы экономики, в которых образовательные системы одновременно являются и системами исследовательскими.

3. Гармонизация воспитания и рынка труда

Из вышеизложенного следует, что университеты должны стремиться к тому, чтобы сотрудники их были способны формулировать и решать научно-исследовательские проблемы. Поскольку мы исходим из тезиса, что наука превратилась в решающую производительную силу, необходимо формирование групп профессионалов, способных успешно решать или соучаствовать в решении исследовательских и научных проблем. Оказывается, что малые экономики с этой задачей могут справляться двумя способами. Первый — это интеграция внутренних ресурсов на одном направлении, второй — сотрудничество при формулировании решений и применении результатов международных исследовательских задач. Разумеется, проблема трансформации знаний с тем, чтобы они могли стать предметом обучения или самообучения, непроста. Существуют различные технологии преподавания, значит, и

овладения знаниями. Эти технологии находятся в центре внимания исследователей и должны отражать динамику знаний, в которых нуждается современный рынок труда. Таким образом, непрерывное пожизненное образование превращается в необходимость существования на рынке труда. Эффективным инструментом обучения или самообучения является информационная технология (ИТ). Но только в том случае, если усваиваемые знания систематизированы и иерархически упорядочены. Подготовка данных для обучения посредством компьютера требует значительной мобилизации возможностей. В этой связи надо подчеркнуть, что дистанционная форма обучения будет практиковаться все больше и больше. Необходимо быть готовым, что любая область познания или проблематика, решение которой является практическим вкладом в увеличение занятости, представить собой совокупность основных (универсальных) знаний. Дистанционные формы обучения и самообучения при поддержке ИТ и подобным способом структурированных знаний эффективно способствуют адаптации человека к рынку труда.

4. Распространение ИТ в образовании

Информационная технология эпохальна по своему значению. Для нее характерны три этапа распространения.

На первом этапе существующие операции, приемы, процедуры совершенствуются (ускоряются, уточняются, становятся нагляднее), на втором осуществляются действия, которые прежде не было возможности осуществлять (например, цифровые вычисления больших масштабов, моделирование естественных и технических систем, создание обширных баз данных и их обработка). Третий этап — изменение какой-либо сферы общественной жизни или общества в целом. Как же обстоит дело с проникновением ИТ в сферу воспитания и образования?

Начальный этап — поступление библиографической информации для обучающего и обучающегося (то есть учителя и ученика), рост доступности дигитальных учебников и стимулирующих документов в реальном времени, пространстве, повсеместно, в любое время суток, на любом языке, включая дискуссии, консультации с виртуальным учителем. Второй этап проникновения ИТ в воспитание характеризуется смещением центра тяжести воспитания в направлении виртуальных школ. Передача профессиональных знаний будет происходить при минимальном участии педагогов. Заключительный этап есть все основания охарактеризовать как тотальное приближение школы, воспитательного (точнее — образовательного) учреждения к человеку. Не ставя перед собой цель широко представить информационные технологии и процессы их распространения в обществе, мы хотели лишь напомнить о том, что это повлечет огромные последствия в сфере воспитания.

5. Содержание воспитания

Мы приближаемся к гланому. Критика воспитания и образования касается их содержания, но не формы реализации. Поражает поверхностность и прямолинейность подходов к определению содержания процесса воспитания, отразившиеся на становлении модели двух культур: технической и гуманитарной. Если в поддержку технической культуры существуют мощные аргументы в виде изобретений,

связанных с облегчением тяжелого труда, повышением качества жизни, борьбой с различными заболеваниями, облагораживанием пищевых культур и т. п., то для гуманитарной культуры таких аргументов не находится. Предполагается, что она должна приносить плоды — моральные схемы или нравственные принципы, — которые гарантировали бы применение названных достижений технической культуры, но только в целях помощи людям в беде или улучшения качества их жизни [1, 4]. Все это относится к понятию «добро» и его осуществлению.

Остается констатировать, что развитие человеческого общества отмечено значительным прогрессом в накоплении знания: люди становятся умнее. Но знания не используются для освобождения человека от тяжелого труда, голода, болезней. Вызывает большое сомнение, что процесс познания действительно служит во благо человека. Общепринятое мнение: люди не становятся лучше.

Пользуясь представлением о двух культурах, можно сказать, что они соотносимы. Гуманитарная культура стремится проводить в жизнь схемы упорядочения человеческого общества, которые должны делать его лучше и справедливее. Но техническая культура безжалостно уничтожает свои собственные плоды и губит стремления гуманной культуры. Военные столкновения являются мерой взаимного воздействия этих двух культур.

В таком случае вопрос выживания — принципиальный. Спрашивается, можно ли устраниć дивергенцию двух культур и если да, то как перейти к конвергентному процессу? Ответить на этот вопрос непросто. Очевидно, надо действовать в двух направлениях. В первую очередь, укреплять те компоненты воспитания, которые несомненно способствуют конвергенции. Реально достичь ситуации, когда на сравнительно длительное время неконфликтное отношение двух культур стабилизируется. С другой стороны, на основании анализа исторических материалов, как и современных документов, надо получить данные, которые помогли бы понять корни наших ошибок. Важно определить, в результате чего техническая культура получила приоритет и установилось правило: более сильный — это и более добрый. Быть может, надо вернуться ко времени встречи античных культур — греческой и римской, первая из которых провозгласила добро своим идеалом [3, 8, 9]. Разумеется, история неповторима, но надо стараться, чтобы ее яркие периоды в измененном виде запечатлелись в сознании современников в их подлинном смысле.

6. Европейское университетское пространство

Необходимо констатировать, что европейские университеты в широком географическом контексте по своему предназначению должны были превратиться в храмы мудрости, познания и культивации правды. Хотя надо принимать во внимание, что недопустимо существование и развитие в каком-либо обществе, общественной системе идеологически независимых институций. Университеты были и остаются учреждениями, в которых царит дисциплинированность. Они сознают свое место в общественной иерархии и намерения власти, поддерживают их.

Все ведущие европейские университеты с готовностью превратились бы в составную часть политico-экономического целого, именующего себя обществом знания и национального познания. Университеты в полной мере участвуют в про-

цессах включения Европы в небольшую группу держав с самой передовой экономикой и наукой. Они ведут поиск путей достижения этой цели. Главное, конечно, люди — талантливые профессионалы, подвижники. К этому процессу относятся ведущие политические инициативы, включая Лиссабон, Барселону, Прагу, Берлин. Схема проста — предоставить возможность всем, кто заинтересован в получении высшего образования. Таланты привлекаются к образованию и карьерному продвижению в сфере научной деятельности. Прямо или косвенно подразумевается, что речь идет о карьере — в нашей терминологии — в области технической культуры, о продвижении на трех уровнях вузовского образования. Третий уровень — докторантская подготовка — генерирует основные знания, которые, в конечном счете, являются решающим фактором ликвидации безработицы. Поэтому не теряет актуальности обращение к европейским университетам, чтобы они стали прежде всего научно-исследовательскими центрами. Такова схема трансформации европейского университетского пространства с целью создания в ЕС после 2010 года экономики, опирающейся на знания.

Важнейшее значение в этом отношении, по нашему мнению, имеет фактор национального самосознания, ибо Европа — это мультикультурное общество, крупное образование. С этим фактором необходимо считаться при создании и реализации различных проектов. Думается, адаптация трех уровней университетского образования не создаст европейцам проблем. Ведь, например, и в бывших странах социалистического лагеря, осознанно или нет, аналогичная схема существовала. Широко распространенная в настоящее время болонская схема является реализацией европейских устремлений в этом направлении. Вопрос национального самосознания может притормозить процесс превращения европейской экономики в экономику знания. На основе анализа надо выработать альтернативу, интегрирующую исследовательские ресурсы в Европе, чтобы не возникали белые пятна (отток специалистов), а таланты и профессионалы находили полное применение. Теперь выскажем свою точку зрения на содержание и цели образования и воспитания.

7. Аудит бы только помог

Основной вопрос звучит следующим образом. Можно ли утверждать, что исторический прогресс детерминирован таким образом, что каждый последующий шаг в развитии представляет собой функцию одного или нескольких предшествующих шагов, или существует альтернативный выбор одной или нескольких ситуаций? Мы можем — в общих чертах, учитывая многогранность вопроса, — высказать свою точку зрения. Напрашивается мысль, что переломной была ситуация античного периода. Мы убеждены, что греческий античный период, если посмотреть на него глазами современника, при всех оговорках, все же усматривал суть индивида и общества в служении добру и красоте. Пользуясь современным языком, можно сказать, что дело было в культуре гуманизма. Мерилом прогресса в этой культуре было общее благо. Схемы мира в культуре гуманизма (точнее, с преобладанием роли гуманитарной культуры) возникали и преобразовывались в различные религии, покоящиеся на фундаменте веры. Веры в добро, красоту, справедливость, правду, любовь, в чем все они по сути тождественны. Это значит, что человек и

общество прогрессируют в процессе познания законов и правил, отражающих про- движение культуры.

И в наше время происходит стагнация или явно более медленный прогресс гуманитарной культуры по сравнению с прогрессом культуры технической. Если мерилом прогресса этой культуры считать улучшение отношений между отдельными людьми и народами, то, судя по истории и современности, положительные сдвиги незаметны. Нам не удается распознать принципы прогресса гуманитарной культуры, будь это средствами науки или антинауки, даже интуитивно. Культура гуманности чахнет, чему радуется теория марксизма и другие подобные теории, производные от технической культуры. При управлении обществом и человеком царит диктат технической культуры. Эта культура со времен античного Рима представляет добро в виде права. Она ориентируется на примитивные образцы права: деньги это всё — «и добро, и справедливость, и красота, и сила». Совершенно понятно, что восстания или революции в истории человечества не разрушали сложившийся порядок только для того, чтобы сменить одну гордыню другой или одну жестокость еще большей жестокостью, а достигали (в конце концов) своих целей только потому, что опирались на фундамент гуманитарной культуры. В качестве примера вспомним решающую силу французской революции, заключавшуюся в трех словах: свобода, равенство и братство. После осуществления исторических переломов люди искали иные слова для воплощения революционных лозунгов в жизнь. В результате послереволюционная история обогащалась понятиями типа процветание, новое управление, ускорение прогресса и т. п. Прямо или косвенно гуманитарная культура всегда поддерживалась, передавалась и сохранялась в религиозных институтах.

8. Вместо заключения

.

Можно согласиться, что у обеих культур одинаковые тенденции развития и одинаковые возможности. Процесс их познания ставит нас перед необходимостью обобщения, решения новых проблем, что приводит к неожиданным выводам, переоценке подходов, представляющихся стратегическими или перспективными. Нас впечатляет сейчас прогресс технической культуры. Относя сюда и успехи в познании тела человека, мы радуемся его результатам. Более близкое знакомство с этим кругом вопросов позволяет надеяться, что теперь возникает возможность устраниТЬ возможные неполадки в процессах, происходящих в человеческом теле. Предположим, что наступает время, когда человечество будет подконтрольно самому себе, то есть способно идентифицировать цели существования отдельного человека и соответствующим образом решать проблему его адаптации. Мы не сомневаемся, что этот вопрос может стать в будущем предметом текущих дискуссий, если общество со временем станет умнее и лучше.

Встанет и другой острый вопрос, связанный с экспансионистским, захватническим поведением. Эти сильные слова почти сродни распятию. Страдания распятия примиряли даже самых жестоких захватчиков и мстителей. Распятие остается привилегией Бога. Но экспансия страшнее распятия. В то время как божества (Бога) мы могли бы укорить — косвенно — за страдания человека, которые, казалось бы, унижали его, но в действительности оказывались спасательными, а значит достойными

прославления, над экспансией и последующим господством страдание оказалось бессильным. Люди не извлекли урока. Экспансия сопровождает все человеческое существование. Возьмемся утверждать, что экспансия, захватничество, узурпация в широком понимании представляют собой самую страшную болезнь человеческого общества на протяжении всей его истории. Даже неподготовленному читателю или наблюдателю в наши дни будет достаточно беглого взгляда на действия (некоторых) сильных экономик, чтобы прийти к выводу, что речь идет о наивной, очень наивной экспансии, разумеется, во имя свободы для всех. Это выглядит чем-то вроде дьявольского послания, которое использует все и злоупотребляет всем, лишь бы совершить экспансию. Мы думаем, что в предшествующий исторический период экспансия была менее явной, чем теперь.

Мы не ставили перед собой цель анализировать все вопросы, связанные с непрекращающейся экспансией. Мы отстаиваем взгляды тех, кто заявляет, что образование — это распространение универсальных знаний, знакомство людей друг с другом, взаимное уважение и влияние, познание и взаимопомощь. У нас разные условия существования. Но мы принадлежим к единому человеческому роду и способны различать, хотя, наверное, не в полной мере, добро, зло, радость, грусть, страдание. У нас есть много и других слов для выражения нашего стремления к взаимному общению. Под европейским университетским образованием мы понимаем поиски добра для всех на основе свободного выбора принципов и путей движения вперед — независимых, но представляющих один человеческий род, который существует на огромной сцене мира. Его задача — понимать и пытаться менять этот мир.

ЛИТЕРАТУРА

1. Denett D. C. *Darwins' Dangerous Idea, Evolution and the Meaning of Life*. New York: Simon and Schuster, 1995.
2. Eco U. *Universities and the Media. Proceedings of the Seminar of the Magna Charta Observatory*. 17. September 2004.
3. Hradečný P. a kol. *Dějiny Řecka*. Nakladatelství Lidové noviny.
4. Huxley A. *Literature and science*. New York: Harper and Row, 1993.
5. Кондаков М. И. *Образование в современном мире: состояние и тенденции развития*. М.: Педагогика, 1986. 245 с.
6. Kostolanský E. On the Corpus of Literary Works // Human Affairs. 1998. № 8.
7. Love G. Science: Anti — Science, and Ecocritism // Interdisciplinary Studies in Literature and the Environment. Winter. 1999. 6: 1. P. 65 – 81.
8. Popper K. R. *Objektive Knowledge: An Evolutionary Approach*. Oxford: Clarendon P., 1972. P. 112 – 120.
9. Procacci G. *Storia degli italiani*. Librairie Arthème Paris, 1997.

B. A. ТИШКОВ

О российском народе

Для многих российских ученых и для политиков, а также для рядовых граждан продолжают сохранять свой смысл вопросы драматического прошлого страны: почему распался СССР и что произошло с новой Россией в последние 15 лет? Наши ответы на этот вопрос, как и на более конкретные проблемы российской жизни, опираются на анализ явлений и событий с точки зрения *социально-культурной антропологии* — науки о человеке, о создаваемых им социальных коалициях и творимых культурных явлениях. Социально-культурная антропология развита во многих странах мира и почти во всех зарубежных университетах имеются факультеты и кафедры, которые готовят профессиональных антропологов. В России социально-культурная антропология пока развита недостаточно по причине длительного господства обществоведческого анализа на основе классового и формационного подходов, которые недооценивали роль исторической традиции и культурного фактора, власти и организации социального пространства, проектной деятельности людей и ее последствий.

Отличительная особенность социально-культурной антропологии — это *этнографический метод включенного наблюдения*, который отличается от методов других наук, хотя и не противостоит им. Если, скажем, для социолога или экономиста отправными являются данные социологических опросов или собираемые государством статистические сведения, то антрополог строит суждения не только на основе таблиц с ответами, данных о средней заработной плате или о бюджетной обеспеченности граждан. Однако получаемые им сведения могут быть не менее важными, чем макроэкономические показатели и данные социологической выборки по всей стране или региону.

Основная причина, побудившая нас предпринять антропологический анализ современного российского общества, вызвана необходимостью ответа на вопрос: Кто, как и почему в России и за ее пределами воспроизводит парадигму кризиса и даже образ умирающей страны?

Оценка российских реформ и произошедших перемен является не просто вопросом достоверности данных и относится не только к сфере науки. Это также вопрос политики и человеческих эмоций. Не случайно, возникло изречение, что «у того, кто не жалеет о распаде СССР, нет сердца, а у того, кто бы хотел его восстановить, нет ума».

1. Производство парадигмы кризиса

Современный человек во многом создает свои представления не из каждодневной личной практики, а из газетно-телевизионной информации, политических призывов, научных и литературных текстов, профессорско-учительских наставлений и даже из слов эстрадной песен. В зрелых обществах и в профессиональных экспертных сообществах достаточно хорошо знают о феномене субъективных предписаний, включая так называемую психологическую бедность как своего рода отражение завышенных социальных ожиданий. Последние обычно появляются с приобретением «окна в мир» — телевизора, массовым высшим образованием, возможностями путешествий как источника сравнений, пропагандистской обработкой со стороны агитаторов. Все это имеет больше отношение к позитивным социальным переменам, а не к реальной бедности, но именно с этими аспектами жизненных перемен возникают ощущения обездоленности, неравнoprавности, несправедливости и т. п. Современного человека, включая высоких политиков и профессиональных исследователей, убеждает не только виденное, но и многократно сказанное или написанное. *Проблема адекватного понимания российских проблем становится не только первой научной задачей, но и важным условием эффективного развития и управления.*

Пришла пора начать более профессиональный разговор по конкретным проблемам вместо глобальных дебатов «Куда идет Россия?» или «Куда пришла Россия?». Помимо очередного изложения идей, необходимо преодолеть невнятность обществоведческого языка, разрыв между желанием сказать и возможностью говорить, между опытом и методами его артикуляции и, соответственно, анализа.

2. Характер перемен и их восприятия

За последние 15 лет наша страна с точки зрения условий жизни людей пережила глубокие исторические перемены, с которыми трудно сравнить какой-либо предшествующий период ее прошлого. В мире найдется мало других крупных стран, которые отличились столь мощным прорывом в своем развитии. *Опасность возможного социально-политического краха мне видится в утвердившейся в головах людей парадигме кризиса. Образ кризиса в головах реален и опасен, хотя наша повседневная жизнь совсем не такая.*

Глубокие и быстрые перемены в жизни общества воспринимаются многими как нарушение привычного порядка вещей, а значит, как негативные. Не лучше ведут себя и политики, ибо многие из них пребывают в оппозиции к тем, кто во власти занят переменами и развитием страны. Каждая новая пришедшая к власти команда также не очень жаждет признавать заслуги предшественников, чтобы потом возвеличить собственные результаты.

По профессиональному долгу и по призванию ученые-обществоведы подвергают анализу различные стороны происходящего в стране и в мире. Но часто они

разобщены по узким дисциплинам, используют плохие фактические данные и устаревшие методы анализа, которые уже мало что отражают и которыми невозможно замерить новое общество.

Не стоит сбрасывать со счета и политизированность ученых. Они живут в том же самом идеологическом климате. Они также пребывают в сфере различных властных воздействий. Более того, ученые-обществоведы активно участвуют в политической борьбе, зачастую поставляя политикам и СМИ наиболее изощренные аргументы для оценок и предложений.

Тем не менее, ситуация отнюдь не безнадежна. На основе более профессионального анализа можно и нужно достичь нового консенсуса в понимании России. Иначе опасность разрыва между этнографией нашей жизни (повседневной реальностью, заботами и устремлениями) и макроанализом, теоретической холастикой, опросами мнения и публицистической риторикой будет только возрастать. Уже сейчас в отечественных газетах и журналах о реальной жизни гораздо больше говорят не тексты, а рекламные публикации и объявления (это то, что реально покупают и потребляют в качестве товаров и услуг граждане, а иначе бы все это не рекламировалось!) Только из рекламы в СМИ, на дорогах и в метро можно узнать, что люди строят, ремонтируют, покупают, какими они пользуются услугами, где учатся и отдыхают, как между собой общаются и многое другое, что научная экспертиза и журналистика не замечают, отвергают и даже третируют. Если разделить эти два ряда — псевдоаналитический и рекламно-потребительский, то получатся две разные страны и две разные жизни.

Две разные реальности присутствуют даже в статистических показателях социально-экономического развития. В последние годы органы государственной статистики стали проводить выборочное обследование потребительских ожиданий населения с использованием методики Европейской комиссии. На этой основе составляются и публикуются индексы потребительских ожиданий и уверенности потребителя. Эти показатели отражают мнение населения по отдельным аспектам общественной жизни и совокупные потребительские ожидания и намерения населения. Согласно им, основные показатели социально-экономического развития Российской Федерации с 1998 г. идут по возрастающей. Фактическое конечное потребление домашних хозяйств (покупка товаров и услуг, потребление в натуральной форме, социальное обеспечение, образование и здравоохранение и т.п.) выросло к 2004 г. в пять раз. А во всех индексах «ожиданий» и «уверенности» за все эти годы преобладают негативные оценки [1]. Это можно объяснить только воздействием длительно и упорно насаждаемых негативных представлений о положении в экономике и социальной сфере, а также утвердившейся среди населения риторикой жалоб как одной из стратегий достижения сочувствия и вознаграждений. Но вечными стенаниями по поводу краха и обнищания люди могут добиться роста социальных выплат, получить помощь и поддержку, но едва ли через это можно преумножить личное и коллективное богатство, добиться развития и внешнего признания. Конструируемые в СМИ образы голодающих и замерзающих россиян, призванные поразить внутренних политических оппонентов, поражают больше всего саму Россию.

3. Реальные улучшения

В последние годы государственная статистика по вопросам социального положения и уровня жизни населения стала значительно более чувствительной, хотя система сбора данных до сих пор плохо охватывает внегосударственные сферы и формы активности граждан. В оценке социальных условий жизни преобладает социологическое направление, в основе которого находятся статистика и социологический опрос с последующей презентацией таблиц и выводов. За последние несколько лет техника социологов стала более тонкой, и выборки уже основываются не только на жестких реалистических показателях, но и на самооценках. Одним из таких последних социологических срезов проблемы бедных и богатых и проблемы среднего класса в современной России можно назвать книгу исследователей ИКСИ РАН под редакцией М. К. Горшкова [2]. В ней прослеживается первичная индоктринация в пользу парадигмы кризиса, которую сами авторы не очень ощущают и которую в конечном итоге преодолевают.

Утверждение их о «массовом обеднении населения страны» должно означать, что до реформ население жило лучше. А это противоречит слишком многим конкретным данным и наблюдениям, включая выводы авторов книги по поводу растущего среднего класса. Настоящие бедные в России составляют 23,4%, но сюда попали даже те, что могли иметь душевые доходы выше 1500 рублей в месяц и даже до 3 тысяч, но «это не спасало от реальной бедности». Богатые по образу жизни в России составляют около 5%, т.е. почти 7 миллионов человек вместе с членами их семей. К средним классам российского общества причислили себя 49%, хотя авторы предпочли выделить в нем «реальное» ядро — 21%. Но даже этот скромный вывод был представлен в российской прессе как «Сенсация: 20% россиян уже относятся к среднему классу!» [3].

Однако в этих важных исследовательских новациях остаются проблемы с недоучетом недекларируемых доходов и с неоправданным зачислением в число бедных пенсионеров и низкооплачиваемых владельцев квартирной собственности и дачных владений стоимостью в сотни тысячи долларов, которые не позволяют считать таких людей бедными по всем принятым международным стандартам.

Помимо все более реалистичных социологических и статистических данных об улучшении жизни людей в последние несколько лет, существуют другие данные, которые говорят о серьезных и долговременных улучшениях, начавшихся гораздо раньше. Хотя более явно они обозначились в 2003—2005 гг. Торгово-промышленная палата России вместе с компанией «Эксперт-Дата» выявила, что в 2004 г. 60% опрошенных россиян сказали, что считают себя средним классом. По данным Росстата, 800 млрд. рублей люди хранят наличными дома и еще 2,2 трлн. — на рублевых и валютных вкладах. ТПП считает, что 75% потребностей людей не находят удовлетворения [4].

Число выехавших на зарубежные курорты россиян в 2004 г. превысило 5 млн. человек, чего совсем не могут позволить себе, например, бразильцы или мексиканцы. Характер свободного времяпрепровождения, праздничных дней и отпусков изменился очень существенно, и он имеет все признаки средне состоятельного на-

селения. Об этом же, кстати, свидетельствует и созданная фактически заново сфера обслуживания, включая десятки, если не сотни тысяч новых ресторанов и кафе. Россияне впервые в своей истории стали в такой степени питаться вне дома.

В России сейчас 30 млн. автомобилей и, в отличие от Китая, где большинство населения продолжает ездить на велосипедах, в нашей стране произошла всеобщая автомобилизация — явление, которое всегда и везде рассматривалось как признак радикального улучшения жизни людей. Признанный всеми историками период американской истории, известный как «просперити» (процветание), означал ни много, ни мало, а «в каждом доме американца — курица на столе и автомобиль в гараже». Неужели это не напоминает Россию 1990-х годов? В связи с массовым автомобилем рождаются новые элементы культуры, меняются стиль летнего отдыха и межчеловеческие коммуникации.

Пrestижными потребительскими товарами в народе стали видеосистемы, компьютеры и мобильные телефоны. В конце 2005 г. число пользователей мобильных телефонов составило более 70 млн. человек, а в Москве превысило численность населения на 30%.

За последние 10 лет построено жилья, муниципального, частного и второго загородного (включая неучтенное из-за якобы незавершенности) больше, чем за три предыдущих десятилетия. Независимо от политической и макроэкономической ситуации российские граждане вкладывали свои средства именно в жилье, хотя возможно не в самых оптимальных формах. Десятки миллионов дачных построек, включая особняки для круглогодичного проживания, представляют собой плохой образчик городской антропологии, когда миллиардные ресурсы оказались вложенными во второе жилье без инфраструктуры и с ограниченными возможностями сезонного использования. Тем не менее, строительный бум налицо уже более десяти лет. Он пошел параллельно с усилиями граждан по улучшению городских квартир. К 2004 г. 33 человека из ста делали в квартире ремонт.

Явным подтверждением выросших материальных ресурсов граждан стала ситуация в сфере образования. За 10 лет число вузов выросло с 627 до 1071, а число студентов — с 2,7 млн. до 6,8 млн. человек. Всего же на 10 тыс. человек населения в современной России приходится 480 студентов (в 1993/94 гг. — 176 студентов). Это один из самых высоких показателей в мире, свидетельствующий не только о традиционно высоком престиже образования в нашей стране, но и об ее уровне развития.

4. Бедность и насилие

С подачи не очень глубоких аналитиков и местных политиков утверждается взгляд, что корни проблем Северного Кавказа, включая терроризм, заключаются в низком уровне жизни населения и в депрессивности экономики региона. Создан образ бедного Северного Кавказа, от чего, якобы, происходят нестабильность, криминалитет, миграция, сепаратизм и терроризм. В числе самых бедных числятся Ингушетия, затем — Дагестан и другие республики. Это один из мифов нашей обществоведческой науки и статистики.

В тексте проекта рекомендаций Госдумы по Северному Кавказу 30 сентября 2004 г. поставлен диагноз — «низкое социально-экономическое развитие, невысокий жизненный уровень, трудности в получении образования в немалой степени являются причиной, порождающей терроризм и проявления экстремизма среди части населения». Аналогичным образом высказывались наши высшие руководители и некоторые известные ученые. Позволю усомниться в этом диагнозе, а значит, и в рекомендуемой стратегии решения проблем Северного Кавказа.

Признавая необходимость развития всех областей и краев нашей страны, включая регионы юга России, вести речь нужно прежде всего о территориях, где действительно существует сложная ситуация и где есть угрозы национальной безопасности России. Следует развести два понятия. Одно дело — недостаточный уровень развития и слабая занятость населения, что действительно есть, и всегда было на Северном Кавказе с его скромными природными ресурсами и трудоизбыточным населением. Другое дело — бедность, которой на Северном Кавказе нисколько не больше, чем в большинстве остальных регионов страны, и уж, конечно, меньше, чем в центральных российских областях и в южносибирских автономиях (Тува, Алтай, Хакасия). Экспертом по Северному Кавказу следует оценивать уровень и условия жизни не по данным Госкомстата, которые совсем не отражают доходы населения от «серой экономики», разного рода индивидуального предпринимательства. Доля этой части доходов в северокавказских республиках выше, чем во многих других регионах.

Такова ситуация в России, что судить: бедно или небедно живет население только по средним заработным платам или по «бюджетной обеспеченности» невозможно. Необходимо смотреть такие показатели, как размеры и качество жилья, владение автомобилями, объемыаемых иностранных валют, состояние здоровья, число студентов вузов и некоторые другие, которые лучше говорят о том, как реально живут люди. И тогда получится, что Северный Кавказ не «зона бедности». Несмотря на слабую экономику, политическую нестабильность и отсутствие инвестиций, его население умеет обустраивать жизнь своим трудом и предпримчивостью (включая внеправовую деятельность). Если же брать показатели здоровья, то население северокавказских республик находится на одном из первых мест, а Ингушетия — на первом месте среди всех субъектов Российской Федерации. В «зонах бедности» такого не может быть. Так же как не может бедное население посыпать подавляющее большинство выпускников своих средних школ обучаться в вузах, как это имеет место на Северном Кавказе, где престиж высшего образования остается очень высоким.

Но самое главное в оценке ситуации в контексте противодействия терроризму и обеспечения безопасности: *это ошибочное мнение, что именно бедность порождает терроризм*. Страна басков в Испании и Северная Ирландия в Великобритании не являются бедными регионами этих стран, но терроризм там есть. Да и население арабских стран также далеко не самое бедное по мировым стандартам: Индия и Китай, не говоря о странах Африки, живут гораздо беднее. Конечно, нельзя отрицать важность социального благополучия людей для предотвращения терроризма, как и строить иллюзии, что именно здесь лежит решение столь сложной проблемы.

Что же касается причин терроризма, то гораздо более значимыми являются факторы идеологической индоктринации на основе фундаменталистских догматов,

эмоционально-психологические мотивы мести и реванша, рекрутирование личностей в закрытые террористические сообщества, где нет цены жизни, и где террор становится единственным занятием. В этой ситуации не только социально-экономическое развитие, но и подчинение правопорядку принесут мир и стабильность в конфликтные регионы России.

5. Решение демографических проблем

Уже почти десять лет в России происходят жаркие дебаты по поводу демографической катастрофы и вымирания населения страны. Начало было положено научными работами российских демографов, которые, опираясь на данные о рождаемости и смертности и учитывая миграционные процессы, пришли к выводу, что нынешние темпы сокращения населения, в случае если они сохранятся, грозят опасным сокращением населения через 50—100 лет. Неизвестное науке понятие «демографическая катастрофа» было повешено на Россию как доморощенными политиками и экспертами, так и западными отрицателями России. Эта демографическая страшилка приносит больше вреда, чем пользы. *Нужно выбросить катастрофу из головы и заняться демографическими проблемами вместо политических митингов по этому поводу.*

Пока еще ни один из прошлых демографических прогнозов на период в 50 лет не оправдался. Во-первых, всегда происходили какие-то повороты в жизни общества, которые предвидеть невозможно, но они меняли ситуацию. Во-вторых, в отличие от эпидемий, лесных пожаров или инфляции, по части демографии у политиков и у экспертов всегда есть достаточно времени, чтобы предпринять меры по исправлению неблагоприятных тенденций. В-третьих, в демографическом поведении населения на уровне отдельной страны и мира в целом происходят некие тектонические сдвиги, которые не всегда могут объяснить сами ученые. Но ясно одно, что эти сдвиги носят адаптивный, а не саморазрушительный характер. Еще ни одно из государств нового и новейшего времени не исчезло по причине сокращения его населения. Ирония демографических прогнозов состоит в том, что их невозможно проверить и за них не нужно нести ответственность.

По своей сути, это всего лишь новая версия известной в истории разновидности массового страха: *страха сокращения населения*.¹ Он периодически возникал в XIX веке в качестве главной темы политического и научного дискурса. Такого рода страхи возникают в моменты, когда доминирующая военная, политическая или экономическая держава переживает утрату своих позиций или же начинает чувствовать неуверенность в своем превосходстве на будущее. Россия пережила грандиозные потрясения с конца 1980-х годов, включая распад самого государства и утрату территории с населением, которое и давало советскому народу его основной прирост. Тем более что вступление страны еще в 1980-е годы в длительную стадию снижающейся рождаемости совпало с ростом смертности в первой половине 1990-х годов.

¹ Об этом феномене см.: Michael Teitelbaum, Jay Winter. *Fear of Population Decline*. Academic Press, 1985. А также критику этими авторами взглядов Логмэна в журнале «Форин Афферс»: Phillip Longman. *The Global Baby Bust*. // Foreign Affairs, May/June 2004; Michael Teitelbaum, Jay Winter. *Demography is Not a Destiny*. // Foreign Affairs, Sept/Oct. 2004.

Горячим демографическим дебатам способствует политическая либерализация (попробовали бы эти вопросы обсуждать в советское время!), а также реальная политическая борьба конкурирующих взглядов и групп в обществе. На самом же деле, демографическая ситуация далеко не определяется политикой и даже социальными условиями жизни. Катастрофический взгляд на демографию решению проблем может только помешать. Безусловно, проблема есть, как и есть опасность, что политики справа и слева и идеологи от демографии сохранят свою приверженность преувеличенной риторике, как это они делали в 1960—70-е годы в связи с «демографическим взрывом» или как это они делают сегодня по поводу «вымирания» страны и даже всего человечества.

Как показывает исторический опыт, современные человеческие сообщества в рамках государств находят ресурсы залечивать демографические раны. После гражданской войны и после второй мировой войны наша страна потеряла неизмеримо больше населения, но, тем не менее, восстановила его. Наполовину население страны не сократилось, хотя механические проекции 1920-х и 1940-х гг. такое вполне допускали. Однако демография — это не только фаталистическое выстраивание проекций, но и осуществление наступательных стратегий.

Первая стратегия — это ограничение доступа к методам контроля над рождаемостью, то есть принуждение к ограничению использования контрацептивов и числа абортов. Прямое ограничение доказало свою неэффективность и даже вредность. А вот косвенное воздействие, особенно через религиозные установки верующей части населения, — это очень эффективный метод повышения рождаемости. Среди разных факторов экономического, социального и культурного характера — религиозная установка против искусственного регулирования рождаемости является самой значимой. Она важнее фактора бедности и богатства, денежных пособий и медийной пропаганды.

Вторая стратегия — поощрение более высокой рождаемости через экономические, социальные и пропагандистские воздействия. Мировой опыт здесь огромен. Пусть скромный, но российский бэби-бум возможен. Он сократит естественную убыль, хотя расширенного воспроизводства населения все равно не даст, ибо в ближайшие годы в стране будет недоставать людей репродуктивного возраста. Планируемые меры в рамках национальных проектов, а также особые федеральные и региональные программы и законодательство также должны принести свои плоды. Самое неотложное, что может быстро улучшить демографическую ситуацию, — это изменение отношения населения к своему здоровью, сокращение вредных привычек, снижение смертности от неестественных причин, прежде всего — от несчастных случаев. За 4—5 лет можно получить результат, после которого сразу же потребуется пересчитывать все прогнозы.

Третья стратегия — увеличение иммиграции. Для России это пока самый значимый ресурс, как и для всех стран Европы. В 1990 — 2000 гг. на иммигрантов пришлось 90% прироста населения в регионе Евросоюза. Этот прирост, кстати, был очень скромным, ибо большинство стран Европы переживают негативный естественный рост населения. Но официальная (регистрируемая) иммиграция в Россию фактически была закрыта в последние годы. Пока положение на рынке труда и в демографической ситуации спасают не регистрируемые иммигранты, которых на-

зывают нелегальными. Перспективы роста иммиграции довольно ограничены, ибо наиболее приемлемый ресурс — это население стран СНГ. Сейчас в России не менее 5 миллионов не посчитанных мигрантов, которые могут стать постоянными жителями. Из них 1,5 миллиона бывших соотечественников уже стоят в очереди за гражданством.

Четвертая стратегия — осуществление адаптационных мер в условиях сокращения и старения населения. Это довольно новая задача. Современная жизнь требует менять жесткие границы между работой и домашней жизнью, между категориями работающих и пенсионеров. Многие люди, представляющие некоторые современные специальности и занятия, могут приносить пользу своим трудом, не обязательно в рамках 40-часовой рабочей недели за пределами дома. Меры по созданию условий для продления трудовой деятельности и благополучной жизни пожилых людей — это тоже часть демографической политики, ибо *не только повышение рождаемости, но и сохранение населения есть одна из форм демографического роста.*

6. Этнокультурная мозаика России и управление

Длительное время этническая сфера нашей общественной жизни именовалась «национальным вопросом» или «межнациональными отношениями», а политика по отношению к национальным меньшинствам (или национальностям) — «национальной политикой». В СССР на протяжении многих десятилетий это была политика поощрения этнического многообразия вплоть до того, что этнический принцип был положен в основу государственно-административного устройства страны. На государственном уровне национальная идентичность утверждалась через понятие *советский народ* и через советский патриотизм, а целостность государства обеспечивалась через жесткий политический и идеологический контроль.

СССР был своего рода «империей аффирмативных акций», как определил его американский историк Терри Мартин, имея в виду невиданное ни в каком государстве масштабное спонсирование этнических культур, результатом чего стало конструирование многочисленных «социалистических наций» из пестрого по региональному, этническому и религиозному составу населения бывшей Российской империи [5]. СССР был не тюрьмой народов, а колыбелью новых наций. Не случайно, этнонационализм и сепаратизм титульных этнических элит союзных республик стал одним из основных факторов распада СССР, после которого возникло 15 новых государств с многоэтничным составом населения (за исключением Армении) [6]. Частично политическая философия и государственная конструкция на основе этнонационаций сохранилась в Российской Федерации, в составе которой есть 21 этнотERRITORIALNAYA автономия в форме республик-государств.

Население России имеет сложный этнический, расовый и религиозный состав. В отличие от других многоэтничных стран мира в России этническому фактору придается особое значение. Каждая этническая группа имеет статус «народа» или «нации», и через принцип национальности (то есть этнической принадлежности) все граждане страны делятся на народы. В 1989 году в СССР было 128 «национальностей». Перепись 2002 г. в России зафиксировала более полутора сотен.

В результате общественно-политических кампаний от имени ряда малых этнических групп получили признание в качестве «самостоятельных народов» бессермяне (до этого считались удмуртами), шапсуги (группа адыгов в Краснодарском крае) и ряд групп из состава алтайцев. С требованиями отдельного статуса и против принудительного переписывания в состав других групп выступили активисты из числа кряшен, сибирских татар, ряда малочисленных народов Дагестана. Власти Татарстана и Дагестана выступили решительно против «раздробления наций» из опасений представителей титульных групп утратить доминирующее положение в республиках.

В переписи 2002 г. впервые была произведена ступенчатая группировка ответов, включившая 142 самостоятельных этнических наименования и 40 названий, объединяемых с первыми в качестве «подгрупп». Таким образом, была сделана попытка отразить не только многообразие населения России, но и показать реалии культурно-интегративных и ассимиляционных процессов. Избегая возможной межэтнической напряженности в вопросах распределения власти и пойдя навстречу требованию Дагестана, некоторые дагестанские народы были показаны как подгруппы, а их численность приplusована к общей численности аварцев. В тех случаях, когда заметного политического давления из республик не было, новые этнические категории «появлялись» безболезненно. Речь идет, к примеру, о *бессермянах*, численностью 3,2 тысячи человек. То же — в отношении *кумандинцев, теленгитов, телеутов* и других, учтенных независимо от алтайцев. Переписью выделены отдельно от адыгейцев *шапсуги*, от украинцев — *русины*, от тувинцев — *сойоты*. В целом перепись показала несостоительность разговоров об «этноциде», «вымирании», а также о радикальных изменениях в этническом составе населения России. Данные по 23 самым многочисленным категориям (96% населения страны) выглядят следующим образом (см. табл.).

Этнический состав населения Российской Федерации

Таблица

	2002 г.		1989 г.		2002 г. в % к 1989 г.
	тысяч человек	% к итогу	тысяч человек	% к итогу	
Все население	145166,7	100,00	147021,9	100,00	98,74
в том числе:					
Русские	115889,1	79,83	119865,9	81,53	96,68
Татары	5554,6	3,83	5522,1	3,76	100,59
Украинцы	2943,0	2,03	4362,9	2,97	67,45
Башкиры	1673,4	1,15	1345,3	0,92	124,39
Чуваши	1637,1	1,13	1773,6	1,21	92,30
Чеченцы	1360,3	0,94	899,0	0,61	151,31
Армяне	1130,5	0,78	532,4	0,36	212,34
Мордва	843,4	0,58	1072,9	0,73	78,60
Аварцы	814,5*	0,56	544,0**	0,37	149,71
Белорусы	808,0	0,56	1206,2	0,82	66,98
Казахи	654,0	0,45	635,9	0,43	102,85
Удмурты	636,9	0,44	714,6	0,49	89,10

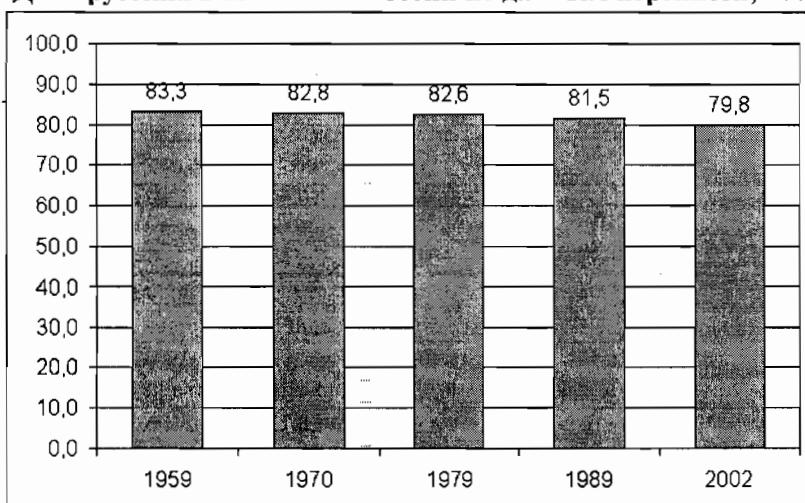
	2002 г.		1989 г.		2002 г. в % к 1989 г.
	тысяч человек	% к итогу	тысяч человек	% к итогу	
Азербайджанцы	621,8	0,43	335,9	0,23	185,13
Марийцы	604,3	0,42	643,7	0,44	93,88
Немцы	597,2	0,41	842,3	0,57	70,90
Кабардинцы	520,0	0,36	386,1	0,26	134,68
Осетины	514,9	0,35	402,3	0,27	127,99
Даргинцы	510,2*	0,35	353,3**	0,24	144,38
Буряты	445,2	0,31	417,4	0,28	106,65
Якуты	443,9	0,31	380,2	0,26	116,73
Кумыки	422,4	0,29	277,2	0,19	152,40
Ингуши	413,0	0,28	215,1	0,15	192,04
Лезгины	411,5	0,28	257,3	0,17	159,96
Другие и не указавшие	4257,1	2,93	4036,1	2,78	105,48

* Для категории «аварцы» приводится цифра с учетом численности андо-цеэских групп и арчинцев, а для категории «даргинцы» — с учетом кайтагцев и кубачинцев.

** В 1989 г. в составе аварцев учтены андо-цеэзы и арчинцы; в составе даргинцев — кайтагцы и кубачинцы.

Перепись показала безосновательность страхов о катастрофическом сокращении численности русских. Сокращение действительно имело место, но на 3,3%, а доля в составе населения страны — на 1,7%. Основная причина сокращения — низкая рождаемость и высокая смертность. Второстепенным фактором сокращения служит миграционный отток. Дополнительным источником пополнения является ассимиляция в пользу русского языка и этнической идентичности среди иных групп.

Доля русских в населении России по данным переписей, в %

Незначительное сокращение зафиксировано также среди мордвы, удмуртов, чувашей, мордовы, хакасов, коми и других. Некоторые категории, наоборот, численно выросли (аварцы, азербайджанцы, армяне, башкиры, буряты, даргинцы, кабардинцы, кумыки, лезгины, осетины, чеченцы, ингушки, якуты). Однако это не вызвало радикальных изменений в этническом составе населения страны, если не считать сильного уменьшения численности украинцев, евреев и немцев: украинцев — в результате перехода в русские, евреев и немцев — в результате эмиграции.

В отношении самых крупных этнических категорий (свыше миллиона человек), имеются группы, численный состав которых сильно возрос. Это, прежде всего, армяне (212% по отношению к численности в России в 1989 году) и чеченцы. Смертность чеченцев из-за военных действий была значительно меньшей, чем принято считать. Перепись показала численный рост башкир, который объясняется не только демографическими причинами, но и факторами политического характера — административным давлением в пользу перезаписи части населения из татар в башкир. Численность татар практически не изменилась: было 5,52, стало 5,55 миллиона.

Незначительно сократилась численность чувашей: было 1,77 миллиона, стало 1,64 миллиона. Неблагоприятные демографические тенденции в данном случае имеют место, но основной фактор — смена этнической идентичности. Эта же причина характерна и для сокращения численности украинцев. Известно, что в первые годы после распада СССР значительное количество украинцев, особенно из дальневосточного региона, переехало на Украину. Но очень скоро наметилось миграционное стремление в Россию, особенно во второй половине 1990-х. До настоящего времени Украина является основным источником российского миграционного прироста. Накануне публикации первых итогов переписи СМИ давали прогнозы, по которым численность украинцев в России должна была возрасти. Тем не менее, перепись зафиксировала сильное, никем не прогнозируемое снижение — с 4,36 миллиона до 2,94 миллиона, то есть почти на треть. Наличие фактора смены идентичности в таком колебании представляется очевидным.

Среди народов численностью менее миллиона, но не менее 500 тысяч человек увеличение характерно только для кавказских групп. Наиболее заметны азербайджанцы: 622 тысячи против 336 тысяч в 1989 г. По темпам азербайджанцы лишь немногим отстали от прироста в России армян. Факторы быстрого увеличения численности в основном миграционного свойства. Пслугорное увеличение численности зафиксировано среди даргинцев и аварцев, что соответствует представлениям о сохраняющемся значительном естественном приросте в Дагестане. Среди крупных групп, заметно возросших численно, перепись показала также осетин.

Остальные крупные этнические категории — белорусы, мордва, немцы, удмурты — сократились по численному составу. Главные причины — снижение рождаемости и смена этнической идентичности. Количество белорусов и немцев снизилось также за счет миграции, хотя миграция на разных этапах играла неоднозначную роль. На протяжении 1990-х годов. Россия была своеобразным перевалочным пунктом для миграционных потоков в Германию. Хотя приезжало немалое количество немцев из Казахстана и Средней Азии, ежегодно страну покидало по 30—50 тыс. российских немцев. Но с конца 1990-х миграция была скорее фак-

тором роста числа немцев в России, нежели причиной его сокращения. Итоговый баланс оказался все же отрицательным — снижение произошло почти на треть.

К категории менее полумиллиона — до 100 тысяч относится гораздо большее количество групп. Среди них евреи, которые по данным последней советской переписи превышали полумиллионный рубеж, а теперь составили 230 тыс. человек. Уменьшение произошло за счет интенсивной эмиграции в страны дальнего зарубежья и демографического старения членов этой наиболее урбанизированной группы.

По причинам ассимилятивного характера сократилась численность коми и коми-пермяков. Незначительно возросла, а, по сути, осталась неизменной численность бурят, калмыков, адыгейцев. Несколько более заметен рост якутов и тувинцев. Перепись показала 20-процентное увеличение цыган. Их учтено 183 тыс. против 153 тыс. в переписи 1989 года. Учитывая значительный естественный прирост цыган, вряд ли стоит доверять результатам переписи. Возможно, ответ в отношении низкого прироста цыган кроется в цифрах о других группах (переселившиеся из Средней Азии цыгане могли быть зафиксированы как «узбеки» или «таджики»).

Таджики — первые в России по скорости прироста среди крупных по численности групп. Их количество увеличилось с неполных 40 тыс. до 120 тысяч, то есть в 3 с лишним раза. Основным фактором, безусловно, является миграция. Но естественный прирост, по всей видимости, играет все возрастающую роль. В отношении таджиков, как и в отношении азербайджанцев, через СМИ распространены мифы об их невероятно большой численности, чуть ли не о тотальном переселении в Россию. Реальные масштабы совершенно иные, хотя, если считать вместе с трудовыми мигрантами, численность таджиков представляется большей, нежели показала перепись.

Очень заметно возросло количество ингушей, лезгин, корейцев, кумыков, табасаранцев, лакцев, балкарцев, карачаевцев, грузин.

Действительно, *численное соотношение между разными этническими общностями, а также ареалы их расселения меняются со временем, вызывая порою напряженность и даже конфликты*. Однако, как показала последняя перепись, в масштабах страны эти процессы не происходят быстро. Только массовое переселение мигрантов в ходе распада СССР и либерализация режима проживания с формирующимся рынком жилья привели к существенным изменениям сложившегося этнического состава в ряде крупных городов и мест. Больше всего это коснулось столицы страны и южнороссийских регионов.

По вопросу этнических перемещений можно сказать с определенностью: *управленцы и общественность не должны поощрять пространственную сегрегацию по этническому или религиозному признаку*. Опыт хасидских, арабских и прочих кварталов в западных городах для России лучше не перенимат, ибо он по своей природе конфликтогенен. Лучше поощрять смешанное проживание людей разной культуры и веры. *Интеграция должна означать не только принятие новожителями доминирующей местной культуры, но и включение в местные уклады полезных нововведений*.

Поверхностная демография не учитывает то важное обстоятельство, что численность этнических общностей, включая и русских, определяется не только рождаемостью и миграцией, но и не менее важным фактором ассимиляции, то есть добровольной сменой идентичности и переходом из одной в другую общность. Учи-

тывая постоянно высокий уровень смешанных браков в России, этот выбор всегда стоит перед детьми из смешанных семей. И делается он чаще всего в пользу доминирующей группы и ее культуры, каковыми в нашей стране исторически являются русские и русскоязычная культура. Русские как один из наиболее урбанизированных народов имеют низкую рождаемость, но их доля в составе населения России практически не изменилась между переписями 1989 и 2002 годов. Это не только потому, что среди мигрантов было много русских, но и потому, что в русские за этот период переписалось много представителей других народов, прежде всего восточно-славянских и финно-угорских. Численность российских украинцев сократилась на 1,5 миллиона, белорусов на 400 тысяч, мордвы на 200 тысяч, удмуртов на 100 тысяч. Мордва и удмурты из России не уезжали, украинцев и белорусов уехало гораздо меньше. Рождаемость у представителей этих национальностей была примерно одинаковой с русскими. Значит, часть россиян «перешла» в русские. И так было в отечественной истории на протяжении всего XX века, после введения в переписи 1926 г. этнической категории (национальности) и переделывания великороссов в русские. До этого русскими считались православные люди или, как минимум, все восточные славяне (великороссы, малороссы и белорусы).

Чем больше отечественные шовинисты и ультра-националисты будут бороться за «чисто русских» по части облика и звучания фамилий, тем труднее людям с внешностью похожей на А. С. Пушкина и с фамилиями с окончаниями на «ко», будет совершать свой переход в русские. Тем меньше будет русских в России. В любом случае политика в этой сфере должна быть следующей: *выбор этнической идентичности (национальности) человека — это его частное дело, так же как и выражением культуры является не только право на пребывание в группе и сохранение ее культуры, но и право на выход из группы и переход в другую группу и культуру.*

7. Миграционная ситуация

Несмотря на закрытость советского общества и авторитарный характер власти, СССР отличался высокой степенью внутримиграционной активности его населения. В последние десятилетия существования страны это была преимущественно трудовая миграция и семейно-родственные перемещения. После распада СССР под влиянием политico-идеологических мотиваций эта миграция была представлена как организованная государством «русская экспансия» на периферию империи. При этом масштабы свободной пространственной мобильности советских людей преуменьшились, а на Западе о них почти ничего не было известно. Именно поэтому ставшие уже межгосударственными крупные людские перемещения после распада СССР стали восприниматься своего рода тектоническими сдвигами и трудно регулируемыми вызовами. Эксперты и политики, а за ними СМИ и рядовые жители стран СНГ воспринимают постсоветскую миграцию как абсолютно новое явление, вызванное исключительно распадом СССР и его последствиями. Однако это не так.

Прежде всего, следует отметить, что вопреки распространенным представлениям, общие объемы переселений между странами СНГ после распада СССР резко сокращались по причине системного кризиса новых государств и сужения

возможностей легитимной миграции. Количество учтенных статистикой мигрантов, переехавших из одной страны СНГ в другую, сократилось почти в 3 раза — с 2 млн. человек в 1989 г. до 660 тыс. человек в 2002 г. В последние годы количество мигрантов продолжает сокращаться. Здесь сказывается то обстоятельство, что при дезинтеграции СССР не была гарантирована (хотя бы на ограниченный срок) преемственность основных прав личности для желающих переехать из одной бывшей союзной республики в другую, в том числе право на свободный выбор страны проживания и гражданства, наследование имущества, автоматический зачет трудового стажа и пенсий. Правовая неопределенность затронула интересы миллионов людей. Последствия безразличия к бывшим согражданам преодолеваются медленно, так как наталкиваются на реальные и мифические озабоченности властей по поводу «миграционных угроз», на национализм и сепаратизм, недружелюбное отношение к мигрантам, мелочную финансовую расчетливость новых государств. Чем дальше дистанция от СССР, тем труднее его бывшим гражданам получить гражданство принимающей страны и подтвердить свои трудовые и имущественные права, так как законодательства новых стран все дальше расходятся друг от друга. Для властей многих стран СНГ характерно ограниченное понимание роли миграционных процессов и мобильности населения в развитии рыночной экономики. Отсюда жесткие требования к гражданству, попытки поставить заслоны миграционным потокам между странами СНГ, расхождение между демократическими декларациями и консервативной практикой. В результате мигранты остаются одной из наименее защищенных в правовом отношении групп населения в постсоветских странах.

Сокращение пространственного движения населения в регионе бывшего СССР было тотальным. Оно коснулось всех стран СНГ и затронуло как иммиграцию, так и эмиграцию. Иммиграция падала синхронно по всем странам, лишь в России в 1994 г. наблюдался ее кратковременный рост. По сравнению с 1989 г. иммиграция по странам СНГ меньше всего сократилась в России, но и здесь она уменьшилась более чем в 2 раза. Сравнение миграционных трендов показывает, что ситуации в странах СНГ очень похожи, несмотря на различия в политических системах. Главный вектор миграционного движения в странах СНГ направлен в сторону России. В период 1990-х годов ее привлекательность сильно возросла вследствие культурной близости для многих переезжающих и относительно лучшего экономического положения.

Россия за 1989—2002 гг. приняла 10,9 млн. мигрантов из постсоветских стран (включая страны Балтии). Обратно выехало 4,1 млн. чел. Миграционный прирост достиг 6,8 млн. человек. В среднегодовом исчислении это в 2,7 раза больше, чем в 1980-е годы. Но такой результат был достигнут не столько за счет роста въезда, сколько по причине почти полного прекращения выезда из России. Возможность дальнейшего наращивания миграционного прироста за счет сокращения выезда исчерпана.

Миграционные тренды выявляют решающую роль России в регулировании миграционного движения на пространстве СНГ. Изменение обстановки в России отражается на всех миграционных потоках. Россия привлекает население из всех стран СНГ, кроме Белоруссии, которая единственная уже в течение 7 лет имеет положительный обмен со всеми партнерами по Содружеству. Самый крупный мигра-

ционный донор России — Казахстан, на втором месте Узбекистан, за ним следует Украина. За счет закавказских стран Россия увеличила свое население на 18,9%, среднеазиатских — на 29,8%, балтийских — на 4,7%. Остальные страны СНГ (кроме России и Белоруссии) имеют отрицательный миграционный баланс.

В основе миграционных потоков в СНГ лежала своего рода «репатриация» русских, украинцев и белорусов, которые в 1998—2000 гг. составляли соответственно 51%, 15% и 4% мигрантов. Доля славянской составляющей в миграционных потоках стабильно высока, в то время как размеры потоков сокращаются, обусловливая общий нисходящий тренд движения, в связи с постепенным исчерпанием демографического потенциала, угасанием националистических настроений и адаптацией оставшихся русских, украинцев и белорусов к изменившимся условиям.

В течение 1990—2003 гг. из постсоветских стран выехало в Россию примерно 4 млн. из 25,3 млн. проживающих там русских. Не менее полумиллиона русских выехали из закавказских и центральноазиатских стран в Украину и Белоруссию. Потенциал переезда русских в Россию практически исчерпан в странах Закавказья и в Таджикистане. Страны Центральной Азии потеряли по 25—30% русских. Проживающие в Украине и Белоруссии русские почти не были вовлечены в миграционное движение, что отражает устойчивость социальной ситуации в европейской части СНГ. Не спешат возвращаться в Россию и русские стран Балтии, потери которых составили менее 10%.

После 1995 г. обозначилась тенденция сокращения выезда русских, коснувшаяся всех стран СНГ и Балтии, что в значительной мере обусловлено реакцией на вооруженный конфликт в Чечне и на возросшие трудности интеграции, связанные с новым российским законом о гражданстве. Со своей стороны, многие страны СНГ, особенно Казахстан, все более ощущают последствия потерь интеллектуального потенциала и квалифицированной рабочей силы. Чтобы воспрепятствовать этому, постепенно расширяется сфера употребления русского языка, облегчается доступ к российским информационным каналам, делаются уступки в вопросах гражданства, а обозначившийся в большинстве стран выход из экономического кризиса создает лучшие условия для трудоустройства. В возвратное движение в Россию были вовлечены представители других российских национальностей — татары, башкиры и др., в совокупности составившие около 10% миграционного прироста России.

8. Образ страны и национальная идентичность

Собирательные образы страны и народа имеют огромное значение в структуре национальной идентичности граждан, а также для восприятия страны внешним миром. Эти образы трудно разделить на внутренние и внешние: как мы думаем сами о себе, так и думает о нас остальной мир. Хотя может быть и наоборот: как внешний мир по тем или иным историческим, геополитическим и культурным причинам конструирует и насаждает образ той или иной страны, так и сама эта страна начинает жить в навязанном образе. Но чаще всего имеют место оба совпадающих или конкурирующих между собой процесса, в результате чего и складывается образ со всеми его оттенками.

Как правило, тот или иной народ имеет позитивный самообраз и не ставит себя ниже соседей и представителей других миров. Все страны стремятся создать собственный позитивный образ. Он необходим для нормального социально-психологического самочувствия людей, для обеспечения лояльности и сплоченности населения, для благоприятных внешних контактов. Если у большинства населения нет сложного и позитивного представления о стране и о государстве, тогда и нет этого государства. *Национальная идентичность есть общеразделяемое представление гражданина о своей стране, ее народе и чувство принадлежности к ним.* Она не менее, а даже более важна для государства, чем охраняемые границы, конституция, армия и другие институты. Государства создаются людьми и существуют потому, что каждое новое поколение его жителей разделяет общее представление о государстве и признает его.

Общество, прежде всего в лице интеллигентской элиты, вместе с властями формулирует представление о народе, который живет в государстве и которому принадлежит это государство. Таковым может быть только *согражданство*, территориальное сообщество, то есть *демос*, а не этническая группа, которую в российской науке называют интригующим словом *этнос*, имея под этим в виду некое коллективное тело и даже социально-биологический организм. Из советской идеологии и науки пришли к нам эти представления, которые, к сожалению, не исчезли, как это случилось с другими ложными конструкциями.

Заложенная когда-то еще Н. М. Карамзиным достойнейшая категория «российский народ» и «россияне» ушла из лексикона после 1917 г. по той причине, что из названия государства ушло слово «Российская». В новом государстве СССР российский народ стал называться советским народом, который уже в брежневские времена идеологи решили называть еще и «новой исторической общностью», хотя типологически ничего принципиально нового в этой общности по государству не было. У советского народа были свои объединяющие символы, ценности, представления, культурный арсенал и общепережитые драмы и достижения. Нынешняя категория единого российского народа может вызывать некоторую настороженность, отчасти, по причине испуга от быстрого политического распада советского народа. Но это напрасные страхи.

Вторая причина — это господство в российской аналитике и в историософских дебатах устаревших советских заблуждений о том, что есть народ, нация и национальное государство. Все эти три категории на протяжении многих десятилетий трактовались в этническом смысле и все, что определялось как «национальное», обозначало этническое или этнокультурное. СССР и Российская Федерация воспринимались исключительно в категории «семьи народов» и их дружбы или «многонационального народа». Получалось: в Англии живут англичане как нация, в Китае — китайская, в Испании — испанская, в Индии — индийская нация, а в России — 128 наций и народностей. Международное право понимает под категорией народ территориальное сообщество и не признает этнический партикуляризм в качестве государство-организующего принципа. Когда в ежегодном президентском послании в 1994 г. была впервые сформулирована как перспективная цель — российская гражданская нация, отечественные этнонационалисты выступили резко против этой доктринальной новации.

На протяжении ряда лет в России существовали смутные представления и установки по части национальной государственности и национальной идентичности. С трудом, но все-таки появились понятия национальных интересов, бюджета, обороны, безопасности, здоровья нации, лидера нации и т. п. Все равно для этнонационалистов от науки и политики Россия не существует как национальное государство, ибо сам субъект нации до сих пор спущен на уровень этнических общностей, а их территориальная автономия в виде субъектов федерации, культура, наука, образование — это и есть субстанции, к которым прилагается «национальное». Вплоть до сегодняшнего дня национальное государство мыслится только как государство, находящееся в пользовании одной этнографии и одной этнокультуры. А раз так, то и никакого разговора о России как национальном государстве быть не может. Так многие думают в Москве и в Казани, а уж для некоторых западных экспертов по России саморазрушительная формула «многонациональности» — это вообще спасительная надежда на возможное досамоопределение страны в границах «собственно России».

Население нашей страны обладает высокой степенью единства в смысле общих ценностей, культурной гомогенностью, активным межэтническим взаимодействием, которым могли бы позавидовать многие крупные государства, утверждающие с разной долей успеха идею единой нации среди своего населения. Причем, население этих стран, в отличие от России, не может разговаривать между собой на одном языке и его части воюют друг с другом десятилетиями. Достаточно назвать Индию, Испанию, Китай, Индонезию, Мексику, Нигерию, ЮАР и десятки других стран, где этнического и языкового однообразия нет, а концепция единой нации есть и реально сплачивает страну.

В России — наоборот: есть реальное единство при сохранении этнокультурного разнообразия среди россиян, но нет представления об едином народе, его национальных интересах и национальной культуре. У нас «национальные интересы народа» — это партикулярные запросы граждан татарского, осетинского, карачаевского, якутского, бурятского и иного этнического происхождения. «Национальная культура», «национальное образование» в России — это не российские культуры и образование, а аварские, даргинские, марийские, мордовские и прочие культуры и школы. А далее сразу следует «выход в мировую культуру», как бы минуя российскую.

Идеологи этнонационализма проводят линию, что татарский, башкирский, марийский, мордовский и другие культурные компоненты это не есть часть российского культурного арсенала, а это часть полумифических и политизированных «турецкого мира», «финно-угорского мира» и прочих «татарских миров». Следом за этим принимаются государственные программы поддержки избранной категории россиян, родные языки которых лингвисты поместили в одну языковую семью, например, финно-угорскую. А уже за ними следом, только с противоположным смыслом, эстонские политики вносят в ПАСЕ проект резолюции о нарушении прав финно-угорских народов в России. Обе эти позиции спонсирования этнического партикуляризма есть по сути отрицание российского народа, а значит, и России.

Не нужно ничего «формировать» и делать из татар или бурят россиян, а тем более — русских. Задача ответственных экспертов — терпеливо и настойчиво

объяснять, что *российскость как идентичность и российский народ-нация — не результат внутренней унификации, а естественное наложение на множество внутренних этнокультурных различий, которое существует среди населения страны*. Гражданская российская нация представляет собой сложное единство. И нужно признать, что национальная идентичность, а значит, российская нация существуют, а не есть просто мечта или задача для очередного «строительства». Дальше отрицать и разрушать российскость недопустимо. *Всеми доступными методами нам нужно безоговорочно утверждать приоритет самого понятия российский народ.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Социальное положение и уровень жизни населения России 2004. Статистический сборник. М., 2004. С. 27—37.
2. Россия — новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс. М., 2004.
3. Известия. 13.01.06.
4. Известия. 19.07.05.
5. Martin T. The Affirmative Actions Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923—1939. Ithaca, 2001.
6. См.: Трагедия великой державы. Национальный вопрос и распад Советского Союза / Под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 2005.

Ана ЛУЛЕВА

Гендерный аспект постсоциалистической трансформации в Болгарии

Сформированный исследованиями трансформации нарратив периода перемен повествует о смене систем в Восточной Европе как истории политической демократизации, соответственно — экономической и социальной модернизации и рассматривает процессы и явления на теоретическом макроуровне и в методологической макроперспективе [21, с. 271]. В майнстриме транзитологии внимание привлечено к общественной сфере, где происходят институциональные реформы. Микроуровень, сфера частного, жизненный мир «простых людей» в целом и в гендерной перспективе значительно менее исследованы. Концепция модернизации (запаздывающей, догоняющей), доминирующая в теориях перехода¹, игнорирует проблему изменения положения женщины — обстоятельство, свидетельствующее о ее ограниченной объяснительной силе [27, с. 133—140].

Когда говорят о положении женщин в трансформирующихся обществах, нередко исходят из тезиса, что женщины — «главные проигравшие» от перехода [3, 17, 26]. Об этом свидетельствуют данные о растущей безработице среди женщин, феминизации бедности, утраченных социальных льготах, их ограниченном участии в политике и проч.² Б. Зауэр не без основания критикует эту виктимизацию женщин, попытку свести их к положению жертв, близкую к ностальгическому взгляду и не позволяющую перейти к объяснению реальной ситуации и политики в этой сфере (27, с. 134).

Я остановлюсь на некоторых характерных для болгарского общества особенностях положения женщины в условиях постсоциалистической трансформации, показав, как сформированный при государственном социализме гендерный порядок действует в период освоения постсоциалистической повседневности и как изменяется вместе с ней. Надеюсь, что таким образом смогу привести достаточные аргументы для обоснования тезиса: понимание процессов трансформации нуждается в поиске точек пересечения между социальными макропроцессами и микроуровнем.

¹ Обобщающие работы о теориях трансформации см.: 14, с.10-39; 8, с. 93-118.

² См. опубликованные социологические исследования в: 28, 31, 32, 33.

См.: *Luleva A. Transformation und Geschlechterordnung im postsozialistischen Bulgarien // E.Schaefer, I.Dietzsch, P.Drauschke, I.Peinl, V.Penrose, S.Scholz, S.Voelker (Hrsg.) Irritation Ostdeutschland. Geschlechterverhaeltnisse seit der Waende. Muenster, 2005. s. 60-75.*

И второе: перемены в жизненном мире, социальных ролях полов, связанных с ними ценностях и практикой требуют анализа в широком культурном контексте.

В анализе взаимосвязи между макросоциальными процессами и их интерпретацией в культурных образцах и практике основу могли бы составить теории Ю. Хабермаса и Р. Козелека. В «Теории коммуникативного действия» Хабермас исходит из того, что субъекты имеют в своем распоряжении совокупность культурных значений, которая образует контекст их действий и самооценок. Опираясь на идею консервативности культурных значений, их более медленного изменения Козелека, можно допустить, что отдельные социальные группы воспринимают процесс трансформации сквозь фильтр своих, сформированных ранее, знаний и опыта. Культурный опыт, в свою очередь, не остается неизменными. В «переходное время» он проблематизируются, переосмыляются и частично отвергается.

На важность анализа культурного измерения процесса трансформации указывают антропологи¹ и этнологи. По мнению П. Нидермюллера «Сегодня, спустя более чем десятилетие после конца социализма, можно убедиться, что когнитивные и символические факторы сильно влияют на структурные и институциональные перемены, их ход и результаты; оказывают обратное воздействие и, таким образом, играют центральную роль в процессе смены системы» [21, с. 265].

Транзитология учитывает, что перемены не осуществляются параллельно на разных уровнях общества. Процессы на микро- и макроуровне не происходят синхронно и одинаково быстро [14, с. 25]. Не раз констатировалось, что обусловленные предшествующим опытом ценности и результаты социализации остаются неизменными в условиях общественных перемен и сохраняют постоянство в течение более долгого периода времени, даже при успешной адаптации человека к трансформационным сдвигам [8, с. 111]. Вклад этнологии в понимание постсоциалистической ситуации может заключаться в выявлении рефлексивной связи между переменами на микро- и макроуровне. Ибо, если вновь прибегнуть к точной формулировке Нидермюллера, этнологическая перспектива в исследовании трансформации состоит не только в том, чтобы показать, как ведут себя, действуют люди в трансформирующихся обществах, а, кроме того, «следовало бы выяснить, при помощи каких когнитивных категорий и культурных концепций они это делают, как воспринимают свой социальный мир, что думают об изменяющемся социальном пространстве, чтобы понять свои действия» [21, с. 278].

Использование качественных методов (биографических интервью) позволяет приблизиться к повседневности людей, отыскать проекции политических и структурных перемен на их жизненный мир. Качественные методы исследования позволяют «ввести актора», субъекта перемен с его опытом, знаниями, представлениями, восприятиями и ожиданиями по поводу происходящего². В рамках такого подхода оправдана и гендерная перспектива. Это важный фактор в период трансформации не только потому, что связан со всеми сторонами и уровнями социального и культурного процесса и практики, но и потому, что переход от социализма

¹ Антропологическая критика в адрес социальных наук, исследующих трансформационные процессы, по К.Ханну, может быть сформулирована как “пренебрежение к культурному измерению” [10, р. 10].

² Феминистскую критику концепций трансформации и обоснование необходимости сосредоточиться на процессах микроуровня, его концептуализации см.: 27, с. 153; 7. с. 41-53; антропологические исследования трансформации см.: 1; 10.

к рыночной экономике и новым политическим формам непосредственно ведет к изменениям в гендерном конструировании и отношениях равенства между полами [22, р. 96].

Под гендерным порядком, системой, композицией (*gender order*) я подразумеваю совокупность отношений между полами, основанных на принятых в обществе нормах, стереотипах, иерархии. Реорганизация этого порядка во всех постсоциалистических обществах идет параллельно с масштабными сдвигами и устанавливается с молчаливого согласия обеих сторон [5, 9, 11, 13, 22, 25, 35]. Несмотря на различия, следующие из способа и темпа проведения реформ, социалистического и досоциалистического наследия (сильное влияние католической церкви в Польше; сравнительно более высокий уровень жизни и ступени модернизации в Венгрии и Чехословакии; мощная патриархальная традиция в Албании; особенности постсоветского общества), основные проблемы трансформации в странах региона едины: возрастающее исключение женщин из общественной сферы; безработица и связь с теневой, неформальной экономикой; домашнее насилие и проч. В то же время следует отметить, что наряду с главными тенденциями, регистрируемыми в социологических исследованиях, в каждой стране на макроуровне возникает многообразие и специфика конструирования гендерного порядка по возрасту (поколению), социальному и экономическому положению, пространству (в центре или на периферии, в городе или селе).

Новые отношения в частной сфере строятся в условиях глубоких экономических и социальных перемен, в корне отличной от прежней социальной политики и гендерной идеологии.

Как показали национальные и сравнительные исследования, экономические реформы (иногда их отсутствие и несвоевременное проведение), привели к спаду уровня жизни, обеднению населения, поляризации общества и растущей дифференциации между бедными и богатыми. Социологические исследования самооценки людей по шкале «богатый-бедный» в последние годы свидетельствуют о массовой динамике этой самооценки с середины социальной пирамиды ко дну. Если в начале перехода в Болгарии всего 5% определяли себя как бедные, то в 1999 г. — уже почти две трети. Вообще обеднение (а не обогащение) является определяющим признаком новой стратификационной модели болгарского общества. В то время, как к лучшему в последнее десятилетие изменился материальный статус 8—10% населения, большинство считается обедневшим [24, с. 80—82].

Анализ структуры потребления ведет к заключению о существенном спаде потребления широкого круга людей и наступлении на их социальный статус. Сохранение прежнего положения в обществе становится проблематичным из-за его противоречия с уровнем потребления, которое проходит две фазы: ограничение потребления и собственно деклассирование. Согласно исследованию группы социологов, треть болгар находится во второй из этих фаз. Значительная часть утративших социальный статус занимаются неквалифицированным трудом или официально числятся безработными. Возможность обеспечения семей они ищут в неформальной экономике — домашнем производстве продуктов питания, подсобном хозяйстве. Несогласованность социальных параметров и утрата статусных характеристик непосредственно связаны с самовосприятием, сменой идентичности.

Обеднение больше затрагивает женщин. Согласно результатам сравнительного исследования бедности при посткоммунизме, в России, Румынии и Болгарии — странах с замедленным переходом к рыночной экономике по сравнению с Венгрией и Польшей — возникает феминизация бедности [30]. Наиболее уязвимы в новых условиях одинокие женщины — пожилые, разведеные и матери-одиночки. Низкие пенсии и ранний пенсионный возраст женщин (55 лет при 60 для мужчин) неминуемо ведут к присоединению их к классу бедных. Государство отказалось от своей патерналистской роли по отношению к матерям. Они утратили льготы, которыми пользовались при прежнем режиме. Сегодня матери не только часто бывают лишены постоянного рабочего места и социальной защиты, но на свободном рынке труда нередко дискриминированы именно потому, что имеют детей. Сексистское отношение работодателей (требования к внешности и возрасту), отсутствие трудовых договоров, социального обеспечения и возможностей продвижения по службе — часть постсоциалистических трудовых будней болгарской женщины.

Унаследованное от прежнего режима деление профессий на женские и мужские, при котором женщинам отводился труд в пищевой и текстильной промышленности, сельском хозяйстве, сфере обслуживания и вообще более низкооплачиваемый труд, логично привело к радикализации асимметрии, в результате чего женщины вытесняются на низкооплачиваемую, монотонную, непостоянную работу, в теневую и неформальную экономику.

Показателем общественной нечувствительности к половой дискриминации на рынке труда является то обстоятельство, что все еще недостаточно применяется вступивший в силу с января 2004 г. Закон о защите от дискриминации. Он принят в рамках переговорного процесса с ЕС как относящийся ко всем видам дискриминации — на этнической, религиозной и иной почве, отменив необходимость особого закона о равноправии полов. Недооценка равноправия полов, однако, не стала общественно значимой проблемой или, по меньшей мере, поводом для дебатов в средствах массовой информации.

Мои наблюдения и интервью в небольшом городке неподалеку от Софии¹ подтверждают общие тенденции: большая часть семей в новых экономических условиях опирается на стратегии, существовавшие и при государственном социализме — неформальную экономику, домашнее производство продуктов питания, собственные хозяйства, тесные связи взаимопомощи между родителями и детьми. Это, однако, не следует толковать как выражение некоей исконной традиционности или архаизма «вне времени». Хорошо известные и практиковавшиеся «кальтернативно» при социализме, эти стратегии оказываются жизнеспособными и в новом социальном и экономическом контексте, ибо содержат необходимый социальный опыт. Экономические перемены здесь все еще описываются понятиями «бездействие», «отсутствие работы», «закрытие фабрик», «неуверенность», «бедность». Сходство с ситуацией в районепольской Лодзи, описанной Ф. Пайн, поразительно. Падение роли государства, ликвидация нерентабельных производств и убыточных предприятий оставляют без работы и доходов множество семей. В переходный период

¹ Полевое исследование (2002—2004 гг.) проводилось в рамках научного проекта "Отношения между полами в современной болгарской семье в европейском контексте", финансированного МОН.

строительства нового экономического порядка и в Польше практикуются упомянутые выше жизненные стратегии [22]. Соответственно сходны и последствия этого процесса.

Мои собеседники (мужчины и женщины старше 30 лет) делились своим внутренне противоречивым представлением об отношениях и особенно о равенстве полов. С одной стороны, идея равенства воспринимается как социалистическая идеологема (с отрицательными коннотациями), с другой, звучит: «у нас существует равенство, и мы значительно опередили западные страны». В то же время выражается убеждение в наличии природного различия, «предопределенности» женщин и мужчин. Для среднего и старшего поколений отправной точкой сравнения является период социализма, для более молодых — «Европа».

Неизменная память и сравнения с недавним прошлым, прозвучавшие в беседах о семейных отношениях, подтверждают вывод К. Ханна, что в постсоциалистических обществах люди делают выводы о происходящем, сопоставляя его с социалистическим прошлым намного больше, чем с предполагаемым будущим [10, р. 11]. Но все же необходимо уточнение — этот вывод относится к людям, жившим при социализме, чья память о том времени «не остыла». Для поколений 20—30-летних референтной точкой является будущее, поскольку оно олицетворено образом Европы.

В ситуации перехода, когда рушится узнаваемый (независимо от того, признается он или отвергается) порядок с его предсказуемым и (в этом смысле) беспроблемным характером, перемены воспринимаются как угроза, разрушение существующего жизненного мира (неуверенность, тревога постоянно присутствуют в беседах). Ощущение надежности в этой ситуации дают «структуры, создающие постоянство» (Козелек). Если принять тезис, что «все сферы человеческой жизни и человеческой деятельности содержат разные, повторяющиеся структуры, которые, будучи расположены пластами, меняются с разной скоростью» [15, с. 16], то представления, нормы, стереотипы, связанные с полом, могут быть отнесены к медленно изменяющимся структурам, создающим устойчивость. В таком смысле, как создающая чувство уверенности и поддержки, воспринимается семья. Аналогичное значение она имела и при социализме.

Высокая ценность семьи как для мужчин, так и для женщин существует из бесед с ними, подтверждается и социологическими исследованиями. В представительном исследовании Alfa Research от декабря 2002 г. на вопрос «Что из перечисленного вы цените больше всего» самый высокий процент (84%) получает семья (82% в 1999 г.), затем следуют работа — 52% (соответственно 51%), безопасность — 50% (56%), свобода — 46% (44%), закон — 37% (45%), политика — 6% (8%) (Капитал 25—31 января 2003 года).

Установление патриархального гендерного порядка в условиях постсоциализма является результатом воздействия комплекса факторов и, прежде всего, противоречивого социалистического наследия. Как показывают исследования во всех бывших социалистических странах, «государственный социализм был более или менее патриархальным, сексистским модернизаторским экспериментом, он олицетворял культуру мужественности, где доминировали подчинение и контроль» [17, с. 11]. Несмотря на серьезную перемену — массовое вхождение женщин в об-

щественную сферу через систему образования и оплачиваемой занятости — они далеко не были «освобожденными», как гласила партийно-государственная пропаганда. В общественной сфере женщины были включены в «мужской» символический и социальный порядок. С другой стороны, для всего периода государственного социализма характерна чрезвычайная моральная важность частного домашнего, личного пространства как «убежища» личности, в противовес попыткам его контроля и обобществления со стороны государства. Как негласное сопротивление официальной идеологии или просто как верность порядку того времен проявлялось стремление сохранить автономию семьи, понимаемой и как поддержание традиционных отношений: роли женщины — матери и супруги, авторитета отца — главы семьи (пошатнувшегося при новом строем). Наряду с этим с 1960-х годов существовала общая для всех стран так называемого восточного блока тенденция отхода от первоначального пафоса равенства и свободы. В публичном дискурсе утверждается образ работающей матери, посвятившей себя семье и детям — намного более близкий традиционному идеалу [20, с. 318—332; 23, с. 206—207; 19, с. 178—180; 18, с. 162—168]. Материнство и работа воспринимались как неотъемлемые от женской идентичности. Наоборот — для мужчины отцовство и работа не обязательно взаимосвязаны. По большей части забота о доме, семье и детях являлась целиком «обязанностью» женщины, равной в профессиональном труде. Правда, как оказывается, и там равенство было проблематично, поскольку представления о превосходстве мужчины никогда не исчезали на рабочем месте. Чрезмерная нагрузка на работающих матерей (не в последнюю очередь из-за постоянного дефицита товаров и услуг) порождала напряжение и конфликт их ролей, зависимость от помощи бабушек и покровительства государства.

Таким образом, при провозглашаемом равенстве, подтверждаемом максимальными показателями профессиональной занятости и образования женщин, ценности, роли, стереотипы свидетельствуют скорее о патриархально-иерархическом, нежели эгалитарном гендерном порядке, в котором женщина отведено место в соответствии с ее естественной предопределенностью (матери) и моральным императивом (заботы).

Эти представления остаются приоритетными и при определении гендерного порядка в трансформирующемся болгарском обществе. Они воспроизводятся в новом публичном неоконсервативном дискурсе, в котором идея равенства полов полностью забыта после 1989 года. Образцы новых идентичностей обнаружены в досоциалистическом прошлом. В сочетании с целью превращения Болгарии в «нормальное» (современное) государство наподобие западноевропейских, это означало восстановление ценностей крепкой болгарской патриархальной семьи довоенного десятилетия (30-х годов XX века).

В постсоциалистической ситуации отмежевание от прежнего порядка, отрицание навязанного, по-социалистически равенства полов — с двойной и тройной нагрузкой на женщин — шло через признание женщин, основанное на их связи с домом и семьей, а не на их доле в общественно-полезном труде. Демократизация означала свободу, в том числе свободу выбора женской или мужской идентичности, которому не препятствовало бы социалистическое или любое иное государство [17, с. 12]. Так на практике пол утверждается как критерий социального порядка. Сте-

реотипные представления о полах (некоторые из них откровенно дискриминирующие женщин) воспроизводятся на всех уровнях — в популярных телевизионных передачах, в повседневной жизни и политических дебатах.

Переформирование гендерного порядка приобрело новое измерение после июня 2001 г., когда неизвестная ранее Партия болгарских женщин способствовала регистрации политического движения возвратившегося в страну бывшего болгарского монарха. Прибегнув к националистической риторике, ее лидер выступила за восстановление патрархальных ценностей, естественное «призвание» женщины как матери и супруги и укрепление «традиционной болгарской семьи времен национального Возрождения». Эти идеи получили поддержку и воплотились в образе монарха-отца. В характерном для последних лет «одомашнивании» политического женщины и семье отводится место дополнения мужского авторитета. Пресса ежедневно предоставляет множество примеров подобного видения. Даже в отношении бизнес-дам и женщин из политической элиты не делается исключения, они тоже должны соответствовать патриархальному образцу «красивых женщин, посвятивших себя семье».

Возвращение женщин «в дом» (который, как выясняется, всегда им принадлежал) воспринимается как их возвращение к индентичности естественной, искаженной социализмом, но одновременно и «современной», «европейской». В соответствии с этим образцом для мужчины важнее профессиональная карьера (он должен зарабатывать деньги, кормить семью), а для женщины — заботиться о доме и семье. Образец, принимаемый как мужчинами, так и женщинами, но трудно осуществимый в ситуации продолжающегося долгие годы экономического кризиса. Последнее обстоятельство, в свою очередь, становится причиной кризиса в отношениях между супружами.

Представление о женщинах прежде всего как материах распространено не только в мужской среде. В результате сочетания традиционных ценностей с пронаталистской и консервативной политикой социалистического государства, оно глубоко усвоено самими современными женщинами, огромная часть которых самоидентифицируется через семью. Как правило, семья и дети являются для них приоритетом в ситуации выбора между работой и домом.

Согласно исследованию 1996 г., 40% опрошенных женщин заявило, что, по их мнению, мать должна безусловно жертвовать собой ради детей, 59% — что женщина должна стремиться к равновесию между заботой о детях и работой, и всего 1% считает приоритетом свою самостоятельную и личную жизнь [6, с. 25]. Статистическое исследование 2001 г. еще раз подтвердило, что женщины в большей степени, чем мужчины, верны родительскому долгу, считают материнство способом самореализации и смыслом жизни (www.Nsi.bg). Это связано и с формирующей их идентичность этикой заботы, саможертвования во имя детей и семьи, преимуществом семейных интересов перед личными.

Самосознание женщин как матерей и жен и признание обществом этих их ролей формирует новую/старую гендерную идентичность как в общественной, так и в частной жизни. От женщин ожидается саможертвование ради семьи и детей, с неодобрением (особенно в сельской местности) принимается их решение делать карьеру или заниматься общественной работой [34, с. 48—50].

Самая сильная зависимость от дома и семьи у безработных женщин. Они со- знают, что у них больше времени и сил заботиться о детях и муже, а семья и дом приобретают для них чрезвычайную важность в эмоциональном, экономическом и социальном отношениях. Все безработные женщины, с которыми я встречаюсь, считают свое состояние времененным. В действительности все они работают «неофициально», заняты полный рабочий день — как молодые матери, воспитывающие детей, в мелком «семейном бизнесе» и/или подсобном хозяйстве на селе; все они говорят, что хотели бы найти себе какую-нибудь работу. Это связано с их восприятием себя как отдельной личности, а также с возможностью поддерживать социальные контакты и выйти из круга домашних обязанностей. Стремление найти любую работу, чтобы дополнить семейный бюджет или обеспечить детей, является ведущим в стремлении большой группы женщин (свыше 200) отправиться «на заработка» в Израиль, Грецию или Западную Европу. В этом отношении мои наблюдения совпадают с выводами других исследований, которые также свидетельствуют о большей гибкости и адаптивности женщин по сравнению с мужчинами в поисках способов содержания семьи.

Намечается и другая детерминированная полом особенность переходного периода — все более возрастающая доля женщин в неформальной экономике, в низкооплачиваемом, не соответствующем их образованию труде. Они чаще, чем мужчины, готовы согласиться на любой труд, который пополнил бы семейный бюджет [4, с. 89—91]. В результате среди женщин более вероятна утрата профессиональной квалификации, процессы деклассирования, когда они сами ставят семейные интересы выше личных [28; 31, с. 117—130].

Несмотря на возрождение традиционной модели, которая мужчине отдает приоритет в обеспечении семьи, а женщину связывает с домашней сферой, на практике она не только не удовлетворяет большинство женщин, но на самом деле многие из них берут на себя роль лидера в содержании семьи.

Важно подчеркнуть, что интерпретируемый до сих пор как традиционный и консервативный, гендерный порядок не является неизменным. Прежде всего, он не идентичен определяемому как патриархальный гендерному порядку социалистического периода, как и своему «образцу» 30-х годов XX века. Все они формируются в разном социально-экономическом, политическом и идеологическом контексте, создающем различия между ними.

Нынешний гендерный порядок трансформирующегося болгарского общества также изменяется, особенно с расширением возможностей выбора, которые открываются перед молодыми поколениями. Их система ценностей предполагает скорее отрижение, чем безальтернативное принятие представлений о полах и ролях их родителей, бабушек и дедушек. Эгалитарные, партнерские отношения между половами для «Я-ориентированного поколения» (У. Бек) не противоречат глубоко укорененным у них стереотипам мужчины/женщины и отношений между ними. А это вселяет оптимизм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беновска-Събкова М. Политически преход и всекидневна култура. София, 2001.
2. Burawoy M., K. Verdery (Ed.) Uncertain Transition. Ethnographies of Change in Postsocialist World. New York, Oxford, 1999.
3. Brunnbauer U. From Equality without Democracy to Democracy without Equality? Women and Transition in Southeast Europe // Jovanovic M., Sl. Naumovic (Eds.) Gender Relations in South Eastern Europe: Historical Perspectives on Womanhood and Manhood in 19-th and 20-th Century. Belgrad-Graz, 2002. P. 219—245.
4. Гребенарова С. Семейният и роднински конфликт в малкия град и ролята на жената в постсоциалистическото общество // БЕ. 2001. 2. С. 79—101.
5. Deimel J. Bewegte Zeiten. Frauen in Bulgarien gestern und Heute. Muenchen-LDV. 1998.
6. Димитрова М., Т. Коцева. Равенство на гражданите и неравенството на жените. София, 1998.
7. Димитрич Р. Трансформация и еманципация на Изток: гледната точка от Запад... И жената като добра майка... // Фотев Г., Р. Стоилова (съст.) Жените: справедливост днес. София, 2000.
8. Димитрич Р., Б. Хьолицер. Концепция за социалното неравенство и условията на културна промяна // Социологически проблеми. 2002. 1—2. С. 93—118.
9. Godel B. Auf dem Weg zur Zivilgesellschaft. Frauenbewegung und Wertewandel in Russland. Campus Verlag. Frankfurt/New York, 2002.
10. Hann C., I. Humphrey, K. Verdery. Introduction. Postsocialism as a topic of anthropological investigation // Hann C. K. (Ed.) Postsocialism. Ideals, Ideologies and Practices in Eurasia. London & New York, 2002. P. 1—28.
11. Haney L. «But We Are Still Mothers»: Gender, the State, and the Construction of Need in postsocialist Hungary // Boraway M., K. Verdery (Ed.) Uncertain Transition. Ethnographies of Change in the Postsocialist World. New York, Oxford, 1999. P. 151—187.
12. Hausen K., H. Wunder (Hg.) Frauengeschichte. Geschlechtergeschichte. Campus Verlag, Frankfurt/N. Y., 1992.
13. Jalusic Vl. Freedom versus Equality? // IWM Working Paper №. Vienna, 1998.
14. Kollmorgen R. Theoretische Aspekte postsozialistischer Transformationsprozesse // R. Hauser, Th. Olk (Hrsg.) Soziale Sicherheit fuer alle? Opladen, 1997.
15. Козелек Р. Пластовете на времето. Изследвания по теория на историята. С една статия на Ханс-Георг Гадамер. София, 2002.
16. Kostova D. Similar or Different? Women in Postcommunist Bulgaria // Women in the Politics of Postcommunist Eastern Europe. Armonk, NY-London, 1998. P.249—266.
17. Kreisky E. (ed.) Vom patriarchalen Staatssozialismus zur patriarchalen Demokratie. Der politische Systemwechsel in Osteuropa aus der Gender-Perspektive. Wien. 1996.
18. Лулева А. «Женският въпрос» в социалистическа България — идеология, политика, реалност // Социализмът: Реалност и илюзии. Етнологични аспекти на всекидневната култура. София, 2003. С.155—175.
19. Малешевич М. Общественото равноправие на жените и мъжете в годините на обновяване и строителство в социалистическа Югославия // Социализмът: Реалност и илюзии. Етнологични аспекти на всекидневната култура. София, 2003. С. 175—182.
20. Марчева И. Мъжките момичета в кръговрата на промените: българката през втората половина на XX в. // Граница на гражданството: европейските жени между традицията и модерността. София, 2001. С. 318—332.

21. Niedermueller P. Sozialer Wandel und kulturelle Representation. Skizzen zu ethnologischer Transformationsforschung // Schweizerisches Archiv fuer Volkskunde. 98. Jahrgang. Heft 1. 2002. S. 271—287.
22. Pine F. Gendered domains in postsocialist Poland // Hann C. H. (Ed.) Postsocialism. Ideals, Ideologies and Practices in Eurasia. London & New York, 2002. P. 95—113.
23. Пуйкарева Н., Е. Узенева. Статус на жената и етакратичен джендър-ред — джендър аспект на антропологията на всекидневието в съветска и постсъветска Русия. // Социализъмът: Реалност и илюзии. Етнологични аспекти на всекиневната култура. София, 2003. С. 203—209.
24. Райчев А., К. Колев, А. Бунджулов, Л. Димова. Социалната стратификация в България. София, 2000.
25. Римашевская Н., Д. Ванной, М. Малышева, Л. Куббинг, Е. Мещеркина, М. Писклакова. Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 году. М: Academia, 1999.
26. Rueschmeyer M. (ed.) Women in the Politics of Postcommunist Eastern Europe. Armonk, NY-London, 1998.
27. Sauer B. Transition zur Demokratie? Die Kategorie «Geschlecht» als Pruefstein fuer die Zuverlaessigkeit von sozialwissenschaftlichen Transformationstheorien // Kreisky E. (ed.) Vom patriarchalen Staatssozialismus zur patiarchalen Demokratie. Der politische Systemwechsel in Osteuropa aus der Gender-Perspektive. Wien, 1996. S. 131—167.
28. Bulgaria 1995. Situation of Women. UNDR, Sofia, 1995.
29. Стаменова Ж. Етносоциални аспекти на бита в източните Родопи. Перник, 1995.
30. Селени Ив. (съст.) Бедността при посткомунизма. София, 2002.
31. Стоилова Р. Неравенства и общностна интеграция. София, 2001.
32. Фотев Г., Р. Стоилова (съст.) Жените: справедливост днес. София, 2000.
33. Фотев Г., М. Драганова, Т. Неделчева, М. Молхов. Светът на селските жени. София, 2001.
34. Фотев Г. Формално равенство и неравенство между селските жени и мъже в трансформиращото се българско общество // Фотев Г., М. Драганова, Т. Неделчева, М. Молхов. Светът на селските жени. София, 2001. С. 36—60.
35. Fuszara M. The New Gender Contract in Poland. SOCO/IWM. Vienna, 2000.

Антонина ОСТРОВСКА

Ментальное здоровье в макросоциальном контексте

1. Введение

Хорошо известный факт, что чувства неудовлетворенности, горечи и отчуждения, свидетельствующие о том, что наша жизнь далека от желаемой, оказывают деструктивное воздействие на ментальное (душевное, психическое) здоровье. Огорчения и беспокойства, вызванные осознанием трудностей и угроз окружающего мира, тоже влияют разрушительно. Анализ ментального здоровья и его детерминант обычно фокусируется на роли психосоциального мира, в котором существует индивид, то есть финансовой и профессиональной ситуации, семьи и личной жизни. Я же хочу предложить более широкую перспективу, связанную с отношением между условиями в государстве и благополучием граждан. И опросы общественного мнения, и личные наблюдения свидетельствуют, что многие явления, характерные для нынешней Польши на макросоциальном и институциональном уровнях, легко трансформируются в факторы стресса.

Многие поляки последние годы не испытывали особого оптимизма. Данные об экономической ситуации страны и уровне жизни населения, как и результаты социологического исследования, отражающие эти факты в общественном сознании, обнаруживают явное противоречие между повседневной реальностью и надеждами и ожиданиями, связанными с жизнью в свободной стране. Помимо вызывающих стресс явлений, негативно действующих на общество — бедность, безработица, коллапс системы здравоохранения, рост преступности и коррупции, появились новые проблемы, вызванные чувством безнадежности и явным отсутствием перспективы изменений к лучшему. Последним составам правительства не удалось достичь осязаемых сдвигов в экономическом положении и условиях жизни, система здравоохранения оказалась неспособной обеспечить соответствующее медицинское обслуживание, полиция не смогла побороть преступность, а суды — осуществлять правосудие и выносить приговор. Опросы общественного мнения показывают, что политический класс, по мнению большинства людей, представляет партийные или даже личные интересы. Вера в справедливость и компетентность подорвана финансовыми и коррупционными скандалами, постоянными переменами в верхних эшелонах власти. Даже полиция и юриспруденция не свободны от коррупции и нарушителей в их собственных рядах. Падает доверие профсоюзам. Негативные явления существуют даже в повседневной жизни Римско-Католической Церкви. И даже

если некоторые из этих явлений эпизодичны, они, однако, подавляют общественное доверие и поддержку, которые должны встречать все эти институции в силу уже самого своего предназначения. Кроме того, величайшие системные приобретения, достигнутые поляками — демократия и свободный рынок, — на практике оказалось гораздо сложнее реализовать, чем представлялось в начале трансформации. Наряду со свободой, гражданскими правами и открытостью Западу, новая ситуация принесла с собой невыносимую конкуренцию, потребительство, коммерциализацию и недостаток четких норм политической жизни.

Все эти проблемы и фрустрации отражаются на повседневном существовании человека. Разочарованные в общественной сфере, поляки ограничивают свое гражданское участие и замыкаются в ближайшем окружении, сосредоточиваясь на делах земных. Однако исследование показывает, что не так много удовлетворения они находят и здесь [1]. В прошедшие годы поляков одолевала низкая, снижающаяся удовлетворенность многими сторонами их жизни. Только отношения с самыми близкими и дорогими людьми служили источником жизненного комфорта.

Однако целью данной статьи не является анализ польской экономики, функционирования институтов или механизмов, ведущих к социальной патологии. Предыдущий комментарий служит лишь отправной точкой моего тезиса о риске, создаваемом снижением потенциала ментального здоровья поляков, о накоплении угроз, возникающих со стороны макроструктур, и недоступности помощи от социальных институтов, призванных такую помочь предоставлять. Этот вопрос важен, поскольку анализ социальной и экономической жизни Польши фокусируется на прямых, реальных следствиях общественных проблем. Безработица, обеднение, проблемы здравоохранения или роста преступности рассматриваются прежде всего как угрозы уровню жизни и каждодневному существованию. Значительно меньше внимания уделяется отложенным эффектам этих явлений, одним из которых является риск ослабления социального капитала, который отражается на ментальном здоровье граждан.

Социологическое исследование природы взаимосвязи распространения психических нарушений и специфических характеристик социального окружения часто имеет отношение к «модели социального стресса» [2]. Стресс возникает, когда индивиды сталкиваются с вызовами, превосходящими их способность к адаптации. Как правило, кратковременный стресс не причинит большого вреда, тогда как более серьезную опасность несет хронический стресс, который индивиды не в состоянии преодолеть в течение продолжительного времени. Это происходит и в ситуациях, которые невозможно разрешить наличными ресурсами. Специалисты по стрессу считают, что если расхождение между существующими вызовами и доступными ресурсами ощутимо и вероятность не справиться с возникшей ситуацией серьезна, может возникнуть нервное расстройство и другие неблагоприятные последствия для здоровья.

Основываясь на этих рассуждениях, мы не хотим сказать, что накопление пережитых за последнее время многими людьми трудностей приведет к серьезным ментальным осложнениям в массовом масштабе. Однако, можно проследить, вызвали ли они все более широко распространяющиеся явления, связанные с психологическим дискомфортом: невроз, депрессию, бессонницу, беспокойство, падение

морали и даже постоянные головные боли [3]. Несомненно, социальные и экономические трансформации и их последствия, пережитые в последние годы, можно интерпретировать и описывать с точки зрения макрострессоров, которые ведут к множеству повседневных напряжений, подрывающих психологическую устойчивость значительной части населения [4].

2. Ментальное здоровье и благополучие поляков. Попытка диагноза

Не углубляясь в дискуссию по вопросу о множестве определений понятия ментальное здоровье, заметим лишь, что в центре нашего внимания будут находиться два типа показателей: негативные и позитивные. Негативные включают, помимо прочего, объективные эпидемиологические данные о психических болезнях населения, как и данные о субъективно воспринимаемых психопатологических симптомах. С другой стороны, позитивные показатели, полученные преимущественно в ходе опросов, относятся к сфере качества жизни в различных измерениях: эмоциональное благополучие, самоуважение, оптимистический взгляд в будущее и как итог — ощущение благополучия и удовлетворенности жизнью. Поддержка со стороны самых близких (семьи и близких друзей) в трудных ситуациях составляет отдельную группу изучаемых факторов.

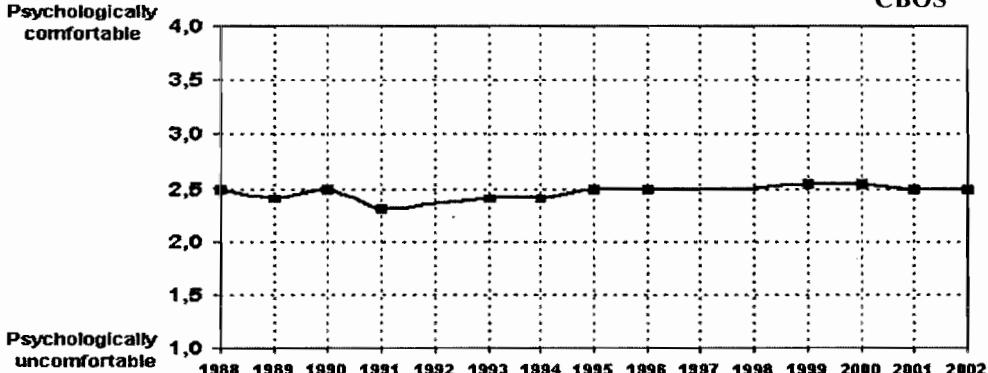
2.1. Негативные показатели

Психологическое благополучие поляков исследуется систематически Центром изучения общественного мнения (ЦИОМ) на протяжении многих лет. ЦИОМ регистрирует частоту психологических состояний и негативные эмоции, такие как раздражительность, упадок духа, депрессия. Согласно данным ЦИОМ за 1988—2002 гг., коэффициент благополучия достиг низшего значения через год после начала трансформации (1991), затем рос систематически до 1995 г. и практически стабилизировался на уровне, который фактически не превышал показатель 1988 г., то есть наблюдавшийся при коммунизме.

Диаграмма 1

Благополучие поляков в 1988–2002 гг. (данные ЦИОМ)

CBOS

Источник: CBOS. 2003. Samopoczucie Polaków w latach 1988—2002. Komunikat z badań.

В последние годы свыше половины поляков испытывало досаду и раздражительность часто или очень часто, и приблизительно один из трех ощущал упадок духа, утомленность и беспомощность. Один из четырех респондентов подтверждал, что у него случаются частые приступы ярости и агрессивности и примерно столько же — чувствовали себя несчастными и подавленными [3].

Некоторые проявления распространенных и растущих негативных психологических состояний регистрируются медицинскими данными о душевных расстройствах и их наиболее радикальных проявлениях — самоубийствах. Согласно данным Института психиатрии и неврологии в Варшаве, коэффициент психических расстройств людей, находящихся на излечении, на каждые 100 тыс. человек составил 484,5 в год в 2001 г. и 631,0 в 2003 г.; коэффициент стресса — индуцированные невротические расстройства на 100 тыс. был 655,4 в 2001 г. и 841,0 двумя годами позже. Показатели по впервые обратившимся пациентам («new cases») составляли соответственно: 127,7 и 234,0 на 100 тыс. в 2001 г., но 155,4 и 277,5 в 2003 г. Кроме того, драматически возросла распространенность нарушений, вызванных употреблением психотропных средств [5]. Речь идет о злоупотреблении наркотиками и добавками к используемым продуктам, таким как седативные медикаменты, средства от неврозов и снятия головных болей, то есть для излечения неблагоприятных психологических состояний. Эти тренды также отражаются в данных о продажах «N drugs», действующих на нервную систему. Объем продаж этих лекарств может служить косвенным показателем потребления психотропных средств. В течение всего двух лет, с 1996 по 1998 гг., продажи этих лекарств возросли в стоимостном выражении с 272 млн. польских злотых до 549,5 млн. [6]. Хотя этот рост отчасти стимулировался воздействием рекламы, он, конечно, отражает растущий спрос.

Статистика самоубийств и их динамика в прошедшие годы в Польше также весьма красноречива. В 1989—2002 гг. коэффициент самоубийств на 100 тыс. чел.рос систематически с 11,3 до 15,2 — достигнув наивысшего за весь послевоенный период показателя в 15,5 в 2003 г. С точки зрения рассматриваемой проблемы важно отметить появление нового пункта в полицейской статистике смертности: самоубийства, совершенные безработными.

2.2. Позитивные показатели

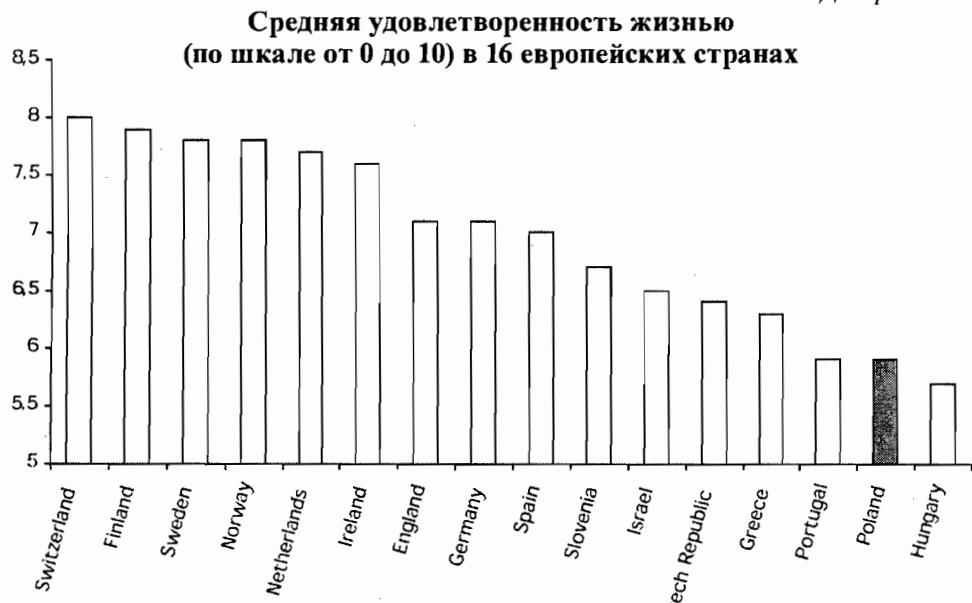
Наряду с измерением негативных показателей ментального здоровья, психологическое благополучие общества может также оцениваться через позитивные индикаторы — чувство счастья, удовлетворенности жизнью и отдельными ее сторонами. Исследование, проводимое почти каждый год ЦИОМ, позволяет понять динамику такого рода позитивных изменений в последние несколько лет. Результаты анализа свидетельствуют, что благополучие поляков несколько улучшилось с 1989 г. и, начиная с 1999 г., стабилизировалось на уровне 35% позитивных ответов. Позитивное восприятие своего благополучия отчетливо коррелирует с уровнем образования: более образованные респонденты ощущают большую удовлетворенность от своей жизни [3]. Относительное повышение рейтингов данной категории отражают тренды, наблюдавшиеся специалистами по социальной структуре: в по-

ледние годы именно профессионалы испытывали самое заметное улучшение своей жизненной ситуации [7].

Детализацию позитивных факторов ментального здоровья поляков содержат исследования, проводимые в рамках *Social diagnosis 2000* [8]. Автор сосредотачивается на показателях динамики удовлетворенности по 18 сферам жизни (финансовая ситуация, достижения, отношения с ближайшими членами семьи, здоровье, планы на будущее и др.). Сравнительный анализ данных за 1997 и 2000 гг. показывает, что большинство из этих показателей снизилось. Самое значительное снижение удовлетворенности произошло по следующим пунктам: финансовая ситуация семьи, качество доступных товаров и услуг, ситуация в стране, место жительства, труд, планы на будущее. В 2000 г. наибольшее удовлетворение давали: дети, брак, отношения в семье, друзья и знакомые, место жительства, сексуальная жизнь. Таким образом, негативные представления и беспокойства основываются на оценках положения в стране и места человека в социальной структуре, тогда как позитивный опыт рождают отношения с ближайшими родственниками и друзьями, общение в малых группах, прежде всего семейная жизнь. Итак, недовольства и трудности, производимые макроструктурами, компенсируются на уровне микроструктур.

Приведенные выше данные могут помочь проследить динамику благополучия поляков, но ее относительный уровень (учитывая отсутствие отчетливых вех) можно оценить только через сравнение с другими странами. Такую возможность предоставляет *European Social Survey 2002* г. Его результаты, полученные по 16 европейским странам, не внушают оптимизма. Польша и Португалия располагаются в самом конце, после них — только венгры.

Диаграмма 2

Источник: European Social Survey 2002 data base.

См.: <http://www.europeansocialsurvey.org>

3. Отношение к государству, его институциям и удовлетворенность жизнью

Интерпретация приведенных выше данных о состоянии здоровья в сильной мере могла бы сводиться к различиям в благосостоянии отдельных стран. Принято считать, что факторы, относящиеся к душевым показателям ВВП, более чем на 75% объясняют характер дифференциации показателей состояния здоровья. Производны от них различия, фиксируемые такими показателями, как продолжительность жизни, преждевременная смертность или младенческая и материнская смертность. Однако такие объяснения недостаточны, когда речь заходит о душевом здоровье. Мы предлагаем оценку благополучия с точки зрения набора системных факторов. Такой подход исходит из взаимосвязи недемократических систем и вредного воздействия на здоровье [9]. Оказывается, наиболее высокие рейтинги психологического благосостояния обнаруживаются не только в процветающих странах, но также и в условиях стабильных демократических систем, то есть в странах, где не только ликвидирована угроза безопасности, но и гарантированы справедливые и четкие правила общественной жизни. Неслучайно, самые высокие коэффициенты общей удовлетворенности жизнью наблюдаются в скандинавских странах, где общественные институты пользуются наивысшим доверием, и коррупция почти не фиксируется.

Как упоминалось выше в части об источниках угроз психологическому благополучию поляков, наибольший стресс вызывает финансовая ситуация семей, безработица, неадекватная система здравоохранения, беспомощность перед лицом новых вызовов и весь спектр индивидуально воспринимаемых проблем повседневной жизни. В рамках рассматриваемой темы отсутствуют сравнительные данные, которые могли бы продемонстрировать влияние этих факторов стресса на общее благополучие и удовлетворенность жизнью по разным странам. Однако необходимо констатировать, что все эти проблемы в некоторой степени отражает более широкий макросоциальный контекст и состояние государства и экономики. Далее мы сконцентрируемся на трех измерениях, объясняющих различия между психологическим благополучием в отдельных обществах: характеристики экономики, характеристики демократии и доверие общественным институциям.

Эмпирические данные из *European Social Survey* (2002) показывают четкую взаимосвязь между оценкой состояния экономики / демократии и психологическим благополучием граждан. Эти два макросоциальных измерения покрывают значительную часть дифференциации удовлетворенности жизнью, рассматриваемой здесь в качестве позитивного показателя психического здоровья. Однако оба этих фактора должны бы играть более важную роль (R^2 value) в посткоммунистических странах, то есть в странах, где и экономика, и демократия менее стабилизированы. Значит, характеристики макроструктур теснее связаны с благополучием граждан, ибо стабильная политическая и экономическая ситуация позволяет гражданам становиться более независимыми от них. Различие, существующее на этот счет между Германией в ее нынешних границах и территорией бывшей Западной Германии, служит особенно хорошей тому иллюстрацией.

Таблица 1

Регрессия удовлетворенности жизнью (10-ступенчатая шкала) в зависимости от оценки состояния экономики и демократии

Страна	Состояние экономики	Состояние демократии	Коэффициент множественной корреляции R ²
	(стандартизованный бета коэффициент)		
Венгрия	0,305	0,164	0,174
Чешская республика	0,249	0,203	0,156
Польша	0,270	0,132	0,135
Германия	0,186	0,151	0,098
Швеция	0,216	0,122	0,084
Нидерланды	0,208	0,153	0,084
Италия	0,196	0,124	0,082
Дания	0,241	0,067	0,076
Швейцария	0,215	0,124	0,066
Германия (бывшая Западная Германия)	0,147	0,132	0,052

Источник: European Social Survey 2002 data base.

См.: <http://www.europeansocialsurvey.org>

Таблица 2

**Рейтинги сфер социальной жизни в (среднее значение по
10-ступенчатой шкале) и их отношение к удовлетворенности
жизнью (коэффициент корреляции Пирсона), последний столбец**

Оценки сфер	Вели- кобри- тания	Ни- дер- ланды	Шве- ция	Чешская респуб- лика	Венгрия	Польша	
	M	M	M	M	M	M	r
Доверие парламенту	4,6	5,2	5,9	3,7	5,0	3,9	0,18
Доверие правовой системе	5,0	5,4	6,1	3,8	5,1	3,7	0,16
Доверие полиции	6,1	5,8	6,8	5,0	4,9	4,9	0,13
Доверие политикам	3,8	4,8	4,7	3,2	3,9	2,7	0,15
Состояние экономики	5,1	5,3	5,1	3,7	4,1	2,8	0,34
Работа правительства	4,4	4,2	5,2	3,8	4,9	3,1	0,22
Состояние демократии	5,1	5,8	6,1	4,8	4,6	4,0	0,26
Система образования	5,3	5,7	5,3	5,8	5,2	4,9	0,21
Система здравоохранения	5,0	5,6	5,1	4,9	3,7	3,6	0,17

Источник: European Social Survey data base.

См.: <http://www.europeansocialsurvey.org>

Разумеется, интерпретируя эти данные, важно помнить, что отношения в определенном смысле двусторонние: личное благополучие индивида влияет на вос-

приятие им окружающего мира, а совокупный индивидуальный опыт и ощущения предопределяют содержание представлений, касающихся крупных систем. Однако, приведенные выше результаты возвращают нас назад к утверждению о влиянии макрострессоров на ментальное здоровье поляков.

Приведем еще несколько оценок. В свете уже цитировавшихся результатов *European Social Survey* свыше 2/3 поляков не удовлетворены нынешними экономическими условиями в стране (67,9%) и чуть меньший процент (60,3%) — работой правительства. Неудовлетворенность состоянием демократии несколько ниже, но все же значительна (40,2%). Эти оценки сочетаются с низким уровнем доверия другим людям вообще (47,3%) и верой в то, что люди заботятся главным образом о своих собственных интересах. Половина поляков не доверяет парламенту страны и правовой системе, а еще большая доля (66,9%) сомневается по поводу политиков. Почти половина польских граждан высказывает недовольство по поводу системы здравоохранения (47,2%), а один из четырех (26,0%) не удовлетворен существующей системой образования. Масштабы неудовлетворенности иллюстрируют сравнения с другими странами. Какую сферу общественной жизни ни взять, поляки оценивают ее ниже, чем другие народы.

Все эти не слишком высокие оценки общественной жизни в Польше отражают атмосферу, в которой граждане проживают свою жизнь и которые тесно коррелируют с восприятием жизни (самый правый столбец таблицы). Психологическое благосостояние особенно сильно коррелирует с позитивным восприятием экономических результатов и результатов развития демократии, то есть наиболее общими характеристиками положения в стране. Доверие различным системам и институциям играет несколько меньшую роль. Однако восприятие их основывается в основном на отношении к этим двум генеральным категориям.

4. Роль социального положения и психосоциальной поддержки

Независимо от характеристик позитивного и негативного опыта, наш анализ общественных детерминант удовлетворенности должен также включать социальные характеристики носителей этого опыта. Это — социальное положение, различные ситуативные факторы, в целом здоровье и факторы так называемой психосоциальной поддержки. Все эти переменные, относящиеся к социальному капиталу индивидов, и к макроструктурам, взаимосвязаны, усиливают и компенсируют одна другую. В этом смысле очень успешная личная жизнь может возместить недостатки, относящиеся к экономическому положению страны, и сформировать в целом позитивную оценку благополучия. Обратное также верно: недостатки в какой-либо одной сфере негативно влияют на восприятие других сфер. Например, одиночество и отсутствие значимых контактов с другими людьми может лишить индивида удовлетворенности, обусловленной его благоприятным экономическим положением. То есть, как индивид себя чувствует — результирующая его частных восприятий сторон жизни. Имеет смысл поэтому проанализировать конфигурацию совокупности переменных благополучия поляков. Это позволит нам идентифицировать сегменты польского общества, представляющие особый риск с точки зрения психологического благополучия.

Таблица 3

Регрессия психологического благополучия (10-ступенчатая шкала) поляков в зависимости от социодемографических переменных, здоровья и социальной поддержки (стандартизированные бета коэффициенты)

Переменные	Модель I	Модель II	Модель III	Модель IV
Параметры социального положения:				
Пол (M=1)	0,04	0,07	0,02	0,04
Возраст (лет)	- 0,13	0,05	- 0,06	- 0,11
Образование	0,05	- 0,07	0,06	0,05
Душевой доход	0,10	0,09	0,12	0,08
Величина поселения	- 0,05	- 0,04	- 0,03	0,04
Здоровье:				
Оценка своего здоровья		0,29		
Источник социальной поддержки:				
Брак			- 0,05	
Семья			0,08	
Близкие, доверенные люди			0,11	
Надежда на Бога (религиозность)			0,11	
Дружба			0,15	
Восприятие условий в государстве:				
Состояние экономики				0,26
Состояние демократии				0,13
R ²	0,03	0,10	0,09	0,15

Источник: European Social Survey 2002 data base.

См.: <http://www.europeansocialsurvey.org>

Среди переменных, характеризующих объективную ситуацию индивида (модель I), возраст оказывал наиболее сильное воздействие на удовлетворенность, а финансовая ситуация — второй по значимости фактор. Более оптимистичное восприятие собственной жизни характерно для молодых возрастных групп¹, и лучшая финансовая ситуация, конечно, позволяет испытывать большее удовлетворение от жизни. С другой стороны, «чистый» эффект образования, величины населенного пункта или пола не особенно заметен. В целом эти переменные слабо дифференцируют ментальное благополучие поляков. Если к числу этих переменных добавить здоровье (модель II), обнаружится потенциально решающая важность этой переменной. Это не удивительно, учитывая, что ментальное благополучие или ментальное здоровье обычно представляют собой неразделимые компоненты здоровья в целом.

¹ В контексте эпидемиологического исследования ухудшение психологического благополучия с возрастом отличает Польшу от стран Запада (в том числе США, где неудовлетворенность жизнью и депрессивные тенденции характерны для молодежи больше, чем для старших). Это отражает неблагоприятную ситуацию и одиночество людей пожилого возраста, особенно пожилых женщин в Польше.

Тем не менее, переменные, отражающие условия в государстве — как это видится людям, — имеют относительно более высокую позицию в объяснении вариаций удовлетворенности жизнью (модель IV). Роль национальной экономики и восприятия демократии (в зависимости от возраста, пола, образования, дохода и величины поселения) в этом смысле обозначает, что более широкий макросоциальный контекст нельзя упускать из виду при рассмотрении детерминант благополучия людей.

Оценим переменные, характеризующие социальные связи (модель III). Как известно, существует гипотеза, согласно которой психосоциальная поддержка служит разновидностью «буфера», смягчающего влияние стрессов и позволяющего лучше адаптироваться. Это означает, что поддержка может рассматриваться как индивидуальный ресурс, вид капитала, помогающего индивидам защищать свое ментальное здоровье. Среди переменных, представляющих социальную поддержку, друзья, как выясняется, играют самую значительную роль, тогда как роль членов семьи несколько менее выражена. Брак оказывает даже меньшее влияние на психосоциальное благополучие и удовлетворенность жизнью. В совокупности переменных обращение к Богу и религиозные ценности играют ощущимую роль. Наряду с этими психосоциальными факторами важную роль играют также факторы финансовые, за которыми следует уровень образования и возраст. Прочие характеристики социального положения фактически незначительны.

Любопытно, в рассмотренной совокупности переменных семья и брак, являясь важным источником поддержки, размещаются несколько ниже по сравнению с друзьями и Божественным провидением. Это наводит на вопрос, играет ли семья по-прежнему роль важной социальной группы, обеспечивающей помощь, убежище и комфорт в трудные моменты. Следует заметить, что поддержка семьи и близких родственников в других странах (Швеции, Нидерландах, Великобритании, Чешской Республике) выглядит более внушительно [10].

Эта относительно более слабая роль брачных партнеров в обеспечении взаимной поддержки, важная для психологического благополучия, подтверждается также и другими польскими исследованиями. *Diagnoza 2003* обнаружило, что количество друзей оказывается намного важнее, чем брачный статус или семейное положение [8]. Это может быть следствием разных процессов. Например, связано с факторами, на которые обычно возлагается вина за распад семейных связей: индустриализация, урбанизация и модернизация, все из которых сокращают продуктивные функции семьи, усиливают автономию индивидов (женщин, молодежи) и стимулируют внесемейные социальные контакты. Однако, тот факт, что ослабление этих связей особенно отмечено именно в Польше, означает, что надо принять во внимание системные факторы. С этой точки зрения имеет смысл напомнить утверждение, идущее от теории рационального выбора, а именно — что семейные связи ослабевают в результате чрезмерного развития welfare state, которое пытается заместить семьи во многих отношениях (такой опыт существовал в бывших коммунистических странах в прошлом). Другое объяснение относится к нынешней трудной финансовой ситуации многих семей, в которых стремление поддержать соответствующий уровень жизни и высокая интенсивность труда негативно влияют на эмоциональные и экспрессивные функции [11]. Еще можно сказать, что семьи

сейчас концентрируются на новом направлении инвестиций в человеческий капитал — благосостоянии, образовании [12].

Памятуя, что рассматриваемые факторы психосоциальной поддержки находились в центре нашего внимания преимущественно как буфер, смягчающий влияние многочисленных стрессов, описанных ранее, мы можем теперь в суммарном виде изложить некоторые заключения. Начнем с того, что и индикаторы ментального здоровья, и удовлетворенность жизнью по сравнению с другими европейскими странами выглядят достаточно неблагоприятно для Польши. Более того, психосоциальная поддержка и особенно капитал семейных связей, который можетнейтрализовать влияние многих стрессов, не представляются достаточными.

Другой аспект — различная динамика негативных и позитивных показателей ментального здоровья. Частота ментальных расстройств, особенно вызванных стрессом, отчетливо возрастает, тогда как ментальное благополучие и удовлетворенность жизнью большинства населения изменились в последние годы незначительно. Для раскрытия тезиса о влиянии макрострессоров на ментальное здоровье людей нам надо констатировать, что в Польше существует категория людей, особенно восприимчивых к стрессам, темпы роста заболеваний среди которых растут. Это имеет отношение к вопросу о «выигравших» и «проигравших» в новой, посттрансформационной системе. По-видимому, существенная доля поляков смогла приспособиться к новым условиям и научилась жить при них в такой мере, что это дает им умеренное (хотя и одно из самых низких в Европе) жизненное удовлетворение. Однако произошел спад в психологическом соответствии «проигравших», которые негативно оценивают перспективы страны и ее нынешнюю ситуацию и кто не находит для себя места в новом социальном порядке, как и особых шансов на будущее. Одна из причин этого — расширение пропасти между «выигравшими» и «проигравшими».

Сочетание всех этих элементов должно неминуемо вести нас к заключению, что существующие угрозы ментальному здоровью ставят поляков в ситуацию «общества риска», даже если риски поражают различных граждан не в одинаковой степени. Разумеется, это заключение имеет статус гипотезы больше, чем окончательного диагноза, поскольку анализ такого сложного и многообразного явления, связанного с ментальным здоровьем, требует углубленных исследований, как и расширения рамок анализа индивидуального и социального человеческого капитала. Однако, рассмотренная роль макрострессоров наряду с недостатком доступной полякам поддержки представляет собой неблагоприятное сочетание, потенциально воздействующее на психическое здоровье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Czapinski J. Stan zdrowia psychicznego — wskaźniki niekliniczne / C. Czabała (ed.) Zdrowie psychiczne. Zagrożenia i promocja.. Warszawa, 2000.
2. Cockerham W. C. Sociology of Mental Disorder. N. Y.: Upper Saddle River, 2000.
3. CBOS. Samopoczucie Polaków w latach 1988–2002. Komunikat z badań. Warszawa, 2003.
4. Antonovsky A. Health, Stress and Coping. London, San Francisco, 1979. P. 91—92.

5. Institute of Psychiatry and Neurology. Zakłady psychiatrycznej oraz neurologicznej opieki zdrowotnej. Rocznik statystyczny. Warszawa, 2002; 2004.
6. Swiatkiewicz G. Konsumpcja legalnych leków psychoaktywnych. Unpublished doctoral thesis. Warszawa, 1999.
7. Domanski H. The rise of meritocracy in Poland // Sisyphus. Sociological Studies. 2001. 15. P.115—145.
8. Czapiński J. Indywidualna jakość życia / J. Czapiński, T. Panek (eds) Diagnoza społeczna 2003. Warszawa, 2003. P.145—156.
9. Włodarczyk C. Polityka. wolna wola. zdrowie. Promocja zdrowia // Nauki społeczne i medycyna. 1995. 7. P.7—22.
10. Ostrowska A. Społeczeństwo ryzyka? / H. Domanski, A. Ostrowska, A. Rychard (eds.) Niepokoje polskie. Warszawa, 2004. P.139.
11. Trawińska D. Formy życia rodzinnego i kierunki przemian rodziny ważne dla polityki społecznej / A. Kurzynowski (ed.). Problemy rodziny w polityce społecznej. Warszawa, 1991.
12. Giza- Poleszczuk A. Przestrzeń społeczna / A. Giza- Poleszczuk, M. Marody, A. Rychard (eds.) Strategie i System. Warszawa, 2000. P.108—149.

Милан ТУЧЕК

Спленченность общества в чешском восприятии

В программном обращении чешского правительства 2004 г. одна из глав называется «социальная спленченность». Отдельные параграфы главы посвящены социальной политике и социальному обеспечению, политике семьи, жилищной политике, занятости и здравоохранению. Во вступительной части упомянут социальный диалог (коллективное обсуждение на всех уровнях), всевозможные виды дискриминации, права национальных меньшинств, культурное многообразие и проблема социальной изоляции.

Очевидно, что социальная спленченность ассоциируется, прежде всего, с практической социальной политикой и осуществлением функции социального государства в различных сферах — от трудовой до семейной. Предполагается, что реализация ближайших и долгосрочных целей социальной политики неизбежно приведет к спленченному обществу.

Под макросоциальной спленченностью в наших условиях мы понимаем более или менее осознанно достижимую, однако исторически и в перспективе изменяющуюся характеристику, а значит и измерение объект-субъектной социальной интеграции чешского общества как относительно национально гомогенного на современном этапе его развития и в недалеком будущем, что отражается в соответствующем социальном, а как результат — социально-политическом консенсусе по отношению к релевантным общегосударственным целям (стратегиям), касающимся решения нынешних проблем как исходной позиции для будущего. Социальная спленченность, будучи неотъемлемым компонентом и критерием интеграции общества, соответственно, связана с ее противоположностью — наличием существенных социальных дифференциаций, в том числе таких, которые направлены на общественную дезинтеграцию, исключение, напряжение и конфликт.

Проблематике спленченности в последнее время уделяется значительное внимание. В рамках правительенной программы поддержки научных исследований тема спленченности общества обозначена как одна из двух целевых программ в сфере общественных наук (другая тема касается формирования общества знания). Часть проекта, получившая в данной правительенной программе исследований грантовую поддержку, — в реализации ее участвует автор данной статьи — посвящена изучению спленченности в восприятии чешского общества. Ключевое значение в раскрытии темы имела серия взаимосвязанных исследований общественного мнения 2003, 2004 и 2005 гг. Целью их было отображение понятия спленченность в со-

знания населения ЧР и ответ на вопрос, как в общественном мнении сплоченность связана с уровнем дифференциации общества в различных областях и с уровнем обеспечения справедливости.

Общность ценностей, норм и целей как предпосылка социальной сплоченности

Никто, наверное, не сомневается в том, что определенное единство ценностей, норм и целей, служит ключевым связующим элементом в обществе, существенным образом предопределяющим его сплоченность. Проблема заключается в том, что в секуляризованном чешском обществе, которое, переживающее в последнее десятилетие глубокие системные изменения, связанные с постепенной интеграцией его в европейские структуры, система ценностей, как и норм, является в значительной степени «гибридной» и во многих отношениях нестабильной. Некоторые из норм и ценностей формировались в течение многих десятилетий функционирования реального социализма, некоторые отражают действительность первых лет трансформации, а некоторые — базовые ценности европейской христианской цивилизации. В ценностях и нормах без сомнения находят проявление и более общие тенденции и направления развития общества (растущий индивидуализм, независимость гражданина от места жительства, государства и т. д.). Необходимо учитывать и огромное влияние всей сферы СМИ на формирование общественного климата именно в области ценностных ориентаций, на процессы нормообразования, имитации образцов поведения и др.

Нельзя сказать, что эмпирические исследования не уделяют тематике ориентаций и норм необходимого внимания. Даже наоборот. Они постоянно являются предметом изучения и в ходе опросов общественного мнения, и в фундаментальных социологических исследованиях, как и в большинстве маркетинговых разработок. Более того, эта тематика часто анализируется в рамках обширных международных проектов («European Values Studies», проекты в рамках ISSP, ЕвроБарометр и т. п.)

И хотя методики отдельных исследований ценностей или норм различны, эти различия не носят принципиального характера. В сущности, ценности (ценностные ориентации) всегда изучаются с помощью совокупности вопросов, которые включают анализ одних и тех же сфер жизни (семья, работа, межчеловеческие отношения и др.) и отличаются друг от друга, главным образом, широтой подходов (полнотой характеристик рассматриваемых сфер).

Наше исследование общественного мнения охватывает, по сути, две линии взаимосвязи ценностей и норм со сплоченностью. Первая линия фиксирует уровень дифференциации общества в данной области и предоставляет эмпирический материал для выводов о возможном позитивном или негативном влиянии современного состояния общественного сознания на уровень сплоченности. Вторая линия является аналитической и ее цель — обнаружить, насколько определенные ценности или нормы, которые опрошенные избирают, связаны с их оценкой уровня сплоченности общества или отражаются в выборе факторов, которые, по их мнению, эту сплоченность повышают.

Восприятие социальной спленченности

В первых двух исследованиях 2003 и 2004 гг. мы пытались определить, что люди понимают под спленченностью общества, насколько проблематика спленченности им близка, если они об этом задумываются.

Мы задавали вопросы о том, воспринимается ли общественная спленченность более как социальная справедливость или как «моральное и национальное единство», понимается ли спленченность как равенство возможностей или равенство результатов, не имеет ли понимание спленченности экстремистского оттенка в правых и левых идеологиях единства и т. п. Результаты анализа полученных данных можно было бы считать достаточно неожиданными: у чешских граждан идея общественной спленченности, которая, конечно, имеет несколько объяснительных уровней, не обнаруживает элементов экстремизма, а является скорее «программой» средних классов, которые акцентируют преимущественно тему социальной справедливости и взаимного доверия.

Исследование 2004 г., когда мы включили вопрос о знании самого понятия «общественная спленченность», показало, что 26,7% респондентов уже встречались с этим понятием, а 49,7% (из тех, кто на вопрос ответил иначе, нежели «не знаю») считают, что имеет смысл о нем поразмышлять (особенно те, кто знаком с данным понятием). Хотя, надо признать, доля тех, кто знаком с понятием «спленченность общества», была относительно невелика, но реакция на второй вопрос о пользе спленченности для общества оказалась уже намного более однозначной. Отметим, однако, что примерно пятая часть тех, кого спрашивали о понятии и о пользе спленченности для общества, дали ответ «не знаю». Интерпретация понятия «общественная спленченность» как «всеобщей социальной характеристики» вызвала смещение массового восприятия скорее в область политики, поэтому вопрос о знакомстве респондентов с данным понятием вызывал растерянную реакцию. Когда же оно было конкретизировано, люди смогли выразить свое отношение к тому, что способствует общественной спленченности, что — нет (см. табл. 1). Положительный опыт предметного, приближенного к реальности, обсуждения факторов (источников) спленченности получен уже в исследовании 2003 г. Отметим, что при рассмотрении влияния отдельных социально-психологических факторов ответы респондентов, уже встречавшихся с этим понятием, не отличались от ответов тех, для кого это понятие новое. Подтверждается наша убежденность, что относительно явления спленченности у людей имеется совершенно конкретное представление, просто само выражение «общественная спленченность» еще непривычно.

В этой связи необходимо отчетливо осознавать, что в общественном (политическом) словаре термин «общественная спленченность» совсем новый (и не только для непосвященных, но и для специалистов). Для его освоения людьми недостаточно, что он попал в лексикон политиков. В их высказываниях употребляется категория, содержание которой лишь сейчас закрепляется в массовом сознании.

По мнению опрошенных, в сущности, все перечисленные факторы способствуют спленченности общества — ответы «решительно да» или «скорее да» (см. I-ю колонку таблицы 1). Несмотря на относительное единство мнений, некоторые из

факторов рассматриваются как более связанные со сплоченностью, другие — как менее. Более связанными со сплоченностью люди считают взаимное доверие, сознание социальной справедливости (см. ниже результаты факторного анализа и сравнение с предыдущим исследованием) и сознание экономического благополучия. Менее связанные: сознание принадлежности к Европе (люди, очевидно, думают о сплоченности чешского общества, а «европейство» из этого контекста выпадает), доверие к политикам (скорее всего, происходит конфронтация с нынешней чрезвычайно негативной оценкой политической сцены и политики вообще) и общее для всех представление о будущем (тоже, наиболее вероятно, конфронтация с актуальным состоянием, точнее, отсутствием политического видения будущего). Люди, которые убеждены в пользе «проекта» социально сплоченного общества, оценивают вклад всех перечисленных факторов выше, чем те, кто в этой пользе сомневаются (см. последние два столбца средних оценок в таблице 1 — различия являются преимущественно статистически значимыми).

Таблица 1
Средняя оценка* социально-психологических факторов общественной сплоченности

	Сред- няя	№№	% не знаю	Полезна	Не знает, полез- на ли
Сознание свободы для каждого	1,85	8	6,6	1,76	1,96
Сознание социальной справедливости	1,68	2	6,3	1,63	1,81
Сознание возможности самореализации для большинства людей	1,76	5	6,6	1,70	1,81
Сознание равенства людей	1,91	9	6,3	1,85	2,06
Разделяемые всеми моральные ценности	1,75	4	7,4	1,63	1,80
Согласие большинства с общественной системой	2,00	10	8,8	1,97	2,04
Сознание национальной сопричастности	1,83	7	8,9	1,73	1,92
Разделяемое всеми представление о будущем	2,08	11	11,3	2,02	2,16
Поддержка демократической системы	1,80	6	9,5	1,74	1,86
Сознание принадлежности к Европе	2,25	13	12,0	2,18	2,32
Доверие между людьми	1,58	1	3,7	1,52	1,63
Сознание экономического благополучия	1,74	3	7,7	1,69	1,81
Доверие к политикам	2,16	12	12,7	2,10	2,23
				40,2% **	27,2% **

*Шкала: 1 — решительно да, 2 — скорее да, 3 — скорее нет, 4 — решительно нет.

** После исключения ответов «не знаю» (19,0%) речь идет о 49,7%, или 33,6% массива.

[Soudržnost, 2004: репрезентативная квотная выборка, возрастной интервал 15 лет и старше, N=1050]

Следующий этап — анализ идентификации тех респондентов, которые указали, что стоит подумать об общественной спленченности как о чем-то положительном и полезном (40,2%, или 49,7% массива опрошенных). Обнаружилось, что речь ни в коем случае не идет о крайне лево- или право-ориентированных респондентах с четко выраженным представлениями о единстве или общности. Скорее, наоборот, — концепт общественной спленченности рассматривают как полезный чаще респонденты из средних слоев (в широком понимании): кто по сравнению со средними показателями по всему массиву более склонен относить свою семью к категории «ни бедные, ни богатые», кто выбирает в основном социально-демократическую, но также и консервативную политическую программу (и, напротив, реже — социалистическую, коммунистическую или национально-ориентированную программу), люди с высшим образованием, активные избиратели (наверняка пошли бы на следующей неделе на выборы в Палату депутатов), кто в большинстве своем живет в полной семье.

Сохранится ли единство в восприятии общественной спленченности у респондентов обследованной нами группы при условии исключения из рассмотрения крайних взглядов и более значительном весе средних слоев чешского общества? Как следует из распределения избирательных преференций, можно ожидать, что, скорее всего, не сохранится. Хотя совершенно очевидны предпочтения в пользу социально-демократической политической программы, и избирательные преференции в большей степени свидетельствуют в пользу социал-демократической партии, тем не менее, очевидно, что с доминантным пониманием спленченности общества (спленченность как солидарность) конкурируют и другие альтернативы.

Для их выявления мы использовали совокупность вопросов, в которых респондентов спрашивали о том, «что, по их мнению, формирует спленченное общество». Факторный анализ классифицировал ответы в три главных фактора, объясняющих в целом около 58% вариации (см. таблицу 2).

Первый фактор, который можно было бы определить как **социально-демократическое убеждение**, включает в основном переменные, которые касаются восприятия социальной справедливости, равенства людей, признания всеми моральных ценностей и доверия между людьми. Второй фактор, соответственно обозначаемый как **склонность к консервативным ценностям**, состоит из следующих переменных: всеми разделяемое представление о будущем и принадлежность к народу, а также согласие большинства с социальной системой, признание моральных ценностей и доверие к политикам. Последний фактор, в контексте нашего сравнения обозначающий **склонность к либеральным ценностям**, ассоциируется с переменными: свобода для каждого, самореализация для большинства людей, поддержка демократической системы, сознание принадлежности к Европе, а также экономическое благополучие. Особенно интересно, что люди, которые понятие спленченности рассматривают как полезное, гораздо больше представлены в случае крайних положительных ценностей во всех трех приведенных факторах. То есть, среди людей, считающих размыщление над общественной спленченностью полезным, хотя и доминирует (социально-демократическое) представление, которое акцентирует социальную справедливость и равенство, но между ними есть и немалая группа лиц с консервативным и либеральным восприятием спленченности общества.

**«Что создает сплоченное общество?»
(факторный вес после ротации Varimax)**

	1 фактор	2 фактор	3 фактор
Сознание свободы для каждого	0,49		0,70
Сознание социальной справедливости	0,77		0,29
Сознание возможности самореализации для большинства людей	0,52		0,58
Сознание равенства людей	0,70	0,27	
Разделяемые всеми моральные ценности	0,60	0,47	
Согласие большинства с общественной системой	0,29	0,64	
Сознание национальной сопричастности		0,73	
Разделяемое всеми представление о будущем		0,75	
Поддержка демократической системы		0,38	0,69
Сознание принадлежности к Европе		0,37	0,70
Доверие между людьми	0,60	0,34	
Сознание экономического благополучия		0,36	0,48
Доверие к политикам		0,44	0,40
% использованных вариаций	19,9%	19,8%	18,5%

[Soudržnost, 2004]

В предыдущем исследовании 2003 г. вопрос о формировании общественной сплоченности (точнее — о социально-психологических факторах усиления сплоченности) поставлен иначе. Частично соответствующие переменные (в 2004 г. внесены дополнительно: «доверие к политикам», «сознание принадлежности к Европе», «сознание экономического благополучия» и исключены: «социальный договор» и «небольшие различия в жизненном уровне») распределены по их значению (от самого сильного влияния на сплоченность общества до самого слабого) (см. табл. 3).

Действительно, ранги (распределение) более дифференцированы между отдельными социально-психологическими факторами и однозначно подтверждают ключевую позицию «доверия между людьми». В сравнении с результатами 2004 г., когда, несмотря на то, что «доверие между людьми» по средней оценке также оказалось на первом месте, но на одном уровне с ним оказалась социальная справедливость (различие между средними не было статистически значимым), здесь ясно видна дистанция, которая, конечно же, в течение года не могла измениться. Резкий отрыв «доверия» должен был обязательно проявиться и в последующем факторном анализе, показавшем «рассоединение» доверия и справедливости. Справедливость и равенство в уровне жизни (сердцевина нашего социально-демократического восприятия сплоченности) при вынужденной дифференцированной оценке их значения для сплоченности (если респондент указывал на первых местах одни варианты, то был вынужден другие варианты помещать на более низкий уровень) становится в оппозицию к чувству принадлежности к народу и общепризнанным ценностям

(консервативное восприятие). Правила игры (законы), демократическая система и диалог (сердцевина либерального восприятия) находятся в оппозиции с коллективно-признанными ценностями и согласием с системой (здесь проявляется либеральное индивидуалистическое видение мира). Объяснение оппозиции факторов «доверия между людьми» и «согласия большинства с общественной системой» наверняка можно найти в противоречии между повседневной реальностью человеческой жизни и абстрактной, безличной системой.

Таблица 3

«Что формирует единодушное, дружное общество?» (ранжирование по приписанному значению, весу фактора после ротации Varimax)

		Средний	1 фактор	2 фактор	3 фактор
1.	Доверие между людьми*	3,55			-0,65
2.	Чувство социальной справедливости	4,74		-0,58	
3.	Законы и их выполнение	4,77	0,76		
4.	Возможность самореализации для большинства людей	5,57			
5.	Признаваемые всеми ценности	6,05	-0,41	0,40	
6.	Чувство причастности к народу	6,48		0,55	
7.	Согласие большинства с общественной системой	6,59	-0,30		0,77
8.	Поддержка демократической системы	6,69	0,55		
9.	Небольшие различия в уровне жизни	6,87		-0,65	
10.	Разделяемое всеми представление о будущем	6,88		0,31	0,46
11.	Социальный договор (диалог)	7,93	0,52		

* Доверие поставили на 1—3 место 59,5% респондентов.

[Soudržnost, 2003: репрезентативная квотная выборка, возрастной интервал 15 лет и старше, N=1600]

И пусть уровней восприятия спленченности существует больше или меньше, пусть они будут конкурирующими или одноуровневыми, но вновь подтверждено, что речь идет о концепте, который имеет однозначно позитивный общественный смысл. Потому что почти половина опрошенных, независимо от политической самоидентификации на «правых» и «левых», считают, что этот концепт заслуживает внимания. Несмотря на то, что по результатам обоих обследований в массовом восприятии общественной спленченности доминирует социальная справедливость (и доверие), но здесь регистрируются также обладатели и консервативных, и либеральных взглядов.

Анализ социально-психологических факторов спленченности по результатам исследования общественного мнения 2004 г. обнаружил более сильную по сравнению с предыдущим исследованием связь между восприятием общественной спленченности и социальной справедливости. Исходя из этого, мы решили на следующем этапе (январь 2005 г.) расширить тему социальной справедливости за счет практических аспектов политики и повседневной жизни. Идеи социальной

сплоченности и справедливости должны были найти конкретное выражение, чтобы послужить чешской политической репрезентации — независимо от политических ориентаций.

Социальная сплоченность и справедливость

В исследовании 2004 г. обнаружено, что «сознание социальной справедливости» люди считают вторым по значимости фактором, формирующим сплоченное общество (с небольшим отличием от «доверия между людьми», см. табл. I). Хотя данные, полученные на основании ответов на открытый вопрос о том, что люди представляют под сплоченностью общества не совсем однозначны, однако сплоченность явно ассоциируется с солидарностью не только на микро-, но и на макроуровне (примерно 40% ответов), в то время как социальная справедливость регистрируется примерно в 6—7% ответов (категория «доверие» еще реже) — можно уверенно предполагать, что степень общественного согласия в вопросе о том, что является, а что не является (социально) справедливым, способствует сплоченности общества. Поэтому в исследование включен ряд вопросов, посвященных выяснению справедливости некоторых политических актов первых лет трансформации и ряду острых проблем, находящихся в центре политических дискуссий. Включен также открытый вопрос с целью выяснения, что люди в настоящее время считают в чешском обществе самым несправедливым.

Кроме основного заключения о том, насколько в этом отношении общество (общественное мнение) расщеплено, нас интересовало, насколько различия во мнениях отражаются на оценке степени единства чешского общества, насколько и как возрастают актуальность роста внимания к проблемам социального единства общества. Хотя вполне вероятно, что связь между единством во взглядах на справедливость и единством общества достаточно сложна опосредованная, возможно, в той или иной мере она обнаружится и в заданных нами показателях (связанных с конкретными проблемами, на основании которых рассматривалась степень справедливости).

Неустойчивость ценностной системы после 1989 года на примере справедливости

Исследования взглядов и мнений должны учитывать тот факт, что в чешском обществе после 1989 г. произошло резкое изменение всей системы ценностей, возникла совершенно иная интерпретация различных ментальных систем или идеологий (как в обществе, так и в СМИ, а также, например, в преподавании в школах), произведена официальная переоценка коммунистической системы и т. д. В результате у многих изменилось отношение к ряду вопросов, появилась определенная неуверенность во взглядах и их «неукорененность» — отсутствует глубокая мировоззренческая убежденность. Лишь постепенно слабеет конъюнктурность (или протест) отношений и взглядов, они усваиваются, и возникает более или менее стабильная структура взглядов, соответствующая культурной идентичности Чешской Республики.

Об этих сдвигах свидетельствует, в частности, изменение в поведении избирателей с момента первых свободных выборов, кристаллизация избирательных преференций на основе определенного опыта и групповых интересов. Неустойчивость можно проиллюстрировать и примерами из сферы социальной справедливости — распределением ответов на вопрос, который в одинаковой формулировке задавался в ходе международного исследования «Social Justice» в 1991 г., в 1995 г. и в нашем последнем опросе.

Из сравнения результатов исследований в нескольких странах с традиционно демократической системой и в ряде посткоммунистических центрально- и восточноевропейских стран ясно следует, что системные изменения в первые годы после их начала внесли во взгляды людей неуверенность в том, что действительно является справедливым (и соответственно правильным). Речь идет о настолько разительном сдвиге, характерном для всех без исключения обследованных стран переходного типа (глубина его, очевидно, связана с экономическим упадком той или иной переживающей перемены страны), что в воздействии перемен не может быть сомнений.

Таблица 4

«В настоящее время трудно ориентироваться в том, что, в сущности, справедливо, а что нет» (1991 г.)

	% «решительно согласен»	N
Болгария	55,8	1279
Восточная Германия	36,7	991
Западная Германия	18,6	1741
Венгрия	51,4	933
Голландия	14,8	1783
Польша	33,9	1430
Великобритания	19,3	1264
США	23,7	1387
Россия	34,3	1428
Словения	46,7	1303
Эстония	53,1	961
Словакия	35,9	357
Чехия	35,2	798

[Social Justice. 1991]

Со временем и в этой сфере неуверенность уменьшается. Такого рода сомнения теперь больше определяются спецификой человека эпохи постмодерна, на которую указывали исследования 1991 г. в западных странах. Уровень неуверенности в суждениях, что, по сути, справедливо, в Чешской Республике в 2005 г. с результатами этих исследований абсолютно сравним. В пользу «постмодернистского спектра мнений» говорит следующий факт. Хотя, несомненно, происходит общий выраженный сдвиг к несогласию с утверждением: «в настоящее время тяжело ориентироваться в том, что собственно является справедливым, а что нет», тем не менее, это не ведет к усилению «решительного несогласия».

Таблица 5

«В настоящее время трудно ориентироваться в том, что, в сущности, справедливо, а что нет» — сдвиги во мнениях за последние 15 лет (в %)

	Решительно согласен				Решительно не согласен
1991	34,7	32,6	13,7	12,1	5,3
1995	26,0	32,1	18,1	14,7	6,5
2005	19,1	36,4	19,4	17,5	4,5

* разницу со 100% составляют ответы «не знаю», «отказ».

[Social Justice, 1991, 1995; Soudržnost, 2005]

Естественно, что на основании только степени неуверенности при оценке справедливости и сравнения трех дат нельзя делать далекодушных выводов, но наш опыт исследований и результаты изучения динамики ценностей и поведения чешской популяции позволяют утверждать, что речь идет о тенденции, которая подтверждает реальность движения чешского общества в направлении к «западноевропейскому пространству» или даже сближение с «западноевропейским стандартом».

Что люди в 2005 г. считали справедливым, а что нет

Распределение ответов по отдельным вопросам, которые были решены в первые годы после ноября 1989 г. и которые наряду с вопросами чешско-немецкого урегулирования постоянно, вновь и вновь поднимаются в современных политических дискуссиях, приводится в первой части таблицы 6. Как и из второй ее части, посвященной некоторым широко дискутируемым проблемам современной политики, видно: в обществе преобладает или согласие, или несогласие со справедливостью того или иного шага, того или иного предлагаемого решения. Собственно говоря, ни по одному из вопросов не произошло поляризации общественного мнения на позиции крайнего согласия или крайнего несогласия. Хотя и есть вопросы, где оценка справедливости предложенного или реализованного решения четко не тяготеет ни к одной крайности (либерализация цен, денежные пособия на детей). По этим вопросам люди избирают срединное решение: если бы предложенная шкала давала возможность нейтрального ответа, очевидно здесь бы наблюдалась концентрация ответов. Стоит обратить внимание и на высокий процент ответов «не знаю» (пятая и даже четвертая часть опрошенных) в последних трех пунктах.

Большинство людей считает справедливым: «выселение немцев», «малую реституцию», «прогрессивное налогообложение», «ограничения для иммигрантов», «пенсии в зависимости от зарплаты», «смертный приговор за убийство» и «отделение церкви от государства». Несправедливым большинство считает: «иммунист депутатов», «оплату за обучение в государственных школах», «равные налоги», «доплаты для полиции за выслугу лет» и «льготы для служащих государственных учреждений». Мнения зависят от возраста, образования, социального статуса и особенно от политической ориентации опрошенных (упрощенной до классической право-левой шкалы).

Таблица 6

«В какой мере было или является сегодня справедливым?»

	Реши- тельно да	Скорее да	Скорее нет	Реши- тельно нет	Не знает	Сред- няя*
Выселение немцев	40,0	34,2	9,9	2,1	13,7	1,70
Мелкая реституция	28,4	44,3	13,6	4,3	9,5	1,93
Крупная реституция	10,3	26,7	30,7	16,6	15,7	2,64
Закон о люстрации	22,8	30,7	16,9	6,6	23,1	2,09
Купонная приватизация	3,8	20,0	30,8	26,4	19,1	2,99
Либерализация цен после 1989 г.	5,6	27,7	27,5	14,0	25,2	2,67
Прогрессивное на- логообложение	25,5	37,8	18,4	7,6	10,7	2,09
Иммунитет депутатов	1,2	9,5	35,4	49,3	4,7	3,39
Оплата за обучение в государственных школах	4,9	20,2	39,6	28,0	7,3	2,98
Ограничения для иммигрантов	18,5	39,7	19,6	4,1	18,0	2,11
Пособия на детей для всех	13,9	33,1	28,0	13,2	12,0	2,46
Равные налоги	12,3	22,5	29,8	23,2	12,2	2,73
Доплаты за выслу- гу лет в полиции	4,0	18,8	32,6	37,9	6,9	3,12
Пенсия в зависи- мости от заработков	23,0	47,4	16,0	5,6	7,9	2,05
Обязательное пенси- онное страхование	10,3	39,4	25,3	11,0	14,0	2,43
Льготы для служащих	4,5	18,9	33,4	30,9	12,3	3,03
Смертный приго- вор за убийство	40,5	34,5	10,9	5,0	9,1	1,78
Отделение церк- ви от государства	31,0	31,3	13,9	4,7	19,1	1,91
Запрет компар- тии (КЧСМ)	16,1	17,9	26,4	23,6	16,1	2,68

*по совокупности ответов без учета «не знаю»

[Soudržnost, 2005: репрезентативная квотная выборка, возрастной интервал 15 лет и старше.
N=1050]

Сказанное выше об оценке справедливости по проблемам, которые в настоящее время являются предметом политической дискуссии, хорошо дополняет приведенное ниже распределение ответов на открытый вопрос о том, что респонденты в настоящее время в чешском обществе считают самой большой несправедливостью.

17% — злоупотребление властью (привилегии для политиков, высокомерие, презрительное отношение к простым людям, коррупция)

15% — социальные различия (бедность, социальные неравенства, различия в доходах)

- 11% — юрисдикция (задержка судебных разбирательств, недостаточные наказания, правовая неуверенность)
- 8% — социальная политика (низкие пособия, но около трети респондентов — излишняя щедрость)
- 6% — разные формы дискриминации, исключения (возраст, инвалидность, национальность)
- 6% — безработица
- 5% — условия развития предпринимательства (налоги, законы и проч.)
- 3% — система здравоохранения (оплата лекарств, медицинской помощи)
- 2% — система просвещения (недостаток возможностей получения образования)
- 2% — неурегулированность вопросов прошлого.

Результаты факторного анализа

С помощью факторного анализа мы охарактеризовали структуру мнений, чтобы затем через факторные счета получить возможность анализа причинных связей между оценкой справедливости в определенных областях и социально-демографическими параметрами опрошенных, а также их взглядами на общественную сплоченность.

Таблица 7
Матрица факторного веса

	1 фактор	2 фактор	3 фактор	4 фактор	5 фактор	6 фактор
Мелкая реституция	0,76					
Крупная реституция	0,75					
Закон о люстрации	0,68					
Либерализация цен	0,56	0,31				
Купонная приватизация	0,52					
Запрет КСЧМ	0,42	0,40				
Оплата обучения в государственных школах		0,65				
Выселение немцев		-0,61				
Обязательное пенсионное страхование		0,54				
Равные налоги			0,80			
Прогрессивное налогообложение				-0,76		
Льготы для служащих					0,67	
Доплаты за выслугу лет					0,66	
Иммунитет для депутатов					0,57	
Отделение церкви						0,68
Смертный приговор						0,53
Пенсия в зависимости от доходов		0,35				0,51

	1 фактор	2 фактор	3 фактор	4 фактор	5 фактор	6 фактор
Ограничение эмиграции в ЧР						0,77
Общие пособия			0,36			0,56
Процент объясненной вариации (всего 53,8%)	13,9%	8,9%	8,5%	8,3%	7,7%	6,2%
Корреляция:						
с возрастом	0,09*	0,04	0,09*	0,01	0,00	-0,05
с материальным статусом	-0,18*	-0,23*	-0,23*	-0,15*	-0,03	0,04
с культурным статусом	-0,06	-0,12*	-0,07	-0,10*	0,01	0,01
с лево-правой ориентацией	-0,44*	-0,32*	-0,21*	0,06	0,04	0,05
с вопросом о степени сплоченности общества	0,21*	0,05	0,08	0,16*	-0,18*	0,00

* статистически значимые величины

[Soudržnost, 2005]

Показатели, касающиеся справедливости различных трансформационных актов, объединились в один фактор (1-й фактор). Это означает, что люди воспринимают перемены в обществе после 1989 г. как целостный процесс с единой внутренней логикой и оценивают эти перемены либо как скорее справедливые (очевидно, в смысле «правильные»), либо как скорее несправедливые («неправильные»). Определенная неуверенность обнаруживается лишь в отношении к возможному запрету компартии (КСЧМ), которая выпадает из либерально-демократического контекста.

В следующих факторах логически объединились социальные гарантии (бесплатное обучение в институтах, расширение пенсионного страхования — 2-й фактор), мнения о налоговой политике (3-й фактор), степень справедливости некоторых льгот для служащих в государственном и общественном секторах (4-й фактор). 5-й фактор отражает более или менее консервативные мнения о церкви, о смертном приговоре и об общественной системе, 6-й фактор — определенный уровень уравнительности (здесь в случае денежных пособий на детей и иммигрантам).

Вопрос справедливости или несправедливости послевоенного выселения немцев неожиданно оказался несвязанным с оценкой трансформационных процессов (в смысле «исправления несправедливых отношений и бесправия»), но в определенном «родстве» с социальными гарантиями, вошедшими во 2-й фактор (объяснение можно найти в отчетливой политической ориентации защитников основных социальных гарантий).

Корреляция факторов с основными идентификациями (возраст, материальный статус, культурный статус), с политической ориентацией и с оценкой степени общественной сплоченности принесла несколько неожиданных результатов:

- взаимосвязь поколенческой принадлежности и культурного статуса (по уровню образования) если вообще существует, то на грани статистической значимости;

- материальный статус, как и ожидалось, оказался определяющим при оценке справедливости социальных гарантий, налоговой системы и справедливости введения доплат для определенных категорий госслужащих, а также (что уже не было столь очевидно) при оценке справедливости процессов трансформации чешского общества после 1989 г. (материальный фактор здесь отражает дифференциацию на выигравших и проигравших в результате перемен). Отрицательный знак в корреляции означает — чем выше материальный статус, тем ниже оценка справедливости в отдельных сферах;
- лево-правая ориентация, как и ожидалось, обладает самым высоким уровнем корреляции, особенно это касается пунктов, логически связанных с политической ориентацией, собственно, и формирующих ее. Неожиданностью явилось то, что не была обнаружена связь с мнением о справедливости доплат за выслугу лет и другими оставшимися пунктами.

На наш взгляд, самые важные результаты касаются зависимости между мнением о степени справедливости в отдельных областях и восприятием общественной сплоченности. Статистически значимая связь обнаружена у оценки степени справедливости (чем более трансформационные процессы рассматриваются как несправедливые, тем более общество воспринимается как несплоченное). Другими словами, те, кто оценивают приватизацию, реституцию, либерализацию цен скорее как несправедливые, считают, что эта несправедливость вызвала в обществе появление значительных (неоправданных) неравенств, создала реальную напряженность и привела к снижению сплоченности.

Важным является и обнаружение непрямой связи между консервативными взглядами (отделение церкви от государства, смертный приговор) и восприятием сплоченности. Надо пояснить, что часть опрошенных, которые оценивают степень сплоченности общества весьма негативно, видят возможность исправления ситуации именно в утверждении консервативных ценностей.

Заключение

Концепт общественной сплоченности в современном политическом дискурсе заменил преобладавший до настоящего времени концепт социального государства, которое в развитых странах стало слишком дорогим, а по своим результатам — контрпродуктивным. Насколько этот концепт европейских политических и административных структур отражает реальные процессы, происходящие в современном обществе, конкретно — в Чешской республике, или является их результатом, мы попытались выяснить на основании серии исследований общественного мнения. На наш взгляд, речь идет о признании определенной степени социального неравенства в области социальной структуры, мультикультурализме, преодолении общественных рисков, порождаемых процессами глобализации — с точки зрения макросоциальной и индивидуализацией — с точки зрения микросоциальной.

В связи с широтой проблематики невозможно здесь представить эмпирически обоснованную комплексную картину изучаемого явления. Мы сконцентрировали внимание на описании восприятия степени сплоченности на макроуровне государства и на факторах, которые эту сплоченность формируют. Затем рассмотрена

проблематика социальной справедливости отдельных шагов, характеризующих трансформацию чешского общества после падения коммунистического режима, и справедливости различных акций, которые в настоящее время являются предметом острых политических дискуссий. Необходимо было выяснить, какова дифференциация общественного мнения, чем она обусловлена, и, главное, в какой мере эта дифференциация предопределяет степень сплоченности чешского общества. В связи с этим мы считаем, что результаты анализа мнений о степени справедливости посткоммунистической трансформации в Чехии будут особенно интересны для иностранных читателей, которые могут сравнить наши результаты с положением в своих странах.

В заключение можно сказать, что, политическая концепция общественной сплоченности широко не популяризируется, тем не менее, у людей существует совершенно реальное и осознанное представление о том, что существует, а что препятствует сплоченности (чешского) общества. Однако это представление не является одномерным, а включает как представления, связанные с социально-демократическим концептом социально справедливого общества, которое акцентирует солидарность наряду со значительными гарантиями со стороны государства, так и с концептом либеральным (подчеркивающим свободу и индивидуальную ответственность), а отчасти также и с концептом консервативным, ориентирующимся на традиционные институции. Что касается оценки степени справедливости трансформационных процессов, то в общественном мнении не обнаружено полярного деления на победителей и проигравших, преобладают менее категоричные оценки. Таким образом, современный политический дискурс характеризуется явной склонностью к сохранению социальных гарантий и пониманию, что это усиливает сквозную сплоченность общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Beck U. Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne. Frankfurt a/M.: Suhrkamp Verlag, 1986.
2. Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Cambridge: Polity Press, 1994.
3. Beck W. et al. The Social Quality of Europe. Bristol: Polity Press, 1998.
4. Beck W. et al. Social Quality. A Vision for the Europe. Hague, London, Boston: Kluwer Law International, 2001.
5. Berger P. L. (ed.) The Limits of Social Cohesion. Conflict and Mediation in Pluralist Societies. Boulder, Oxford: Westview Press, 1998.
6. Dahrendorf R. Úvahy o revoluci v Evropě. Praha: Evropský kulturní klub, 1991.
7. Dahrendorf R. Občanská společnost: Nejspolehlivější záruka svobody // A. Pongs V jaké společnosti vlastně žijeme? Praha: Nakladatelství ISV, 2000.
8. Giddens A. Třetí cesta. Obnova sociální demokracie. Praha: Mladá fronta, 2001.
9. Machonin P. Sociální transformace a modernizace. Praha: SLON, 1997.
10. Machonin P. Teorie modernizace a česká zkušenost // J. Mlčoch, P. Machonin, M. Sojka Ekonomické a společenské změny po roce 1989 (alternativní pohled). Praha: Karolinum, 2000.
11. Machonin P., Tuček M. et al. Česká společnost v transformaci. K proměnám sociální struktury. Praha: SLON, 1996.

12. *Potůček M.* Křižovatky české sociální reformy. Praha: SLON, 1999.
13. *Potůček M. a kol.* Průvodce krajinou priorit pro Českou republiku. Praha: Gutenberg, 2002.
14. *Potůček M. a kol.* Putování českou budoucností. Praha: Gutenberg, 2003.
15. *Tuček M. et al.* Dynamika české společnosti a osudy lidí na přelomu tisíciletí. Praha: SLON, 2003.
16. *Večerník J., Matějů P.* (eds.). Zpráva o vývoji české společnosti 1989—1998. Praha: Academia, 1998.
17. *Zapf W., Habich R., Bulmahn T., Delhey J.* The Case of Germany: Transformation through Unification // *W. Adamski, P. Machonin, W. Zapf* (eds.): Structural Change and Modernization in Post-Socialist Societies. Hamburg: Reinholt Krämer Verlag, 2003. P. 229—296.

E. M. БАБОСОВ

Регулирующая роль государства в жизни общества переходного типа

Опыт переходного социально-экономического развития постсоветских стран, в первую очередь России и Беларуси, в период развертывания рыночных социально-экономических процессов убеждает, что регуляционные приоритеты остаются за государством. Используя этот опыт, белорусское государство разрабатывает программы долгосрочного и краткосрочного развития республики, планирует его основные показатели. Оно же осуществляет целенаправленное регулирование процессов разгосударствления собственности и приватизации предприятий. Кроме того, государственные органы осуществляют антимонопольное регулирование, что позволяет реализовывать контроль за ценообразованием. К ведению государственных органов относится разработка и осуществление бюджетно-налоговой политики. Именно на основе этой политики разрабатывается республиканский бюджет — основной финансовый план формирования и использования денежных средств. Государство корректирует инвестирование бюджетных средств в формирование конкурентоспособной структуры национальной экономики, добиваясь приоритетного финансирования наиболее важных социальных программ и мероприятий.

Государство выступает выразителем, гарантом и защитником общих национальных интересов. Но для этого необходимо иметь весьма значительные, в том числе и денежные, средства. Основным источником поступления в государственную казну финансовых средств являются налоги, представляющие собой обязательный взнос в бюджет (республиканский, областной и т.д.), осуществляемый юридическими и физическими лицами в порядке и на условиях, определяемых законодательными актами. Каждый из нас является субъектом налогообложения, и все мы обязаны оплатить нашу часть затрат на общественные блага. Наконец, государство разрабатывает и осуществляет социальную защиту населения — систему норм, принципов и правил, обеспечивающих социальные гарантии малоимущим слоям населения.

Важную регулирующую роль государства в развитии рыночной экономики обуславливают следующие причины:

Первая из этих причин коренится в самой сущности современной рыночной экономики, базирующейся на научно-технических достижениях и ориентирующейся на социальные приоритеты, реализовать которые без активной регулирующей роли государства невозможно.

Вторая причина заключается в том, что современная экономическая рыночная система становится все более социально ориентированной — направленной не только на экономическую эффективность и экономический рост, но и на решение важнейших проблем, связанных с ростом благосостояния различных групп населения.

Третья причина возрастающей регулирующей роли государства в развитии современной экономики обусловлена расширявшимися в последнее время масштабами антропогенной (в первую очередь техногенной) нагрузки на окружающую среду. Экологическая проблематика находится в ведении государства, располагающего необходимыми ресурсами и властными полномочиями.

Четвертая причина заключается в нарастающей общественной потребности законодательно-правового ограничения стремления крупного предпринимательства получить монополию на производство и продажу определенных видов товаров и услуг, в обеспечении государственными органами таких общественных потребностей, как поддержка фундаментальной науки, национальной системы безопасности, строительства автомагистралей и т.п.

Пятая причина, обуславливающая расширение масштабов и возрастание степени государственного вмешательства в социально-экономические процессы, состоит в необходимости уменьшения неоправданных различий в доходах различных групп населения, что вызывает чрезмерно большое распространение бедности, в том числе и в богатых странах, становится источником социальных конфликтов и потрясений.

Государство выполняет несколько основных регуляционных экономических функций:

1. осуществляет *защиту права собственности*, создаваемой и приумножаемой гражданами за счет их трудовых доходов от участия в общественном производстве, от ведения хозяйства и доходов от средств, инвестированных в создание и развитие предприятий, фирм и т.п., а также вложенных в банки и другие финансово-кредитные учреждения;

2. обеспечивает *свободу предпринимательства*, стимулирование деловой активности и противодействие монополистическим тенденциям в развитии производства и торговли, в ценообразовании;

3. обеспечивает *законность и правопорядок* в экономической деятельности, связанной с производством, распределением, обменом и потреблением товаров и услуг;

4. регулирует *денежное обращение*, обеспечивает устойчивость национальной валюты;

5. разрабатывает *стратегии социально-экономического развития страны*, государственного программирования и стратегического планирования, осуществляет государственные заказы отраслям экономики, промышленно-финансовым группам и крупным предприятиям на основе системы макроэкономических показателей и основных направлений экономического развития;

6. регулирует *взаимоотношения между трудом и капиталом*, между предпринимателями и наемными работниками, создавая условия для эффективного взаимодействия между ними, полной реализации социально-экономических прав,

которые обеспечивают свободу действий общественных организаций трудящихся и предпринимателей, создают предпосылки для их *социального партнерства*;

7. *перераспределяет доходы*, прежде всего через дифференцированное взимание налогов с прибыли и личных доходов граждан, ориентированное на регулирование сверхвысоких доходов наиболее богатой части населения путем прогрессивного налогообложения, сдерживающего чрезмерное имущественное расслоение, способное привести к дестабилизации социально-политической обстановки;

8. законодательно *регулирует занятость*, обеспечивая равные возможности всем гражданам страны в получении рабочего места, содействии целесообразной структуре занятости и эффективному распределению и перераспределению трудовых ресурсов в соответствии с интересами и перспективами социально-экономического развития страны;

9. регулирует *внешнеэкономическую деятельность* всех субъектов хозяйствования, ориентированную на активное участие в международном разделении труда.

Разумеется, экономические функции государства связаны не только с обеспечением благоприятных условий для развития рыночной экономической системы. В совокупности они должны быть ориентированы на реализацию высших национально-государственных интересов страны, обеспечение достойного благосостояния народа. А это возможно только при приоритетном развитии образования и здравоохранения, фундаментальной и прикладной науки, расширении инновационной деятельности во всех сферах общества. Только при обеспечении этих условий государство становится мощным регулятором создания и развития социально ориентированной рыночной экономики, совершенствования образа жизни людей.

В развитии социальной сферы в условиях перехода к социально-ориентированной рыночной экономике и к социальному правовому демократическому обществу регулирующая роль государства еще более многогранна, чем в сфере экономики. Это обусловлено сложной структурой социальной сферы, включающей здравоохранение, образование, науку, культуру, социальное обеспечение населения, социально-демографические процессы, семейные отношения.

Важнейшим условием благотворного для человека, его образа жизни развития социальной сферы становится разработка и реализация *эффективной социальной политики государства*. Основными направлениями социальной политики, осуществляющей в современных условиях белорусским государством, являются:

— формирование системы государственных приоритетов в общественных отношениях, позволяющей создать механизм поддержки здорового образа жизни населения;

— создание эффективной системы здравоохранения, укрепление ее потенциала для обеспечения каждого гражданина доступной и качественной медико-санитарной помощью;

— сохранение и развитие культурного наследия, национально-культурной самобытности белорусского народа, белорусского языка, расширение сферы его применения;

— создание экономических, социальных, культурных и нравственно-правовых условий для гармоничного развития личности, соответствующего позитивным нормам морали и права.

Тремя основными функциями социальной политики государства являются: 1) воспроизводственная; 2) социальной защиты; 3) социального развития.

Воспроизводственная функция включает: постоянное возобновление населения страны посредством изменения параметров рождаемости и смертности; воспроизводство рабочей силы на основе непрерывного возобновления социальных, профессиональных и социокультурных характеристик работающих групп населения; воспроизводство социальной структуры посредством пространственно-временных изменений состава, структуры, функций и видов деятельности социальных групп, общностей и слоев в процессе их жизнедеятельности. По всем этим направлениям социального воспроизводства в последние годы в Беларуси достигнуты положительные результаты.

Начиная с 1993г., в республике сложились неблагоприятные соотношения между смертностью и рождаемостью вследствие снижения демографической активности населения. На протяжении трех последних лет в этой сфере наметились небольшие положительные сдвиги. Если в 2002 г. на 1000 человек населения родилось 8,9 ребенка, в 2003 г. – 9,0, в 2004 г. – 9,1 то в 2005 г. — 9,3 ребенка. В 2005 г. коэффициент младенческой смертности составил 6,4 умерших ребенка в возрасте до 1 года на 1000 родившихся против 13,3 в 1995 г., снизившись вдвое. Важно превратить эту тенденцию в устойчивую. Для успешной реализации воспроизводственной функции социальной политики белорусского государства в 2006—2010 гг. предусматривается:

- создание условий и возможностей всем трудоспособным гражданам зарабатывать средства для удовлетворения своих потребностей;
- обеспечение рациональной занятости населения на основе сохранения рабочих мест на жизненно важных и перспективных предприятиях, создания новых рабочих мест, в том числе в частном секторе экономики;
- обеспечение роста реальных денежных доходов населения;
- последовательное повышение уровня оплаты труда как основного источника денежных доходов населения и важнейшего стимула трудовой активности работников наемного труда;
- обеспечение и соблюдение минимальных нормативов социального стандарта по представлению населению услуг в области жилищно-коммунального обслуживания.

Принципиально важным направлением государственной социальной политики в обществе переходного типа, является регулирующее влияние на воспроизводство социальной структуры. Большая его важность обусловлена тем, что социальная структура представляет собой своего рода «солнечное сплетение» (Т. А. Заславская), в силу чего без ясного представления о том, как устроена эта структура и в каких направлениях она меняется, вряд ли можно решать стратегические проблемы общественного развития. Ведущая роль в этом процессе принадлежит гибкой и эффективной социальной политике, которая создает предпосылки для формирования нормативно-правового пространства экономических и социальных отношений индивидов и социальных групп на уровне различных отраслей народного хозяйства, предприятий, учреждений и фирм. Реализация государственной социальной политики предписывает или запрещает предпринимателям, менеджерам, наемным

работникам и их группам определенные способы производственно-трудовой деятельности, размеры и формы ее стимулирования. Тем самым она изменяет институциональную среду и условия жизнедеятельности больших социальных групп, в одних случаях расширяя, а в других — сужая имеющиеся у работников возможности выбора.

В условиях рыночного преобразования экономики важнейшим стратегическим направлением социальной политики государства становится повышение мотивированности работников к труду, ускорение роста квалификационного потенциала общества, снижение удельного веса депривированных групп и слоев населения, реальное повышение благосостояния работающих людей. Правительство Республики Беларусь утверждает и контролирует несколько важнейших социально-экономических показателей, характеризующих уровень жизнеобеспечения различных групп населения. Важнейший из них — минимальный потребительский бюджет, прожиточный минимум и бюджет прожиточного минимума. Минимальный потребительский бюджет представляет собой стоимость материальных благ и услуг, которые необходимы для удовлетворения минимальных физиологических и социальных потребностей человека определенного пола и возраста. Прожиточный минимум — это минимальный набор материальных благ и услуг, необходимых для обеспечения жизнедеятельности человека и охраны его здоровья, а бюджет прожиточного минимума — стоимостная величина последнего.

Об эффективности социальной политики в сфере сокращения имущественного неравенства и расслоения общества свидетельствует динамика некоторых показателей за последние годы. В 2003 г. численность населения Беларуси, располагавшего жизненными ресурсами в расчете на члена семьи ниже прожиточного минимума, снизилась в сопоставлении с 1999 г. с 46,7% до 27,1%, (в 1,7 раза), а численность граждан республики, чьи жизненные ресурсы превышали размер бюджета прожиточного минимума, возросла с 53,2% до 72,9%, (в 1,4 раза). За тот же период разница объемов ресурсов, которыми располагали наиболее и наименее обеспеченные децильные (10%) группы населения уменьшилась с 5,8 до 5,2, что также свидетельствует о снижении поляризации белорусского общества на богатых и бедных, об уменьшении уровня бедности в стране. Итоги социально-экономического развития Беларуси в 2004 г. показывают, что в настоящее время ниже официально установленной черты бедности проживает 17,8% населения. Это означает, что уровень бедности в нашей стране за период 1999—2005 гг. снизился в 2,6 раза. Это существенный позитивный результат осуществления воспроизводственной функции социальной политики.

В структуре государственного воздействия на социальную сферу общества важна реализация *защитной функции* социальной политики. По мере выхода Беларуси из социально-экономического кризиса, порожденного развалом СССР, в социальной политике происходит постепенное перенесение акцентов с социальной защиты беднейших слоев населения (через систему социального вспомоществования) к обеспечению базовой социально-экономической безопасности подавляющей части населения. Важнейшим приоритетом этого направления социальной политики в Беларуси является максимальное сокращение уровня малообеспеченности. На основе роста ВВП и производительности труда, увеличения средней заработной

платы и среднедушевых доходов предполагается, что доля населения республики с доходами ниже бюджета прожиточного минимума должна сократиться к 2015 г. вдвое.

Наряду с этим решаются еще три важные задачи в области социальной защиты населения:

- 1) повышение уровня пенсионного обеспечения;
- 2) повышение социальной защиты нуждающихся на основе усиления адресности оказания помощи, рационализации системы льгот, улучшения социального обслуживания и др.;
- 3) совершенствование социального страхования, развитие которого необходимо направить на обеспечение гарантий по защите населения от социальных и профессиональных рисков, сопряженных с утратой заработка, работы или здоровья.

В рамках организационно-структурных преобразований в системе *пенсионного обеспечения*, усиления зависимости размера пенсий от трудового стажа и заработка в Беларуси только в 2005 г. произведено два перерасчета трудовых пенсий в связи с ростом заработной платы и четыре перерасчета минимальных трудовых и социальных пенсий. В результате этих мероприятий средний размер назначенных пенсий возрос на 40,2% и достиг 221,4 тыс. руб. или 98 долл. США, тогда как в 2000 г. он составлял 31 долл. США. В целом за последние 10 лет средний размер реальной пенсии возрос в 3,8 раза.

Различные выплаты по государственному *социальному страхованию* включают в себя пособия по временной нетрудоспособности, по беременности и родам, в связи с рождением ребенка, по уходу за ребенком в возрасте до 3 лет и др. В 2004 г. по сравнению с 2003 г. общая сумма названных страховых выплат возросла в Беларуси в 1,3 раза и составляла 657 млрд. руб.

За период 2001—2004 гг. получателями адресной *социальной помощи* в Беларуси стала 364 тыс. человек, в основном многодетные и неимущие семьи, инвалиды. На ее выплату израсходовано 13 млрд. руб., а количество граждан, получающих такую помощь в 2004 г. по сравнению с 2003 г. увеличилось на 6,6%.

Работа по регулированию социальной защиты населения не ограничивается верхними эшелонами государственного управления, но включает деятельность на уровне местных органов власти и самоуправления. Поучительный опыт такой работы накоплен в ряде районов Беларуси. В частности, в Октябрьском районе Гомельской области 24 социальных работника осуществляют организацию социальной помощи на дому 160 одиноких граждан и инвалидов. К этому процессу подключены предприятия торговли, бытового обслуживания, коммунального хозяйства, шефствующие организации. В Березовском районе Брестской области бесплатно выделяется транспорт для подвоза пенсионеров в медицинские учреждения, им оказывается помощь техникой, удобрениями, при обработке приусадебных участков. В Славгородском районе райисполкомом в 2003 г. оказана единовременная денежная помощь 172 нуждающимся гражданам на сумму 15 млн. 636 тыс. руб. Таким образом, создана и успешно функционирует многоуровневая система социальной помощи.

По мере роста ВВП, материального благосостояния народа все более важное значение в осуществлении государством социальной политики приобретает фун-

кция развития. Осуществление этой функции связано прежде всего с возрастающей ролью государства в обеспечении производства социально значимых благ в отраслях нематериальной сферы — здравоохранении, образовании, культуре. Производимая в этих отраслях продукция представляет собой инвестиции в человеческий капитал. Бюджетные и внебюджетные вложения в здравоохранение носят преимущественно инфраструктурный характер, так как создают условия участия работников в производственном процессе.. Инвестиции в образование наряду с инфраструктурными последствиями дают и прямую экономическую отдачу, так как повышая интеллектуальный и профессиональный уровень потенциальных и действующих работников, обеспечивают более высокое качество трудовых операций и высокую производительность труда. Инвестиции в культуру создают условия для социально-духовного развития индивидов и групп, расширяя возможности их самореализации и обеспечивая более высокое качество социального воспроизводства.

Стратегической целью государственной социальной политики в области улучшения здоровья народа является создание и эффективное функционирование социального механизма поддержки и развития здорового образа жизни, становления высокого спроса на личное здоровье, формирование возможностей для его удовлетворения. Следует учитывать, что состояние здоровья человека, по данным Всемирной организации здравоохранения, зависит от уровня медицинского обслуживания на 8—10%, а от образа жизни человека в пять—шесть раз больше — на 49—53%. Поэтому важнейшее значение имеет формирование системы государственных приоритетов, позволяющей создать эффективно действующий механизм пропаганды, поддержки и развития здорового образа жизни населения. Наряду с этим существенное значение имеет улучшение физического, психологического и социального благополучия человека. Необходим правовой и экономический механизм создания благоприятных социальных условий для реализации стремления наших сограждан к позитивным изменениям в образе жизни, к его оздоровлению.

Практическая реализация этих задач социальной политики связана с принятием следующих мер:

1) улучшение качества питания населения, достаточное обеспечение наиболее ценными продуктами;

2) приоритетное финансирование государственных программ, направленных на укрепление здоровья населения;

3) создание условий для массовых занятий физической культурой и спортом в каждом населенном пункте;

4) проведение мероприятий по искоренению вредных привычек: курения, пьянства, распространения и потребления наркотиков;

5) усиление охраны и улучшение качества окружающей среды;

6) укрепление технического и кадрового потенциала всех уровней и звеньев системы здравоохранения для обеспечения каждого гражданина доступной и качественной медико-санитарной помощью;

7) четкое определение уровня государственных гарантий в области здравоохранения на основе государственных социальных стандартов.

Важное значение приобретает адаптация *системы образования* в Беларусь к мировым стандартам при непременном сохранении и развитии всего лучшего,

чем обладала советская школа, не поддаваясь на модные нововведения и бездумные заимствования, исходить из интересов собственного народа. Для достижения этой цели в 2006—2010 гг. в Беларуси предстоит решить следующие задачи:

— повышение интеллектуального и культурного потенциала населения на основе совершенствования и оптимизации национальной системы образования;

— создание условий удовлетворения потребностей граждан в получении образования, приобретении ими глубоких и всесторонних знаний, гармоничного развития личности и творческих способностей человека;

— последовательное обновление содержания общего среднего и профессионального образования как процесса конструирования мира духовных ценностей и социальных ориентаций, выходящих за пределы обыденного сознания и возводящих становление личности на уровень современного духовного развития;

— трансформация образовательно-воспитательного процесса во всех типах учебных заведений, ориентированная на выработку у учащихся и студентов навыков самостоятельного поиска знаний в различных источниках — научных, литературных, в компьютерных системах, включая Интернет;

— обеспечение непрерывного образования, создающего благоприятные условия и возможности для полного развития способностей человека в любой сфере его жизнедеятельности, для совершенствования повседневного образа жизни.

Важнейшую роль играет обогащение духовно-нравственных ценностей общества, развитие культуры как основы самобытности народа. В области культуры многое зависит от эффективности социальной политики государства. Ее стратегической целью является обогащение и эффективное использование культурного потенциала страны, обеспечение преемственности в развитии белорусской культуры наряду с поддержкой культурных инноваций. Для достижения этой цели решаются следующие задачи:

— обеспечение доступности культурных ценностей для всех слоев населения;

— создание благоприятных условий для свободного развития культур всех социальных и этнических групп, проживающих в стране;

— интеграция белорусской культуры в систему мирового социокультурного развития в качестве его равноправного и активно действующего участника;

— развитие всех средств социокультурного общения и взаимодействия между людьми: ритуально-символических и речевых, письменной и образной, аудио- и визуальной информации, эмоционально-смысловых средств, воплощаемых в пластических образах художественной литературы, музыки, архитектуры, театрально-го творчества, кинематографа, живописи и ваяния, их органического включения в общий культурно-исторический контекст воспроизведения и развития человеческих общностей;

— усиление роли деятелей и учреждений культуры в решении социально-экономических задач, формировании духовно богатой, социально активной и граждански ответственной личности.

Таковы основные направления и сущностные особенности государственной социальной политики, ее формирующего воздействия на развитие, обогащение и облагораживание образа жизни людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абалкин Л. И. Роль государства в становлении и регулировании рыночной экономики // Абалкин Л. И. Избранные труды в 4-х томах. Т. IV. М. 2000.
2. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. М., 2002.
3. Бабосов Е. М. Концептуальные основы становления эффективного государства // Между прошлым и будущим. Мин., 2000.
4. Бабосов Е. М. Стратегическое управление — системообразующий элемент постклассической управленческой парадигмы // Руководитель на рубеже XXI века. Мин., 1999.
5. Бабосов Е. М. Социальные технологии стратегического управления // Экономика и управление. Мин., 2005, №4.
6. Дейнека О. С. Экономико-психологические последствия политики переходного периода // Общество и политика. СПб. 2000.
7. Заславская Т. И. Социальная трансформация российского общества. М., 2002.
8. Ларионова И. И. Государственное воздействие на экономику в связи с развитием ФПГ // Мезоэкономика. М., 2001.
9. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020. Мин., 2004.
10. Николаевская В. В. Национальная комплексная модель системы социальной защиты: организационная структура и источники финансирования // Белорусская экономика: анализ, прогноз, регулирование. 2004. №9.
11. Новосельский В. Общественное сознание и экономическая политика // Экономист. 2005. №1.
12. Самуэльсон П., Нордхаус В. Экономика. 16-е изд. М., 2000. Ч. IV. Роль государства в экономике.
13. Устремленность в будущее. Беларусь. 1995—2005. Статистический сборник. Мин., 2006.

Штефан СУРМАНЕК

Условия развития и характер демократической консолидации в Словакии

Целью статьи является анализ важнейших факторов демократизации в Словакии в переходный период и на этапе консолидации общественной системы. Конкретные условия трансформации словацкого общества предопределили характер и результаты процессов социально-политической стабилизации в стране.

Политические предпосылки демократизации

Среди необходимых условий демократической трансформации общества, совершенствования его гражданского характера надо назвать прежде всего формирование *политического минимума демократии*, без чего невозможны *процессы либерализации* общественных структур, создающие качественно новую политическую среду осуществления власти и повседневной жизни людей.

По мнению И. Свитака, к числу самых важных политических предпосылок демократизации относится «реализация основных гражданских и человеческих прав, равновесие ветвей власти (включая функционирующий парламентаризм), а также всеобщее, прямое, тайное и альтернативное избирательное право» [1, с. 33]. К необходимому политическому минимуму надо добавить следующие требования: уважение прав оппозиции, плюралистический характер политсистемы, демократизацию государственной власти, ряд других принципов и механизмов организации и управления общественными делами.

Трансформация словацкого общества вела к установлению системы парламентской, представительной демократии, характеризующейся относительно высокой степенью формальности, ограниченности и несовершенства, то есть определённого «отчуждения» сущности, направления и целей развития общественных, в том числе политических структур. Одним из типичных проявлений и одновременно подтверждением этой тенденции является снижающееся участие граждан в выборах, референдумах, подписании петиций и других акциях, организаторами которых являются разнообразные группы — политические и неполитические. Для доказательства можно привести некоторые результаты участия в голосовании в Словакии

кии: парламентские выборы 1998 г. — 84,2%, 2002 г. — 70,06%, выборы президента 2004 г. — 47,94%, выборы в Европарламент 2004 г. — 16,96%, местные региональные выборы 2005 г. — 18%.

Снижающееся количество избирателей, а также небольшой интерес жителей страны к вопросам практической реализации принципов облечения полномочиями и представительства ослабляет и ставит под сомнение легитимность представительных органов власти, политических партий и политической элиты государства. Первоначальная идея гражданского участия в управлении и организации общественных дел через избранных и уполномоченных политических представителей и посредников, то есть функционирующая система представительной демократии, обогащенная некоторыми элементами и механизмами её прямого осуществления, была постепенно, шаг за шагом и при помощи и активном содействии политических субъектов вытеснена на периферию общественного интереса, в итоге потеряв былое значение. Соответственно укреплялось и усиливалось положение и влияние политических партий, движений и их лидеров, значение которых превзошло границы возможного и допустимого, в результате чего они стали единственными представителями политической власти в государстве и её исключительными распорядителями.

Сегодня важные вопросы развития общества решают исключительно представители тех партий, которые участвуют в осуществлении государственной власти (так называемый коалиционный совет, политические объединения правящих партий и т.д.).

Можно предположить, что в политической системе Словакии проявляется очень опасная для демократии тенденция развития и укрепления признаков *партиократии*. Подтверждением тому мысль известного словацкого политолога М. Кузы: «То, что у нас создалось — это партиократия, власть партий, а не общенародная демократия» [2, с. 3]. Рост власти и влияния политических партий, по мнению Р. Штефанчика ведёт к тому, что вся политическая система больна и непрерывно обнаруживает черты нестабильности [3, с. 14]. Это систематически проявляется в обострении противоречий и напряжениях между политическими руководителями, правительственными и оппозиционными силами, государственными и негосударственными субъектами и т.п., что ведет к политическим и правительенным кризисам.

Одним из последних проявлений этой тенденции является правительственный кризис, возникший в феврале 2006 г., завершившийся объявлением досрочных парламентских выборов.

В настоящее время для Словакии важно усиление гражданского измерения общества, создание пространства для реализации гражданских инициатив, укрепление положения и влияния негосударственных организаций, что закономерно ведёт, с одной стороны, к ограничению власти и влияния политических партий и их представителей, с другой — к укреплению гражданского характера демократии. Последнее является сферой деятельности целого ряда общественных организаций и организаций по интересам. Они выступят как противовес и одновременно как партнёр государственной власти, организатор общественной жизни, защитник интересов общества и, наконец, как «сторожевой пёс» демократии.

Экономические предпосылки обеспечения процесса демократизации

Общественная система с достаточно развитым социальным обеспечением и широким осуществлением экономических, социальных и культурных прав населения предполагает эффективное хозяйство, предоставляющее достаточные материальные ресурсы дальнейшей демократизации. Предшествующее общественное развитие и его современное состояние подтверждают, что для государств с производительной экономикой характерна относительно высокая степень социальной справедливости, развитое социальное государство, возрастающие темпы демократизации и реализация принципов демократии во всех сферах общественной жизни. Одним из важнейших условий зрелой и производительной хозяйственной системы является последовательное применение принципов и механизмов *рыночной экономики, плюралистический характер её организации и руководства, подразумевающий свободное развитие экономических отношений, равноправное положение и защиту отдельных форм собственности*. По мнению Р. А. Дала, «хорошо функционирующее общество требует, по крайней мере, три вещи: политическое равноправие, политическую свободу и экономическую свободу» [4, с. 196].

Значение эффективной рыночной экономики для дальнейшего развития и улучшения жизни граждан, а также для завершения перехода к демократии сегодня не отвергают представители социал-демократических, социалистических и даже коммунистических партий и движений, которые раньше явно отрицательно относились к капиталистической хозяйственной системе. Дальше всего по пути «защиты» рыночного хозяйства, оставаясь в рамках социалистических представлений, ушли представители концепции «третьего пути». В Словакии это партия «Smer» и ее представитель Р. Фицо, который высказывает следующим образом: «Или вы будете считать, что сейчас успешна только та экономика, которая основана на рыночных принципах, или государство никогда не будет способно приобрести достаточно финансовых средств на осуществление социальных программ. С другой стороны, мы признаем роль государства и отрицаем разного рода теории о чудодейственной руке рынка или о излишней роли государства» [5, с. 4].

Соблюдение *равновесия* между рынком и государственным вмешательством — одна из важнейших потребностей как экономического, так и социально-политического развития Словакии. Недооценка значения и задач государственной организации при обеспечении социального измерения реформ, соблюдении их социальных гарантий не могла не отразиться на снижении жизненного уровня большой части населения, забвении общих интересов, повышении социального напряжения и росте негативных явлений во многих сферах общественной жизни. Свободный рынок оказался *не в силах* выступить в качестве лекарства и универсального средства решения всех проблем и устранения недостатков современного общества. Сам по себе он может стать *только дополняющим* механизмом, который нужно использовать очень осторожно и только в случае, если это обеспечит необходимое равновесие сил рынка и государства, индивидуального и колективного, всеобщего и частного, чтобы сохранить социальный и солидарный характер демократии.

Анализируя ход, последствия и оценки осуществляющихся экономических реформ в Словакии, нужно подчеркнуть их *противоречивый* характер. С одной стороны, правительственные круги, их отечественные и зарубежные сторонники непрерывно подчеркивают успехи и блестящие хозяйствственные показатели, среди которых: стабильная крона, рост ВВП, исключительные макроэкономические показатели, позитивные оценки международных финансовых и экономических институтов, огромный интерес зарубежных инвесторов и т.д. С другой стороны, в нашем обществе наблюдается непрерывный рост бедности, высокая безработица, пауперизация целых групп населения, к которым нужно отнести в прошлом относительно благополучный средний класс, породивший социальную группу «новых бедных», или «трудящихся бедных». Поскольку многочисленные слои населения оказываются в тяжелой жизненной ситуации, это отражается на росте недоверия граждан к новой демократической системе, к содержанию и темпам изменений, которые произошли после 1989 г. Доказательством тому — результаты изучения общественного мнения, которые показывают, что около половины респондентов, с одной стороны, позитивно относится к предшествующей системе реального социализма, с другой, опасается негативных последствий социально-политических и экономических реформ на их материальном уровне и перспективах положения в обществе.

Последовательная реализация либеральных политических инструментов и механизмов, характерных для правления правоцентристской коалиции, ведёт к снижению влияния и роли в процессах демократизации среднего класса. Что ещё более важно — к социальной апатии и потере веры в будущее среди молодёжи. Молодое поколение решает этот вопрос массовым выездом из страны в поисках лучшего и более перспективного применения своих сил. «Утечка мозгов», характерная для развивающихся стран, в условиях Словакии стала реальностью, ослабляющей возможности функционирования гражданского общества. Согласно последним статистическим данным, 38% выпускников университетов покидают нашу страну сразу после окончания учёбы. Еще 12% поступают так в течение одного года после окончания университета. В результате уже сейчас ощутим недостаток специалистов во многих отраслях экономики и регионах страны. Теряется одно из существовавших преимуществ — относительно высокий образовательный уровень населения, а также неоспоримые показатели технического мастерства и профессиональной квалификации.

Надо смириться с действительностью, что каждая реформа или трансформация имеет своих «победителей» и «побеждённых». Но трудно примирится, что последних оказывается гораздо больше. Эффекты макроэкономических успехов трансформации сконцентрировались на верхних этажах общества [6, с. 2], что стало результатом безответственного применения «политики реформ во что бы то ни стало».

Подобного рода социальные эксперименты, осуществляемые политиками, трудно понять, поскольку большинство населения Словакии хорошо помнит негативные последствия деятельности «социальных инженеров» в предшествующий период реального социализма.

Законодательные предпосылки демократизации общественных отношений

Необходимой предпосылкой демократизации является рационально сформулированная, потребностями и целями демократии определённая *система правовых норм*, гарантирующая признание и соблюдение основных принципов демократического конституционализма и *правового государства*.

Важным условием функционирования демократического правового государства является характер и мотивы создания законов, предписаний и постановлений. Содержание их должно заведомо исключать стремление отдельных лиц и групп населения использовать демократию в собственных корыстных целях. В связи с этим надо упомянуть о содержании и способе осуществления процесса приватизации в Словакии. В конечном счете, трудно говорить в данном случае о приватизации. В действительности это был политическими и партийными интересами мотивированный перевод государственного имущества (предприятий, гостиниц, банков, магазинов и множества других объектов) в собственность заранее определенных лиц, которые взяли на себя обязательство оказывать материальную и финансовую помощь своим партийным и политическим доброжелателям. Сравнительно часто новообразованными отечественными капиталистами через подставных лиц или членов семьи становились сами представители государственной власти. Соединение и взаимопереплетение политической и экономической мощи закономерно вело к распространению коррупции, протекционизма, злоупотреблению партийными и государственными должностями, нелегальному обогащению, разворовыванию предприятий и т. д. Такого рода приватизация сопровождалась углублением социального и экономического неравенства и ростом социальной несправедливости, не говоря о многомиллирдных потерях для государственной казны.

Одним из главных условий функционирования правового государства является законодательно гарантированное и на практике осуществляемое *равенство перед законом*, когда всем предоставляются одинаковые возможности. К сожалению, в условиях Словакии практическая реализация этого принципа оказывается весьма проблематичной из-за распространения коррупции и клиентелизма.

Следующим важным принципом, укрепляющим доверие людей к демократической системе и правовому государству, является *принцип всеобщей доступности права*, предоставляющий всем субъектам гарантии реализации их прав и интересов перед независимыми и беспристрастными органами судебной власти. Одной из главных причин нарушения этого принципа в нашем государстве являются задержки в судопроизводстве, из-за которых невозможно добиться своих прав и судебных решений в приемлемые и законами определённые сроки. Неслучайно, что большинство обращений и жалоб граждан Словакии, поступающих в Конституционный суд и Европейский суд по правам человека, касается проблем судебных задержек и слабой доступности права. Причина этого положения кроется не только в большем объеме судебных заявлений и споров, как это объясняют представители правосудия. Ведь, например, в Германии количество судей относительно численности населения меньше, чем в Словакии, но процесс принятия судебного решения

там примерно в четыре раза короче. Объяснения надо искать в личных и профессиональных качествах служащих в сфере судопроизводства и внутренних дел, в несовершенных и малоэффективных правовых предписаниях, наконец, в злоупотреблении принципом независимости судьей. Кроме того, ограниченные финансовые возможности населения в значительной степени лимитируют получение правовой помощи и защиту своих прав перед органами судебной власти, что является одним из проявлений неравенства в положении граждан. Имеются в виду многочисленные бедные слои населения: малообеспеченные и неадаптированные люди, безработные, граждане, получающие социальные пособия, молодые семьи, служащие с низкими заработками и т. п.

Сопоставляя словацкую действительность с принципами правового государства, оправданно говорить о функционировании *несовершенного или ограниченного правового государства*, служащего прежде всего богатым слоям населения.

Развитие самоуправления как предпосылка создания гражданского общества

Процессы демократизации в большой степени зависят от уровня *децентрализации государственного управления*, переноса определённого объема компетенций органов государственной власти на нижестоящие самоуправляемые структуры. Децентрализация власти, осуществляемая посредством реформы государственного управления, ведет к росту доли регионов, самоуправляемых органов и негосударственных институтов в принятии решений. В ходе демократизации словацкого общества уже было перенесено более 400 компетенций из сферы государственного управления в сферу самоуправления на местах.

Сам процесс децентрализации состоит из нескольких этапов. Первым из них является *процесс передачи части компетенций* самоуправляемым организациям и учреждениям, что со стороны госаппарата и политических субъектов вызвало большое сопротивление и породило множество проблем. Значительное количество компетенций в относительно короткое время перешли к самоуправляемым органам, которые в кадровом и профессиональном отношении, как и в экономическом, оказались неспособными в полной мере осуществлять новые функции. Реализация их оказалась явно недостаточной, нередко скорее формальной, за что граждане расплатились ограничением возможностей и снижением качества услуг, предоставляемых самоуправляемыми организациями.

Следующим недостатком реформы общественного управления в условиях Словакии было запаздывание начала *второго этапа реформы*, или *финансовой децентрализации*, целью которой было обеспечение компетенций достаточным объемом финансовых средств. С начала января 2005 г. на основе соответствующего закона 70,3% поступлений налога от доходов физических лиц переданы на места. Учитывая рост цен на энергию и расходы по обеспечению содержания населённых пунктов, а также существование многочисленного административного аппарата и малоэффективное хозяйствование, расширение компетенции органов власти на местах, даже несмотря на растущий объем финансовых средств, повлечет их де-

фицит. В ряде населённых пунктов граждане вновь встают перед необходимостью повышения, иногда очень существенного, оплаты, например, вывоза коммунальных отходов, проездных билетов, роста налогов на недвижимость и т. п. Это противоречит официальным заявлениям о позитивных последствиях реформы общественно-го управления, усиления его эффективности и рентабельности.

Достижению этих целей могла бы способствовать реализация *третьего, заключительного этапа реформы общественного управления*, так называемой *коммунальной реформы*. Ее основные принципы были сформулированы в документе под названием «Проект децентрализации на период 2003 – 2004 гг.». В нем, в частности, говорится о необходимости укрупнения управляемых единиц. «Учитывая раздробленность структуры расселения, необходимо разными путями осуществлять процесс объединения населённых пунктов» [7, с. 14]. Действительно, в Словакии 2891 населённых пунктов, в 69% которых менее 1000 жителей, в 528 — даже менее 250 жителей, что представляет наряду с Чешской республикой и Францией специфический случай расселения. В этой ситуации неизбежен рост расходов на управление и исполнение основных функций, который отразится на возможностях дальнейшего развития отдельных поселений. Перспектива тесного сотрудничества и даже объединения может, однако, не встречать поддержки со стороны многих руководителей местных органов власти, которые нередко преследуют свои личные и групповые интересы.

Начинающаяся коммунальная реформа является одновременно и реформой политической, поскольку представляет собой существенное вмешательство в территориальное управление на местном уровне. Она стимулирует расширение сотрудничества между гражданами, объединяющими свои средства на решение ряда общих задач. Уже сегодня все больше говориться о необходимости образовать союзы городов и населённых пунктов, деятельность которых рассматривается в контексте долгосрочных процессов децентрализации и демократизации общественных структур.

Культурные предпосылки демократизации

Необходимым условием достижения поставленных общественных целей является соответствующая социально-политическая и *культурная атмосфера*, то есть сознание и поведение людей, участвующих в формировании гражданского общества. Составной частью в широком смысле культурного уровня людей служит *политическая культура*, отражающая позиции людей, их систему ценностей, знания и убеждения.

Говоря о распространении негативных и для развития демократии опасных явлений, мы имеем ввиду прежде всего *коррупцию*, точнее, одно из её проявлений — *политический клиентелизм*, а также злоупотребления *государственной социальной помощью* многочисленными группами населения.

Разного рода и направленности клиентизм тесно связан с миром организованной преступности, который, расширяя свои возможности и минимизируя риски разоблачения, позволяет развивать коррупцию в ещё большем объеме. Заместитель

президента полицейского управления Словакии Й. Спишиак говорит об организованной преступности, связанной с официальными структурами — высокими государственными чиновниками и представителями политической элиты. Источником прибыли коррупционно-клиентистской деятельности является «... отток денежных средств из государственного бюджета, разграбление государственных предприятий, тендера, приватизация» [8, с. 12] и другие, известные всем действия, подрывающие экономические, политические, социальные, правовые и гражданские основы общества. В условиях появления институционализированной формы коррупции оправданны опасения по поводу развития в Словакии системы криминократии.

Неэффективный способ государственной социальной помощи ведет к ее масштабному и неоправданному использованию со стороны отдельных лиц и целых социальных групп населения. Формируется социальный паразитизм как способ и стиль жизни довольно значительной части населения, целенаправленно и систематически использующей щедрую государственную помощь. Речь идет в первую очередь о группах добровольных безработных, криминальных и антиобщественных элементах, бездомных и в случае Словакии — значительной части цыган, поведение которых создает угрозу стабилизации демократического порядка в стране.

Главные причины нарастания данного явления нужно искать в действующем законодательстве, позволяющем, во многих случаях даже мотивирующем злоупотребление существующей системой социальной помощи, а также в политике «положительной дискриминации» социально неадаптированной части народа населения, для которой социальные преференции стали главным, во многих случаях и единственным источником существования. В результате государство и общество лишаются возможности предоставлять помощь тем, кто в ней действительно нуждается, происходит ослабление всей системы социального обеспечения. Это сказывается на общем состоянии и устойчивости отдельных сфер общественной жизни, перспективах развития политической системы. Без последовательного решения этих проблем невозможно формирование демократической политической культуры, гражданского общества и завершение демократической стабилизации словацкого общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sviták I. Kulatý čtverec (dialektika demokratizace). Praha: Naše vojsko, 1990.
2. Kusý M. Stále tu máme vládu strán // SME. Roč. 12. č. 265. 16.11.2004.
3. Štefančík R. Potrebujeme reformu politického systému // SME. Roč. 12. č. 254. 3.11.2004.
4. Svensson P. Teorie demokracie. Brno: CDK, 1995.
5. Fico R. Slovo. Roč. 6. č. 35. 25. 8. — 31.8. 2004.
6. Žanony R. Rok prelomu // Slovo. Roč. 6. č. 52 — 53. 22.12. — 4.1.2005.
7. Nižňanský V. Prečo treba urobiť okrem decentralizácie i komunálnu reformu // SME. Roč. 12. č. 245. 22.10.2004.
8. Spišiak J. Krajina pod druhým prúdom // SME. Roč. 12. č. 180. 5.8.2004.

Клаус МЮЛЛЕР

Глобализация и демократия: прогресс и парадоксы

Глобализация и демократия, два всеобъемлющих и амбициозных концепта, обычно используются для характеристики секулярных процессов, разворачивающихся на протяжении длительных периодов времени, возможно, нескольких столетий, но только совсем недавно в полной мере реализовавшихся. Сегодня, как говорят, мы живем в условиях глобализации, которая ощущается практически во всем. Конечно, в сфере экономики, где глобализация связана с либерализацией рынков капиталов с конца 1970-х годов, но также и в повседневной жизни, от музыки до туризма и моды, везде она присутствует. Даже еще более впечатляющие перемены заметны в политической сфере: сегодня больше, чем когда-либо раньше, стран классифицируются как выборные демократии. Общемировая диффузия демократии привела к «веку крайностей», который был омрачен нацизмом, коммунизмом и разного рода диктаторскими режимами третьего мира. В последние два десятилетия небосклон прояснился, и открылась перспектива прихода «Века Демократии» [18, 37]. Поскольку глобализация и демократия заполнили собой СМИ, политику и дискурс общественных наук, поскольку оба процесса переплелись и почти совпали, возникло широко распространенное впечатление, что нам более или менее известен смысл обоих процессов и характер их взаимодействия.

К сожалению, это не так. Отношение между глобализацией и демократией остается весьма амбивалентным и явно спорным. В широком контексте можно говорить о двух противоположных лагерях. Либералистская школа объясняет триумф демократии экономическим ростом и «процветанием». Если глобализация — это «распространение благосостояния», как предполагают Д. Доллар и А. Краай из Всемирного банка, то она идет рука об руку со свободой, появлением мирового среднего класса и демократических институтций [20]. Если же, с другой стороны, прав Б. Миланович, другой экономист Всемирного банка, то глобализация усиливает неравенство на национальном, региональном и глобальном уровнях [41, р. 149]. В этих условиях глобализация может привести к глобальной нестабильности, противодействию свободной торговле, замедлению экономического роста и правому национализму; экспорт западного капитализма свободного рынка в остальной мир рискует спровоцировать всплески насилия со стороны обедневших слоев против доминирующих на рынке меньшинств, особенно если это очевидные аутсайдеры

или этнические группы [9]. Все это сужает перспективы демократизации, чего опасаются социологи, как например Р. Дарендорф.

Данное противоречие обнаруживает — независимо от того, какая сторона окажется права, — что будущее демократии становится главным критерием глобализации и точкой отсчета в оценке ее содержания. Как же тогда, возникает вопрос, возможно существование среди специалистов по социальным наукам столь противоречивых мнений о будущем демократии?

Я предлагаю рассмотреть этот вопрос в три этапа. Во-первых, я представлю общепринятое понятие глобализации. Мой диагноз будет критическим и кратким: многое в литературе о глобализации теоретически наивно и эмпирически ошибочно — особенно видение безграничной коммуникации, ликвидирующей, как говорят, территориальную основу политического доминирования. Во-вторых, я дам беглый обзор современной истории демократизации, поскольку — как и глобализация — демократизация возникала историческими волнами. Последние десятилетия обычно связывают с «Третьей Волной Демократии» С. Хантингтона, начавшейся в середине 1970-х годов и сомкнувшейся в конце 1980-х с либерализацией рынков [31]. Так что можно допустить «избирательное родство» между экономической и политической либерализацией. Но: корреляция — это не причинная связь. В третьей и заключительной части я возвращаюсь к дебату о будущем демократии в глобальных условиях, затрагивая некоторые далекоидущие вопросы: Действительно ли демократия распространяется по земному шару? Есть ли возможность расширения ее сферы: до постнационального пространства, до глобального гражданского общества или даже до глобальной демократии? Задавая эти вопросы, надо помнить, что в силу своей долгой истории концепт демократии сам претерпел несколько трансформаций. Если мы живем во время, когда глобализация и демократизация совмещаются, вполне возможно, что демократия вновь изменяет свой смысл. Может ли это означать, что демократия подвержена опасности сведения ее до принятия решений, смоделированных на рынке?

I. Глобализация — концепты и иллюзии

(1) Принятые концепты глобализации, известные в литературе, обычно обращены к исчезающим границам, сжатию времени и пространства, свободному перетоку капиталов, идей и людей. В соответствии с такой точкой зрения мы испытываем де-территориализацию политики, экономики и также общества. Глобализация, согласно определению Д. Гелда и его коллег, это «процесс (или совокупность процессов), который включает трансформацию пространственной организации общественных отношений и сделок — оцениваемых в категориях их экстенсивности, интенсивности, скорости и влияния, — генерируя трансконтинентальные или внутрирегиональные потоки и сети деятельности, взаимодействия и исполнения власти» [29, р. 16]. Все это довольно абстрактные понятия, — и они должны быть абстрактными, — поскольку общепринятые концепты общественной науки, как говорят, утратили силу. Национальные экономики растворились в глобализированных рынках, национальные государства теряют способность повышать налоги и

обеспечивать общественную безопасность на том же уровне, что в прежние времена. Национальные культуры уступают место мультикультурным столкновениям и гибридным идентичностям. Поэтому многие глобалисты думают, что мы уже живем в новую эпоху с характерными для нее постсувереными государствами, существующими в постнациональных условиях. Поэтому формальный язык многих теорий глобализации может интерпретироваться как акт прощения с добной старой современностью — или вновь цитируя Д. Гелда: «Как идея модернизации приобрела интеллектуальное первенство в общественных науках в 1960-е годы, так сегодня идея глобализации стала лейтмотивом нашего времени» [30, р. 1].

В чем заключены движущие силы этого развития? Первый тренд обычно ассоциируется с глобализацией в коммуникации. Новые спутниковые антенны, Интернет, СМИ, считается, благоприятствуют экспонентному росту обмена идеями, информацией и стилями жизни. Это породило целую новую инфраструктуру коммуникаций, открывая возможность интеракции на большие расстояния в реальном времени. Зависит от коммуникации и вторая движущая сила глобализации — свободное перетекание капитала по всему миру. Сегодня количество денег на «краткосрочные финансовые обратные поездки» (Д. Тобин) далеко превосходит совокупные ресурсы всех центральных банков. Связанный с этим третий тренд — появление новых мощных акторов в виде транснациональных корпораций, которые имеют в своем распоряжении ресурсы большие, чем государства среднего размера.

Во всех этих контекстах коммуникация как центральный концепт теории социальной науки в последние десятилетия стала ключевой метафорой эпохи глобализма. И отсюда — прямая связь к демократизации. Не только, согласно А. Гидденсу, телевидение сыграло решающую роль в падении Берлинской стены и, шире, в падении коммунизма. Оно также способствовало распространению влияния антиавторитарного движения в Южной Африке и других частях мира [24, Lecture I]. Складывается впечатление, что глобализация не просто новое явление, а приходит в виде революции. Поскольку коммуникация в период всемирной паутины безгранична, глобальные рынки капитала неподконтрольны какому-то одному государству, а глобализация опирается на наиболее передовые технологии, она представляется необретимой.

(2) Очевидно позитивно по смыслу, но и опасно наивно представление, что мы живем в условиях демократического мира, когда демократические государства перестали быть врагами и авторитарные режимы показывают всем по телевизору. Но важно понять, почему этот подход ошибочен — в категориях глобализации, как и в категориях демократии.

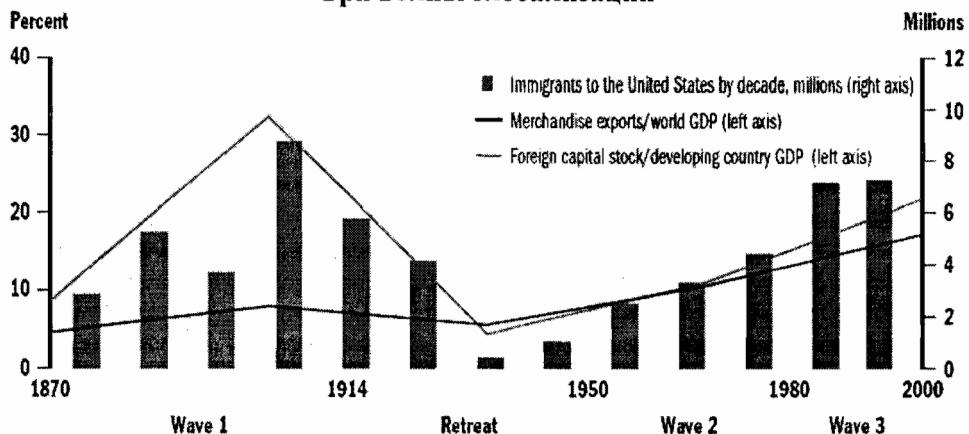
Что касается глобализации — несмотря на все разговоры о революции в коммуникациях и глобальных рынках капиталов — оба процесса не новые. Согласно широко распространенному ныне взгляду, существовали и более ранние волны глобализации, как и периоды экспансии рынков и общемировой политической активности: колониализм, «золотой век либерализма», или точнее — империализм и эпоха холодной войны, когда весь мир объединился перед угрозой взаимно гарантированного ядерного разрушения. Возникли значительные общественные движения. Европейские страны, которые сейчас пытаются осознать себя как общества иммиграционные, в прошлом характеризовались как эмиграционные. Фактически

эмigration в колонии поселенцев в Северную Америку, Австралию и Новую Зеландию посеяла семена демократии за пределами ареала ее происхождения в странах европейского северо-запада.

В совокупности три основных проявления глобализации — торговлю, потоки капиталов и миграцию (через показатели иммиграции в США), — можно представить в виде трех волн глобализации (см. рис. 1).

Три волны глобализации

Рисунок 1

Источник: 51, р. 23.

Два вывода можно сделать на основе представленной диаграммы. Во-первых, прежние глобализации были обратимыми, во всяком случае, в ценовом выражении. «Золотой век либерализма» потерпел крах в результате торговой войны, Великой Депрессии и появления экономического национализма. В Германии он проложил путь к нацизму и второй мировой войне. Во-вторых, сами по себе технологии не играли решающей роли. Стоимость фрахта судов, воздушного транспорта и телекоммуникаций фактически упала в 1920—1940 гг. независимо от различий в объеме торговли или инвестиций в зарубежные страны. В середине прошлого столетия мировой экспорт вновь снизился до уровня 1870 г., отступление к национализму сопровождалось ростом неравенства между странами и регионами мира. Короче говоря: Если ранее уже были повороты, значит, и в будущем откат глобализации также возможен [32]. Некоторые экономисты опасаются, что провал последнего раунда торговых переговоров может привести к торговой двусторонности, возможно более предпочтительной для США. Торговая война между США и Китаем вполне реальна. Никто точно не знает, что стоит за глобальным дисбалансом, обозначенным дефицитом США, и каковы будут обстоятельства стремительного падения Доллара.

И третий мой тезис. Если проанализировать географию благополучия, мы не обнаружим «распространения богатства», как предполагают Доллар и Крайт. Что бросается в глаза, так это высоко концентрированное распределение доходов и прямых иностранных инвестиций по регионам. «Глобализация» — процесс крайне неуравновешенный, который стал предметом исследований «новой экономической географии», отчетливо оперирующей пространственно-временными категориями [19].

Однако признание существования более ранних эпизодов глобализации не означает, что нет ничего нового под луной. Как раз наоборот, история предшествующих волн глобализации дает основание для более ясного видения новых характерных черт нашего времени. И эти новые свойства можно обнаружить на политической сцене — в появлении Международных Организаций с глобальным мандатом и в том, что нынешняя волна глобализации поднялась в условиях демократизации. Это вторая новая черта происходящей сейчас глобализации подводит меня ко второй узловой проблеме, рассматриваемой в статье, — глобализации самой демократии.

II. Нерешенные проблемы глобальной демократии: расширение — углубление — возвышение

По сравнению с концептом глобализации концепт демократии представляет-
ся менее противоречивым. Существует продолжительная традиция теорий демократии, есть ряд хорошо укорененных дефиниций этого концепта и, в нормативных категориях, демократия как принцип правления кажется уже бесспорной. Но, как указывалось выше, демократия также приходила историческими волнами, со спадами и отступлениями. Поэтому значение демократии претерпело несколько трансформаций, изменило свое содержание, как и распространенность. В настоящее время мы переживаем период, когда вызовы демократии идут с трех сторон — каждый имеет отношение к глобализации, но смысл их различен. Глобализация демократии может означать совсем разные вещи: ее *расширение*, *углубление* или *возвышение*. Рассматривая эти измерения в совокупности, мы видим не только прогресс, но и некоторые парадоксы.

(1) *Расширение* представляется наименее противоречивым аспектом. По сути, большинство работ, вышедших после 1990 г., обязательно содержат количественный анализ демократии, оперируя различными шкалами и корреляциями, и посвящены диффузии демократии во все новые и новые страны. С этой точки зрения демократия с самых первых этапов ее существования была частью более широкого спектра процессов общемирового значения. Уже первая волна по схеме Хантингтона началась на двух континентах с революций во Франции и Америке, а затем продвинулась на некоторые западноевропейские страны, европейские колонии поселенцев в Австралии, Канаде и Чили вплоть до новопровозглашенных демократий в Центральной Европе после первой мировой войны. Вторая, более короткая волна достигла Западной Германии, Италии и Южной Кореи в период оккупации союзниками после 1945 г.; вместе с этой второй волной произошел общемировой процесс деколонизации, приведший к демократии Индию и Филиппины. Последний период времени обычно ассоциируется с известной «Третьей волной», прокатившейся по Южной Европе во второй половине 1970-х годов, захватив Латинскую Америку в 1980-е годы, и достигнув кульминации в восточноевропейских революциях 1989 г.

С эмпирической точки зрения эффект всемирного прогресса демократии трудно переоценить. Факты говорят сами за себя. В начале прошлого столетия всего 25 из 55 государств того времени (наряду с еще 55 государственными или колониальными образованиями и 20 протекторатами) могли быть причислены к раз-

ного рода демократиям. Со времени Третьей Волны Хантингтона это количество постоянно росло: с 39 стран в 1974 г. до 117 в 1995 г. В 2004 г. 119 из 194 государств мира управлялись избираемым руководством — т.е. хотя бы формально считались демократическими [34].

Безусловно, значительный прогресс. Сторонники этого подхода, по крайней мере, в ретроспективе, празднуют столетие демократии. «Сегодня каждый демократ», пишет А. Гидденс. В качестве наиболее общего объяснения этого поразительного результата он ссылается на глобализацию как «появление более рефлексивных популяций по всему миру», освященных «возникающим глобализированным информационным порядком», подразумевая сателлитную связь и Интернет [24]¹. К главным предпосылкам Хантингтон относит экономический рост последних десятилетий и «снежный ком», т.е. демонстрационный эффект, передающийся по телевидению от одной страны к другой. Такой выдающийся специалист по политической науке, как М. Липсет, — один из авторов *World Development Report* 1997 г. о роли государства в изменяющемся мире — даже предполагает, что Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк могли здесь сыграть позитивную роль — или в более общем виде, что «международные органы и зарубежные правительства более подходят для подтверждения плюралистических режимов» [38, р. 16]². Вновь, как в классической политической социологии, преуспевающей и информированной глобальный средний класс является проводником демократизации. И в этом очевидно также заключены политические предпосылки и объяснение появления в журнале *Foreign Affairs* уже упомянутой сверхоптимистической статьи Доллара и Края о материальных выгодах глобализации. «Распространение благосостояния» глобализированной торговли, в связи с этим создание глобального среднего класса как образцового носителя демократии заявляется в качестве базового нормативного принципа внешней политики США с 1990-х годов.

(2) С другой стороны, скептики указывают на тот факт, что глобально простираемые концепты демократии могут жертвовать некоторыми ее качествами. Следовательно, *качество демократии*, а не расширение должно быть первостепенным по важности в следующие десятилетия [43]. Причина этого скептического отношения в том, что совсем мало «Новых Демократий», где в лучшем случае есть «демократия с прилагательными» [10], а некоторые похожи лишь на «электоральные диктатуры». Так, в 1990-е годы некоторые события и процессы приводили к мысли, что, как и глобализация, демократизация может быть очень легко обратимой.

Может ли представлять реальную опасность даже третья «обратная волна», как те, что датировались 1922—1942 гг. и 1958—1975 гг.? Фактически большинство работ, посвященных гибридным режимам, рассматривают «Новые Демократии» последних полутора десятилетий. Известно много различных классификаций отдельных подтипов существующих неправильных демократий. Есть сомнительные случаи, как российская «нелиберальная демократия»: наличествует демократическая конституция и свыше сотни выборов на всех уровнях государства позволяют производить многочисленные смены руководства. С другой стороны, нет интег-

¹ Это весьма примечательное отклонение во мнении, поскольку до 1989 г. Гидденс описывал близкую связь между современной государственной властью, индустриализированным благосостоянием и усложненными техниками наблюдения, которые могли легко привести к новому тоталитаризму [23, р.295-312].

² В более широком контексте о «смене режима» и «продвижении демократии» см.: [44].

рирующей партийной системы, СМИ возвращаются под госконтроль, выборы во многих местах очевидно подтасовываются, внешние вмешательства наблюдаются в случае Украины. В Восточной Европе есть, по крайней мере, две страны, для которых фраза о переходе к демократии лишена смысла: Беларусь и Молдова. В некоторых странах, где прошли выборы, еще возможна гражданская война: Албания и Македония. Посткоммунистические страны Центральной Европы и Балтии находятся в лучшем положении, чем думалось в начале 1990-х. В этом случае намек Липсета на международного актора явно оправдан: ЕС выполнял роль внешнего якоря, препятствующего тому, чтобы большинство посткоммунистических стран дрейфовало в авторитарные воды. Тем не менее, даже в этом регионе гражданские общества слабы, партийные системы недостаточно связаны с социальными интересами, правительства в реальности непредставительны, явка на выборы низкая — только 40% на польских выборах 2005 г. С другой стороны, коррупция в «новых демократиях» Восточной Европы ощущимо выше западноевропейских показателей.

В другом регионе мира иностранные правительства или международные органы, вопреки надеждам Липсета, не оказали большой помощи в установлении политического плюрализма. Географическое соседство США не помешало Гондурасу и Никарагуа перейти на более низкие позиции в Freedom House Index. Пакистан, названный самым регressiveным в 1999 г. [33], как и консолидировавшиеся автократии Центральной Азии, стали близкими союзниками Соединенных Штатов во время «войны с террором». Война, как выяснилось в этом контексте, самая неудачная среда для продвижения демократии в других странах или для сохранения свобод у себя дома¹. Почти всегда гражданские свободы бывают первыми жертвами — патриотизму легко прощаются ограничения критицизма и оппозиции.

Суммируя эти неоднородные случаи, трудно прийти к общему знаменателю. Однако несколько обстоятельств очевидны. Первое: либеральная демократия *не стала*, как провозглашал 15 лет назад Д. Сартори, «единственной игрой в городе» [47]. Второе: минимальная дефиниция демократических рисков, что Д. Линц и А. Степан назвали «электоралистской ошибкой»: считать выборы, необходимое условие, одновременно и достаточным. Даже если нет третьей волны спада, сущность демократии во многих странах теперь выхолощена. Бывают, по Л. Даймонду, «выборы без демократии» [17]².

В контексте этого многообразного пейзажа есть ли смысл искать общую причинную взаимосвязь под названием «глобализация»? Безусловно, глобализация является крайне сложным и амбивалентным процессом, чтобы ее восхвалять — или обвинять — за все подряд. Тем не менее, в некоторых отношениях глобализация предстает скорее как часть проблемы, чем ее решение. Многие из новых демократий в 1990-е годы пытались модернизировать свои общества в соответствии с глобализированной политикой: «Вашингтонский Консенсус» — консенсус бизнес- и политических элит по поводу предполагаемых универсальных принципов экономи-

¹ По наблюдению Бейкера [4]: «возвышенная риторика часто сталкивалась с geopolитической реальностью и конкурировала с приоритетами США». О противоречиях этого подхода см.: [7].

² Несколько годами ранее Даймонд [16] уже высказывал предположение, что Третья Волна демократии может завершиться. Картерс заключает, что «парадигма перехода» также потерпела крах и на теоретическом уровне, и ставит диагноз «авторитарного отката» [6, 8]. МакФол [40] отрицает концепт «Третьей Волны» из-за того, что слишком мало «переходных стран» вступили на путь посткоммунистической диктатуры.

ческой реформы. Радикальная маркетизация была условием предоставления займов МВФ и Всемирным банком. «Заглушение государства» — компонент идеологического климата, возложившего на рынки задачу не только реструктурирования экономики, но также и реорганизации общественного строя. *Политически* — это привело к «государственной заброшенности» многих проблем, находящихся в компетенции государства, что проявилось в недостатке управляемости и главенства закона. *Экономически* — это сделало либерализированные рынки уязвимыми по отношению к новому типу финансового кризиса, передающегося по всему миру как «инфекция», что продемонстрировали российский и азиатский кризисы конца 1990-х годов. *Социологически* — возникающие неравенства часто идут рука об руку с предубеждением против политического участия социально ущемленных групп и недоверием к политическим институциям [43, р. 15]. «Порочный круг неравенства» подрывает веру в общественные институции, особенно в Латинской Америке, общества которой воспринимаются всеми как несправедливые [35].

(3) Однако, насколько релевантны эти наблюдения в *глобальном масштабе*? Если демократиям «Третьей Волны» угрожает выхолашивание в силу слабости и внешних давлений, пребывают ли в лучшем состоянии старые демократии? Это острый вопрос, учитывая, что практически все сравнительные оценки демократизации принимают 28 западных демократий за показатель уровня, а не самостоятельные проблемные случаи. Это неверно по двум причинам. Первое: лучшим критерием оценки новых демократий может быть их относительный статус *quo ante* и сравнительная ситуация в странах с похожей стадией развития. Под этим углом зрения, например, Россия, несмотря на все оправданные беспокойства, политически благополучнее, чем два десятилетия ранее [49]; она в лучшем положении, чем Китай, поздний ребенок глобализации, где никаких демократических реформ делать вообще не пытались. Второе: существует другая ветвь литературы скептического настроя о разрушительных последствиях глобализации для демократии и самих западных обществ.

Вот это может стать реальным вызовом самой сути концепта демократии. Некоторые тревожные признаки указывают на направление, противоположное «третьей трансформации», которую Р. Дал рассмотрел в своих «Эскизах развитого демократического общества» [12, Ch. 23]. Вместо этого происходит углубляющийся отход к минималистскому пониманию, которое поворачивает вспять эту историческую экспансию демократических прав, считавшуюся общепринятой со времени появления классического социологического концепта гражданственности Т. Г. Маршалла в 1949 г. [39].

Концептуальные предпосылки такого развития сложились несколько десятилетий назад, когда «Новая Политическая Экономия» создала обобщенную либералистскую концепцию индивидуального выбора в политической сфере. Если, согласно этой точке зрения, политиков считать скорее «политическими предпринимателями», добивающихся максимума голосов, когда избиратели делают свой выбор на «политическом рыночном пространстве», то фактически вся демократическая процедура может трактоваться и организовываться в виде коммерческой фирмы. То, что начиналось как сектантское ответвление политической теории, подражающее более престижной экономической дисциплине, превратилось в мейнстрим. Что еще важнее, «экономическая теория демократии» укоренилась в сознании самих дей-

твующих политиков. Так, руководители Новых Демократий часто оправдывают строгие меры, заявляя: «МВФ заставил нас так поступить», а правительства западных стран «объясняют» урезание налогов и уменьшение благосостояния ссылкой на силы глобализации.

Последствия хорошо известны. Экономическая политика подчиняется монетарной стабильности безотносительно к росту и занятости. Что касается сферы политики, принятие решений по все более широкому кругу вопросов перемещается из парламентов в так называемые экспертные комиссии. Конформизм по отношению к рыночным пристрастиям повышается настолько, что становится метакритерием принятия политических решений. Значит, если все правительства делают одно и то же во имя принципа «иного не дано», лишается всякого смысла понятие демократии, заключающейся в обсуждении альтернатив существующего положения дел. В социальном плане почти во всех старых демократиях виден U-образный рост неравенства доходов, начавшийся у ранних глобализаторов — Великобритании и США, а теперь проявившийся и во Франции и Германии [1, 3]. И отсюда — путь обратно к качеству демократии, хорошо охарактеризованной К. Мерфи: «Возрастание неравенства доходов означает возрастание неравенства власти рынка. В мире, где рынку позволено многое из того, что является нашим коллективным делом, возрастание неравенства власти рынка означает возрастание сужения демократии» [42, р. 350]. Формальные процедуры партийной политики, голосования, представительства, разделения власти, законодательства и т. д. сохраняются. На практике же демократическое участие и принятие решений парламентом становится строго ограниченным, выборы превращаются в предмет маркетинга, опросов общественного мнения и «видео-политики». Передовые общества, в таком случае, вступят в «постдемократическую» стадию развития [11].

(4) Если эти наблюдения отражают сущность зрелых демократий, как расценить подобные сдвиги? Прежде всего, надо отметить различие между реальными силами глобализации и распространенным мифом о бессилии государства. Известно множество эмпирических подтверждений существования альтернативных стратегий, отвечающих на вызовы глобальной интеграции. Сравнительное изучение динамики реформ благосостояния свидетельствует, что уровень социальной защиты, как и уровень неравенства и налогообложения, зависят больше от специфической для каждой страны политической ситуации, чем от уровня экономической либерализации [36, 46]. Как не раз отмечал Д. Родрик, успешные стратегии глобализации нуждаются в сильных интегрирующих институциях, чтобы избежать несущих разрушения социальных конфликтов и состояний политической нестабильности [45].

Тем не менее, есть и новые вызовы, которые нельзя просто преодолеть с помощью традиционных политических средств, поскольку они превосходят по мощи отдельные государства. Многие императивы глобализации, перегружающие собственно политику, фактически являются проблемами коллективных действий, требующих сотрудничества. Региональная интеграция представляет собой один из подходов, позволяющих прийти к соглашению по этим проблемам. Реально договоренности по региональной интеграции являются самым значительным трендом глобальной политики, а ЕС — самым продвинутым проектом такого рода и широко поддерживаемой ролевой моделью демократии, простирающейся за национальные границы.

И это место, где должно вступить в игру *возвышение демократии* — или на языке подхода Дала «изменение масштаба политической жизни, (который) еще раз меняет пределы и возможности демократического процесса» [12, р. 312; 26, Ch. 4]. В наиболее общих категориях речь пойдет о подъеме демократических процедур на более высокий уровень принятия решений. Существует много предложений, как поднять демократию над кругозором национального государства, много различных намерений. Некоторые подходы представляются утопическими — другие вполне реалистическими.

Обсуждение перспектив возвышения демократии в сильной мере сводится к дебатам о демократическом мандате ЕС — по нему мнения опять же разделены. Пока наиболее амбициозной попыткой движения к демократической Европе на наднациональном уровне был проект европейской конституции (июль 2003 г.). Европейская конституция, в менее строгом смысле «конституционный договор», должен был стать логическим следствием «все более тесного союза» и в то же время единственной возможностью цивилизовать необузданные силы глобализированных рынков [27]. Но, характерно, движение в направлении к демократически конституированному ЕС обычно формулируется в категориях нормативного функционализма, что легко ведет к путанице между желаемым положением дел с политическими реалиями. Реальностью пренебрег референдум во Франции, и конституционный договор, натолкнувшись на массовые ожидания социальной Европы, был отложен на обозримое будущее.¹

Более умеренный подход демонстрируется в последние годы в рамках дискуссии под названием *Глобальная общественная политика и глобальное управление*. В этой связи государства объединяются для решения отдельных проблем и могут приглашать от случая к случаю частный сектор или группы гражданского общества для консультаций. Данная идея всерьез реализуется для «демократизации» многосторонних институтций, что на практике означает совершенствование и кооптирование неправительственных организаций различного типа. Даже МВФ и Всемирный банк проявляют внимание к этой идее, устраивая форумы гражданского общества для усиления транспарентности. Не самое маловажное, ООН постулировала управление «международной публичной сферой», которая будет включать «организации гражданского общества, частный сектор, парламентариев, местную власть, научные ассоциации, образовательные институции и многих других» [2, р. 13]. Открытость внешним наблюдателям, тем, кто участвует в каких-то процессах или кого они затрагивают, группам поддержки может повысить отзывчивость и ответственность международных организаций, которые возможно станут представлять мягкую власть морального убеждения. Но пока принятие решений монополизировано представителями государства, это лишь крайнеrudimentарная предпосылка

¹ По контрасту с высокими ожиданиями в постнациональной Европе было весьма сомнительно, что проект «Договора о Конституции для Европы» 2003 г. повысит легитимность ЕС-системы. С одной стороны, он поднимал статус Европейского совета, т.е. главной арены национальных интересов, единственной институции неподконтрольной Европейскому суду и Европейскому парламенту. С другой стороны, даже состав Европейского парламента не следует принципу «один человек, один голос», а основывается на национально взвешенных избирательных округах. До сих пор, по крайней мере, ЕС больше делал для развития демократии в странах, входящих в него и соседних, чем в наднациональных структурах своих собственных институтций. Критические оценки проекта договора см.: [5, 15, 48], где высказываются сомнения, что ЕС — то место, где можно ожидать демократии в общепринятом или даже в «постнациональном» смысле.

демократизации¹. Кроме того, неподотчетность и часто недекларируемая фондовая деятельность многих организаций гражданского общества может скрывать реальный интерес и властные структуры, «хорошее управление» станет тогда дешевым суррогатом реального участия [50].

Наиболее амбициозный подход нацелен на глобальную демократию в полном смысле слова — при опоре на транснациональные институции. Генеральная ассамблея ООН будет в долгосрочной перспективе развиваться в систему, похожую на Европейский парламент. В этом смысле Д. Гелд и А. Гидденс видят в космополитической демократии условие ре-регулирования глобализированной мировой экономики, снижения экологических рисков и экономических неравенств, — а также нового рождения демократии на низших уровнях [25, Ch. 6]. Гидденс достаточно осторожен, представляя эту перспективу как «утопический реализм». Изящная формула. Но как соотнести «утопическое» и «реализм» — отдельный вопрос. Пока же глобализация ставит перед демократией больше проблем, чем предлагает ответов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Alderson A. S., Nielson F. Globalization and the Great U-Turn: Income Inequality Trends in 16 OECD Countries // American Journal of Sociology. 2002. Vol. 107. No. 5. P.1255—1299.
2. Annan K. We, the Peoples. The Role of the United Nations in the 21st Century. New York: UN, 2000.
3. Atkinson A. B. Income Inequality in OECD Countries. Data and Explanation, CESifo Working Paper. No. 881. 2003.
4. Baker P. The Realities of Exporting Democracy. Washington Post. January 25. 2006. A01.
5. Beaud O. et al. L'Europe en voie de Constitution. Bruxelles: Bruylant, 2004.
6. Carothers T. The End of the Transition Paradigm // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. No. 1. P. 5—21.
7. Carothers T. Promoting Democracy and Fighting Terror // Foreign Affairs. January/February 2003.
8. Carothers T. Democracy's Sobering State // Current History. December 2004. P. 412—416.
9. Chua A. World On Fire. How Exporting Free Market Democracy Breeds Ethnic Hatred and Global Instability. New York: Double Day, 2003.
10. Collier D., Levitsky S. Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research // World Politics. 1997. Vol. 49. No. 3. P. 430—451.
11. Crouch C. Post-Democracy. Cambridge: Polity Press, 2002.
12. Dahl R. A. Democracy and Its Critics. New Haven: Yale University Press, 1989.
13. Dahl R. A. Why Free Markets are Not Enough // Journal of Democracy. 1992. Vol. 3, No. 3, S. 82—89.
14. Dahl R. A. Can International Organizations be Democratic? A Sceptics View // I. Shapiro, H. C. Casiano (eds.) Democracy's Edge, Cambridge: CUP, 2000.
15. Dahrendorf R. Making Sense of the EU. The Challenge for Democracy // Journal of Democracy. 2003. Vol. 14, No. 4, 110—114.
16. Diamond L. Is the Third Wave Over? // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7. No. 3. P.20—37.
17. Diamond L. Elections Without Democracy. Thinking About Hybrid Regimes // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. No. 2. P. 21—35
18. Diamond L. Can The Whole World Become Democratic? // Center for the Study of Democracy. Paper 03—05. 2003. University of California, Irvine.
19. Dicken P. Global Shift. Transforming the Global Economy. London: Sage, 2003.

¹ По Милановичу: «Глобальные органы имеют тенденцию быть либо иррелевантными, если они представительные, или, если релевантные, находиться под властью богатых» [41, p.150].

20. *Dollar D., Kraay A.* Spreading the Wealth // Foreign Affairs. Jan/Feb. 2002. P. 120—133.
21. Freedom House 2000. The 1999—2000 Survey of Freedom. New York: Freedom House.
22. Freedom House 2005. Freedom in the World 2005. New York: Freedom House.
23. *Giddens A.* The Nation-State and Violence. Cambridge: Polity Press, 1985.
24. *Giddens A.* BBC Reith Lectures. London: LSE, 1999.
25. *Giddens A.* The Third Way and its Critics. Cambridge: Polity Press, 2000.
26. *Habermas J.* Die postnationale Konstellation. Frankfurt/M: Suhrkamp, 1998.
27. *Habermas J.* So, Why Does Europe Need A Constitution? European University Institute. Florence, 2001.
28. *Held D.* Democracy and the Global Order. From Modern State to Cosmopolitan Governance. Oxford, 1995.
29. *Held D. et al.* Global Transformations. Stanford: Stanford University Press, 1999.
30. *Held D. et al. (eds.)* The Global Transformations Reader. Cambridge: Polity Press, 2001.
31. *Huntington S. P.* The Third Wave. Democratization in the Late 20th Century. Norman: University of Oklahoma Press, 1991.
32. *James H.* The End of Globalization: Lessons from the Great Depression. Cambr., Mass: Harvard University Press, 2001.
33. *Karatnycky A.* A Century of Progress // Journal of Democracy. 2000. Vol. 11. No. 1.
34. *Karatnycky A.* Civic Power and Electoral Politics // Freedom House 2005: Freedom in the World 2005. New York, 2005.
35. *Karl T. L.* The Vicious Cycle of Inequality in Latin America // *S. E. Eckstein, T. P. Wickham-Crowley (eds.) What Justice? Whose Justice? Fighting for Fairness in Latin America*, Berkeley: University of California Press, 2003.
36. *Korpi W., Palme J.* New Politics and Class Politics in the Context of Austerity and Globalisation. Welfare State Regress in 18 Countries 1975—95 // American Political Science Review. 2003. Vol. 97. No. 3.
37. *Lipset S. M., Lakin J. M.* The Democratic Century. Norman: University of Oklahoma Press, 2004.
38. *Lipset S. M.* The Social Requisites of Democracy Revisited // American Sociological Review. 1994. Vol. 59. No. 1. P. 1—22.
39. *Marshall T. H.* Citizenship and Social Class // Citizenship and Social Class and other Essays. Westport: Greenwood Press, 1949.
40. *McFaul M.* The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship. Noncooperative Transition in the Postcommunist World // World Politics. Vol. 54 (January 2002). P. 212—44.
41. *Milanovic B.* Worlds Apart. Measuring International and Global Inequality. Princeton: Princeton University Press, 2005.
42. *Murphy C.* Political Consequences of the New Inequality // International Studies Quarterly. 2001. Vol. 45. P. 347—356.
43. *Nohlen D.* Political Participation in New and Old Democracies // IDEA 2002: Voter Turnout Since 1945. A Global Report. Stockholm, 2002.
44. *Pevehouse J. C.* Democracy from the Outside-In? International Organizations and Democratization // International Organization. Vol. 56. No. 3. Summer 2002. P. 515—549.
45. *Rodrik D.* Has Globalization Gone Too Far? Washington, DC: Institute for International Economics, 1997.
46. *Roller E.* The Performance of Democracies. Oxford: OUP, 2005.
47. *Sartori G.* Rethinking Democracy: Bad Polity and Bad Politics. // International Social Science Journal. 1991. No. 129. P. 437—450.
48. *Schmitter P.* Democracy in Europe and Europe's Democratization // Journal of Democracy. 2003. Vol. 14. No. 4. P. 71—85.
49. *Shleifer A., Treisman D.* A Normal Country: Rethinking Russia // Foreign Affairs. March/April 2004. Vol. 83. No. 2. P. 20—38.
50. *Whitman J.* Global Governance as the Friendly Face of Unaccountable Power// Security Dialogue. 2002. Vol. 33. №. P. 45—5.

==Эмпирические исследования==

Восточноевропейские исследования 3, 2006

Йозеф ЛАЙКЕРТ

Советские военнопленные в концлагере Заксенхаузен

Вторая мировая война и связанные с ней события освещаются в работах, как историков, так и писателей, работающих в жанре литературы факта. Статья основана на рассказах большого числа бывших узников концентрационного лагеря Заксенхаузен. Это последние живые свидетели и очевидцы тех событий из числа попавших в лагерь 1200 студентов чешских вузов, закрывшихся 17 ноября 1939 г. С помощью современной методики устной истории изучено множество ранее неизвестных фактов того времени, дополненных архивными документами. В результате возникло уникальное исследование о положении людей в этом концлагере в период сразу после 22 июня 1941 г., когда чехословацкие заключенные узнали, что немецко-фашистские войска напали на Советский Союз. Все были убеждены, что СССР быстро опомнится от этого удара и его армия вскоре отразит его, освободив страну от захватчиков. Однако последовали тяжелые затяжные бои, и концлагеря начали наполняться советскими военнопленными. В исследовании отражена атмосфера концентрационного лагеря Заксенхаузен, в котором по оценочным данным содержалось около 20 тысяч советских граждан. Подробно описываются способы ликвидации и методы массового истребления, применявшиеся к этой части заключенных.

В начале второй мировой войны немецкие солдаты одерживали один успех за другим, завоевывая соседние государства. Им принадлежала уже почти вся Европа. Несмотря на пакт о ненападении, подписанный между Сталиным и Гитлером, всем было очевидно, что вопрос времени, когда Гитлер нарушит договор и нападёт на Советский Союз. И многие связывали с этим событием перелом в захватнической политике Германии.

В начале июня 1941 года несколько пленных, работавших в мастерских DAW концлагеря Заксенхаузен, были убеждены, что в ближайшее время должно что-то произойти. В отдельных цехах круглосуточно собирались рации и телеграфные аппараты для бронетранспортёров [1]. Офицер-эсэсовец не скрывал, что вся техника предназначена для Восточного фронта...

22 июня 1941 года над всей Европой сияло голубое небо. Пленные Заксенхаузена, узнавшие о начале войны, обнимались от счастья. Плакали. Они знали, что лавина двинулась, она обрушится и скоро придёт освобождение. Германия не выдержит войны на двух фронтах.

С утра в лагере раздавалась музыка. Громкоговорители сообщали, что с раннего утра Германия находится в состоянии военного положения с Советским Союзом. Её войска победоносно наступают...

В то время Иржи Коуколик уже два месяца находился в городе Дрёген (Drögen) — соседнем концлагере, являющимся частью Заксенхаузена, где строилась казарма СС. Здесь тоже играла торжественная музыка, и сообщалась важная информация. «Мы радовались, как и все пленные в концлагерях», — рассказывал мне Иржи Коуколик. «Мы бросались друг другу в объятия. Наконец-то закончились для них легкие времена... Старший нашей бригады — его звали Фидлер — хотя и носил красный знак, тут же стал самым большим патриотом, даже забыв все страдания, которые ему пришлось пережить в концлагере. В нём тут же начала пульсировать тщеславная германская кровь... Наверное, он хотел обратить на себя особое внимание, по-другому я не могу объяснить его поступок, но он побежал жаловаться на наше поведение коменданту Скопнику. Тот не поленился и прибежал в ярости. Уже издалека он кричал: «Samtliche Tschechen raus!». Обращался к нам — все чехи, мол, должны выйти из помещения. Отвёл нас за бараки и начал издевательские спортивные состязания. Кто не выдерживал, того бил, непрерывно кричал и угрожал, что он преподаст урок, как радоваться по такому случаю. Мучил нас больше часа, и мы еле доползли до барака» [2].

Поскольку 22 июня было воскресенье, заключённым позволили писать домой письма. Им хотелось упомянуть о царившем и захватившем всех настроении. И не были бы они студентами вузов, если бы не нашли выхода и не придумали уловку...

«До сих пор мы храним письмо, которое я отправил своим родителям 22 июня 1941 года», — рассказал мне Зденек Лаштвока из Колина. «В нём, в частности, пишется: ... es freut mich sehr, das Euch meine Freundinnen Rudlaková und Hvězdová mit Besuch grosse Freude gebracht haben... Даже самая пристальная цензура не обнаружила, что скрыто за текстом: Я рад, что мои подруги Краснова и Звездова обрадовали Вас своим визитом...» [3].

Студенты никогда с таким нетерпением не ждали немецких газет, как в последние дни. Внимали каждой вести с фронта. Они не могли поверить, что немецкие солдаты так быстро наступают, будто нет сопротивления. На первых страницах газет с каждым днём становилось все больше фотографий советских пленных с поднятыми руками. Все газеты были полны новостей об успехах немцев.

В восторге была и официальная пресс-служба НСДАП *Volkischer Beobachter*, которая подробно написала о подготовке к торжественному военному параду на Красной площади, к роскошному банкету в Кремле в честь победы над Москвой. Празднование планировалось на Рождество 1941 года.

После появления этой информации не один заключённый загрустил, надежда на скорое освобождение растаяла. Студенты, изучавшие до заключения историю, отмечали, что гитлеровские войска наступают быстрее, чем армия Наполеона в 1812 году. Зная историю наполеоновской войны в России, обнадёживали, что Гитлер может потерпеть поражение, как Наполеон. Его армия, которая не знала, что такая русская зима, замёрзла... [4].

1 сентября, спустя три года после начала второй мировой войны, в лагерь начали прибывать русские солдаты, взятые в плен во время первых крупных сраже-

ний. А потом прибывали все новые и новые. Страшно было смотреть на этих людей, настолько они были истощены долгим путем и голодом. Многие из них шли пешком из России.

Их разместили в колонии для пленных. Вокруг неё была протянута колючая проволока, и образовался концлагерь только для советских пленных. Обращались с ними жестоко, намного хуже, чем с остальными заключёнными. В одном бараке размещалось намного больше людей. Помимо избиений и пыток, их морили голодом, а если давали еду, то настолько мало, что её не хватало даже для одного из четверых.

Советских пленных косили не только голод, истощение, но и отношение старост блоков и их помощников. Мёртвых было так много, что их бросали один на другого прямо перед бараками. И только после списания — делали это раз в день — отвозили в крематорий.

«Наступало Рождество», — написал мне Ярослав Коварж. «Для нас, работавших в мастерских резьбы по дереву, наступило время производства большого количества игрушек и разных сувениров из дерева, которые эсесовцы по дешёвке раскупали для своих близких. В эти дни мы работали с утра до десяти часов вечера. И каждый раз, возвращаясь поздним вечером, за проволочным забором видели ужающую картину. Гора мёртвых тел, накиданных до самой крыши бараков. Фриц Зикелски, которого мы все уважали, однажды проходил вместе со мной и Мириком Фейтом. При виде горы мёртвых тел нам стало плохо, но больше всего — Фрицу. Он зашатался, застонал и бросился на землю. Мы с Мириком с трудом его удержали. А на следующий день он извинился перед нами. Мы подумали — за свою слабость, а он попросил прощения как немец за те преступления, которые эсесовцы совершают по отношению к русским. Нас это удивило...» [5].

Приблизительно в то же время проходили мимо и пленные, которые трудились в мастерской по производству керамики.

«Была уже поздняя ночь, — вспоминает Владимир Матейка, — когда мы закончили с обжигом глины. К колонии подъехал грузовик с русскими пленными, которые скорее всего уже были неспособны сами передвигаться. Под удары деревянных палок эсесовцы пригнали из барака четырёх русских, чтобы они сбросили из машины трупы. Может и не все ещё были мёртвые. До сих пор мне слышится звук этого глухого удара голов о бетон. Это был страшный звук. Пьяные надзиратели подгоняли беспощадными ударами и пинками. Увидев это зрелище, наш бригадир Вальтер Соммер, с горестью произнес: «Мне стыдно, что я немец...» [6].

Немцы в обмундировании СС на этот счёт не испытывали комплексов. Обращение с советскими пленными было бесчеловечным. Набрасывались на них как злые собаки, изливая свою ярость на то, что Советская армия не дает их войскам завоевать Москву.

Однажды для всего лагеря разыграли особое действие. Под виселицу привели шестерых русских.

«Мы сразу поняли, что последует», — вспоминает юрист, доктор Кунеш Соннтауг. «Незадолго подошла вся свита во главе с врачом. Главнокомандующий прочитал какой-то приказ, который мы до конца не поняли, так как наши бараки были дальше от виселицы. Но, тем не менее, мы поняли главное, что речь идёт о

политруках, которые, несмотря на предупреждение, распространяли запрещённую большевистскую пропаганду. И за это будут висеть! Нам приказали стоять смирно и глядеть вправо. Мы увидели ужасающее действие. Старшие блоков ходили среди нас и следили, не закрываем ли мы глаза. Между каждой смертной казнью был объявлен 10-минутный перерыв, и за это время врач официально констатировал смерть. Вдруг один из приговорённых сорвал с головы шапку, бросил её на пол и изо всех сил закричал: «Да здравствует Сталин, смерть фашизму!» Не дождавшись плача, он надел на себя петлю и повесился. Его примеру последовали и остальные... Эсесовцы намеревались запугать нас, а добились обратной реакции, в наших глазах эти советские парни стали настоящими героями...» [7].

Первоначально трупы из Заксенхаузена отвозили и сжигали в крематории в Берлине. Однажды битком загруженный мертвыми грузовик с прицепом попал в автаварию на одном из берлинских перекрёстков. Несколько трупов свалилось на тротуар [8]. Прохожие останавливались в ужасе. Это событие повлияло на принятие решения о строительстве крематория в Заксенхаузене, хотя прежде это не планировалось. При росте количества заключённых, а значит и трупов, которые невозможно было ежедневно сотнями перевозить в столицу, иного пути не было. За довольно короткое время в концлагере был построен небольшой крематорий с одной печью. Электропроводку делал и Франтишек Теплы.

«В электромастерские я попал после трёх месяцев принудительных работ в Клинкерверке», — вспоминает Франтишек Теплы из Брандиса над Орлици. «Первой работой, которую я получил, было создание нового крематория. Хотя я с электричеством не работал почти шесть лет, но довольно быстро вновь всё освоил. Бригадиром был немецкий политический заключённый с именем Бём, а его помощником работал тоже немец, но с фиолетовым треугольником. Бём, хотя и носил треугольник политического заключённого, не пользовался хорошей репутацией, иначе не стал бы бригадиром именно в таком месте. Если кто-то в близлежащем деревянном строении, предназначенном для трупов, подавал признаки жизни, Бём его хладнокровно добивал большой палкой. Однажды в воскресенье привезли в лагерь двух словацких партизан, одетых ещё в мундиры бывшей чехословацкой армии. Старший блоков открыл окно и застрелил их. На телеге их перевезли в деревянную будку крематория. Но одного из них только ранили, и со временем он очнулся. Увидев это, Бём жестоко прикончил его палкой... Каждый раз, ремонтируя что-то в крематории, я узнавал новости. Например, что советских солдат возили по всей Германии, чтобы показать всем, насколько русский солдат жалкий, ничтожный и насколько ему не под силу одолеть немецкую армию...» [9].

Другие заключённые с советскими пленными непосредственно не встречались. Олдржих Фридл был одним из тех, на кого этот приказ не распространялся. Вот как бывший медик попал работать в так называемый «руссенревир».

«Это произошло ровно за два месяца до моего освобождения, о чём я тогда и не мечтал», — вспоминает доктор Олдржих Фридл. Я работал тюремным врачом. Вместе со мной был и бывший медик Мирослав Зламал. Большинство терапевтов были поляками, некоторые даже в звании профессора. Главврачом являлся немецкий заключённый доктор Карл Гарзен из Берлина. В русской колонии ежедневно умирало от ста до двухсот человек. Они погибали прежде всего от голода, а так-

же от дизентерии и сыпного тифа, которые в то время бушевали в концлагере. Не говоря о тех, которых просто убили. Русские заключённые практически не получали никакой еды и неоднократно утром я обнаруживал разорванные трупы — от жуткого голода заключённые ночью вырывали у других умерших сердце, печень... Это конечно ужасно говорить, но это так... Большую часть дня они полуголыми стояли на морозе и только к ночи их загоняли, как скотину, в бараки, в которых не было даже сенников, и все они лежали на холодном полу... Мне запомнился один случай — больной тифом с высокой температурой выпрыгнул из окна. Немецкие солдаты, которые сторожили только русский отсек, тут же стали стрелять из пулемёта по деревянному зданию. Десять человек на месте пристрелили, а большую часть ранили. Тогда счастье улыбнулось мне, и я остался в живых... Или припоминаю случай, когда одна берлинская фирма очищала от вшей бараки «руссенревира». После проведённой дезинфекции заключённых намеренно загнали в непроветренные бараки — тогда отравилось приблизительно пятьсот пленных. И хотя под утро некоторые из них ещё оставались в живых, всех отнесли в крематорий...» [10].

Колония была давно переполнена русскими пленными, а транспорты с новичками всё прибывали. Тогдаoberфюрер Лориц придумал изощрённый способ, как избавляться от русских быстро и беспроблемно.

Одно из помещений обставить под ординаторскую. Пленного примет эсесовец, переодетый врачом в белом халате, взвесит его и измерит рост. В момент, когда к голове приложат рейку измерителя, в стене откроется маленькое отверстие и через глушитель пролетит пуля — точный бесшумный выстрел. Чтобы остальным не было слышно, во всём здании будет громко звучать музыка. Достоверность усиливается развешенными по стенам картинками с изображением человеческого тела, белыми тумбочками и керамической плиткой.

Это идея, несомненно, понравилась, так как скоро началось строительство специального барака [11]. И вели стройку в Индустрехофе, где был крематорий. Во всяком случае, трупы не надо было далеко возить...

Никто из заключённых не подозревал о том, какой дом ужаса строится в Индустрехофе. Столяры и плотники построили здание за нескольких дней. Подозрительным показалось то, что проекты сильно отличались от проектов существующих бараков. А потом и сам бригадир проговорился.

Наступило время работ электриков. Среди них был и Франтишек Теплый.

«Сначала мы притащили распределительное устройство. Комплектовали его в большом деревянном бараке, похожем на гараж. Он был в два раза выше наших блоков. Старший по цеху поручил мне провести установку радиооборудования, включающего громкую связь и световое распределение. В это время барак уже опустел, столяры и плотники свою работу завершили, дело было только за мной. Всё сооружение производило странное впечатление. Здание было разделено на несколько частей. Я всё перемерил и составил список необходимого материала. Между тем появился немецкий заключённый, который принёс мне канатные блоки, груз, канат. Именно он монтировал прибор для измерения людей. От него я узнал, что это сооружение предназначено для расстрела русских пленных. Я убежал в мастерскую и обо всём рассказал бригадиру. Я отказался от этой работы и предложил ему послать туда кого-то другого. Я мог позволить себе этого, поскольку он оказался волевым

и честным человеком, мастером своего дела. Его звали Вилли, он был коммунист. Сказал, что ему русские ближе, чем мне, потому что он с ними работал в Советском Союзе. С тем, что там должно происходить, не был согласен, но в то же время ему казалось, что для русских пленных это своего рода освобождение. Они достаточно уже натерпелись и наголодались... Установку нельзя было задерживать, поэтому вызвали всю нашу бригаду. За это время привезли три полевых крематория. Во все смонтированы большие электрические вентиляторы для вдувания воздуха, чтобы жар был сильнее [9].

Франтишеку Теплы так и не удалось отделаться от работ на будущем лобном месте. Больше повезло студенту из Брно, ныне живущему в городе Влашке Мезиржичи. Он просил не называть его настоящего имени, в воспоминаниях упоминать его под псевдонимом инженер За. Прочитав эту рукопись, он всё-таки согласился полностью назвать своё имя — инженер Энгельберт Затлоукal.

«Проекты новой фабрики по уничтожению людей разработали в строительной конторе. В течение четырнадцати дней было построено большое здание, напоминающее деревенский двор. Случайный прохожий мог запросто сказать: Какой красивый дом. Да, красивый, но какой ужас должно было скрывать от человеческого взгляда это здание с необычными маленькими окошками и необычной большой дымовой трубой... Тогда я работал электриком на фабрике по производству обуви. Стойка почти завершилась, осталось сделать электропроводку. Заведующий электротделением, офицер СС, имя которого не помню, приказал мне обойти всю стойку, осмотреть и доделать всё необходимое. Я был удивлён, что получил столь ответственную работу. За коробку сигарет я узнал от бригадира, для чего предназначено здание. После убийств, которые мне пришлось в течение двух лет наблюдать в концлагере, я зrimо представил себе, что здесь будет происходить. И вдруг почувствовал невероятное отвращение. Со сложными чувствами я остановился в помещении, которое без всякого смущения эсесовец назвал «Schusskammer», или «комната для убийств». В углу его находилось пространство размерами полтора на полтора метра. В стене было узкое отверстие — для убийцы. Для каких целей предназначены следующие помещения, никому из нас не было известно. Но понятно — для пыток и убийства невиновных. Позже стало ясно, что два помещения послужат в качестве газовых камер. При одной лишь мысли, что я должен смонтировать электрический прибор для убийства, мне стало плохо. Я не мог просто отказаться от этого дела — сам бы себя приговорил к штрафной, в худшем случае к немедленному расстрелу. После долгих раздумий я принял решение: зайти в строительную контору и сообщить бригадиру, что после тщательного изучения плана понял, что мне не справиться. Меня обуревала одна мысль, что на этом лобном месте могу оказаться сам. Да, лучше погибнуть сейчас же, чем когда-то попасть в то помещение, откуда идет смерть. Я никогда не сожалел об этом решении и примирился с потерей неплохого рабочего места электрика...» [12].

В одной части здания освещение было достаточно слабым и в каждом углу висели репродукторы, чтобы не были слышны звуки из соседних комнат. Чаще всего звучала музыка по радио или пластинки с немецким маршем.

Другую часть барака составляло помещение, тянувшееся по всей ширине барака и имевшее форму неправильного шестиугольника. Напротив двери стоял ма-

ленький столик с пишущей машинкой. Незаметным входом можно было пройти в небольшую комнату площадью 5 на 4,5 метра., в которой сидел в ожидании убийца с заряженным пистолетом [13]. Прямо у дверей на видном месте стояли госпитальные весы. Чуть дальше находился прибор для измерения роста. Из этого помещения проход вел в четвёртое помещение, того же размера. Освещение там было двойное: обыкновенное и красное.

«Меня заинтересовал прибор для измерения роста в третьем помещении», — вновь размышляет Франтишек Теплы. «Рейка, которая прикладывалась к голове с лёгкостью и бесшумно продвигалась в отверстие стены. В третьем и четвёртом помещениях меня поразили двойные стены толщиной в один метр, заполненные опилками. И потолок был толще... Всё это я видел до предстоящих массовых казней. В разгар убийств я попал туда к счастью только однажды, но это поразило на всегда. Меня вызвали исправить свет в третьем помещении, предназначенном для трупов. Первым, что меня удивило, было изображение большого красного креста. Во второй части барака всё было белым, как в больнице, на вешалках висели белые халаты. В третьем помещении, недалеко от весов, находилась потайная железная решётка. Она была выкрашена в красный цвет, и во время казней через неё стекала кровь. По стенам сверху донизу висели куски белого полотна... Дверь в крематорий была распахнута, там стоял эсесовец. Я понимал — чем меньше буду знать, тем дольше проживу. Те, кто много видел и слышал, долго в живых не оставались. Рядом находились двое заключённых, которые оттаскивали трупы в крематорий. В остальное время они очищали печи, выносили пепел. Полагаю, именно они чистили также решётку и пол. Одним из них оказался Бём. Заметил меня, он поздоровался со мной рукопожатием, будто мы давние, хорошие приятели. Но его коварство я до смерти не забуду... Поинтересовался, что в лагере нового, так как он и его помощник там уже не ночевали. Их изолировали от остальных заключённых, чтобы не распространяли слухи о том, что на самом деле здесь творится. Предложил мне сигарету. Я растерялся, потому что курить в рабочее время было строго запрещено, но он меня уверил, что не стоит беспокоиться. Перекур им позволен. Тем более, что сейчас они не работают, у них санитарный день. Помню, как он внезапно добавил: Heute kommt wieder ein Theatre, сегодня опять спектакль! Это означало, что вечером и ночью они продолжат с расстрелом русских пленных. Эсесовцы, заступившие на дежурство, сильно напытываются и даже утром во время ежедневной переклички будут нетрезвыми. Того, кто расстреливал больше всех, я каждый раз узнавал по белым плечам — делая свое дело, он обычно прислонялся к белой стене...» [14].

Казни проводились только вечером и ночью. В это время всем остальным заключённым было строго запрещено выходить. Никто не должен был знать, что происходит в Индустрехофе. Запрещено было даже в окно смотреть. Но из ближайших бараков кое-что можно было разглядеть. Деревянные доски не прилегали плотно друг к другу, и через щель можно было наблюдать, как отводят русских пленных. Сначала их загоняли в грузовики с чехлом или в полицейские машины. Некоторые из них были переделаны так, чтобы выхлопной газ попадал внутрь машины [15]. И хотя Индустрехоф находился недалеко, большинство пленных отравились в этой «душегубке» во время переезда. Водитель намеренно продлевал езду и ехал

кругами. Возвращаясь, дверь грузовика держали открытой, чтобы проветрилось от зловония гари, и никто ни о чём не догадался...

Вначале всё проходило гладко, как задумал Лориц. Проблемы появились, когда русские стали что-то подозревать... Отказывались садиться в машины, начали бунтовать. Нескольких из них на месте застрелили, и на время толпа притихла. Потом для голода истощенных русских придумали новую хитрость. В машины им бросали испорченные, гнилые буряки, и они давились, лишь бы кусочек захватить. Заманить их эсесовцам удалось лишь под предлогом, что их отправляют на сельскохозяйственные работы, и до этого они должны пройти медосмотр...

«Однажды я трудился в противовоздушном укрытии СС примерно с семи вечера до одиннадцати», — продолжает свой скорбный рассказ Франтишек Теплы. «Я видел, как заключённые влезают в грузовики и их отвозят. Из всего, что я понаблюдал в Индустрехофе и о чём мне рассказал Бём, я представил картину массовых убийств. В первом помещении приговорённые раздевались догола и с одеждой под мышкой по одному входили во второе помещение. За пишущей машинкой в белом халате сидел якобы врач. Движением руки показывал, куда положить одежду. Проходили в следующее помещение, где находились весы и прибор для измерения роста. Во время измерения врач будто бы прикладывал к голове рейку и требовал стоять не поворачиваясь. Одновременно нажимал справа на кнопку. В помещении за стеной, где стоял эсесовец с заряженным пистолетом, начинала мигать красная лампочка — сигнал, что пленный готов. Пуля попадала несчастному в голову. В случае, если решётка, на которую застреленный сваливался, не была покрашена в красный цвет, то он перед смертью видел капли крови после предыдущего убийства. Настороженность вызывали и следы от пуль на стене... Как только убитый сваливался, прибегали Бём с помощниками и труп оттаскивали, схватив его за руки и ноги. Потом быстро очищали решётки от крови, и следовало продолжение... Непрерывно играла музыка, как правило, из каждого репродуктора разная, чтобы заглушила стрельбу и крики... Сжигание и расстрелы одновременно не проводились. Сначала накапливали трупы, а потом сжигали. Полевые крематории обладали достаточной мощностью, один труп сгорал за девять минут. Трупов было столько, что режим не соблюдался. Случалось, что черепа и бедренные кости не сгорали до конца. Чтобы никто не узнал, сколько трупов превратилось в пепел, из евреев образовали команду, разбивающую молотком не сгоревшие части тела... Из труб непрестанно валил чёрный дым, иногда появлялся и белый, сигнализирующий, что в печь бросили следующий труп. Сильный ветер со стороны крематория создавал над концлагерём сильное, затяжное зловоние...» [14].

Предполагается, что только в Заксенхаузене было казнено около двадцати тысяч русских пленных. Неспроста весь комплекс получил название «Z-Станция». Буква Z в данном случае означает конец не только алфавита, но и жизни. Последняя станция.

Поскольку концлагерь Заксенхаузен был каким-то учебным центром, верховный штаб концлагерей собрал там всех комендантov лагерей, чтобы ознакомить их с методом быстрого и довольно лёгкого способа ликвидации русских пленных. Я узнал об этом из материалов нюрнбергского архива, где обнаружил и показания бывшего главнокомандующего концлагеря Маутхаузен Франца Цириса:

«Примерно в конце 1941 года все коменданты лагерей получили приказ пребыть в Заксенхаузен, чтобы познакомится, каким способом можно быстро ликвидировать политических работников и русских комиссаров. По одному их водили по тёмному коридору в помещение, где громко играло радио. На противоположной стене располагалась доска, за которой находилось движущееся устройство для закрепления оружия. Эсесовцы из штаба были в хорошем настроении. Это изобретение придумал оберфюрер СС Лориц. После выстрела труп бросали на доску, выносили и с невероятной бесчувственностью скидывали в одну кучу. Напротив хранилища, где собирали трупы, находились непрерывно работающие крематории. Ежедневная норма была от тысячи пятисот до двух тысяч трупов. Когда мы туда прибыли, расстрел шел уже четырнадцать дней...» [16].

В нюрнбергском архиве находится протокол процесса над убийцей Вильгельмом Шубертом. Прокурор спрашивал, участвовал ли он в расстреле русских пленных. Шуберт хладнокровно ответил: «Конечно...» Следуют вопросы и ответы:

Прокурор: Кто отправлял заключённых в так называемую ординаторскую?

Шуберт: Пять тысяч послал я.

Прокурор: И вы выдавали себя за врача?

Шуберт: Да, я был одет как врач.

Прокурор: Что вы делали, сидя в белом халате в приёмной?

Шуберт: В правой руке я держал шпатель, а в левой мел. Если у пленника были золотые или вообще искусственные зубы, на груди я рисовал крест.

Прокурор: Вы стреляли?

Шуберт: Да, лично я собственной рукой убил 636 военных пленных.

Прокурор: Каким орденом вы были награждены, подсудимый Шуберт, за эти чудовищные преступления?

Шуберт: Военным крестом второй степени с мечами!

За массовые убийства награждались и другие. Студенты об этом узнавали из газет и журналов. Их имена чаще всего печатались с остальными в разделе «Самые заслуженные

За массовые убийства награждались и другие. Студенты об этом узнавали из газет и журналов. Их имена чаще всего печатались вместе с остальными в разделе «Самые заслуженные солдаты Третьего рейха». Кроме того, наиболее усердные получили премию — отдых на острове Капри в Италии. В журнале «Illustrierte Beobachter» студенты узнали весь взвод·палачей из Заксенхаузена. Под фотографиями была напечатано, что они находятся на заслуженном отдыхе...

Перевод: Наташа МОРОХОВИЧОВА

ЛИТЕРАТУРА

1. Akce 17. listopad. Pr., 1974. S. 92.
2. Беседа с Иржи Коуколиком. Магнитофонная запись из архива Й. Лайкерта (далее — М/з № 173).
3. Беседа со Зденеком Лаштовкой. М/з № 128.
4. Воспоминания Карела Ежека, Арнольда Будика (задокументировано Й. Лайкертом).

5. Переписка с Ярославом Коваржом. Письмо № 55 (архив Й. Лайкерта).
6. Беседа с Владимиром Матейко. М/з № 151.
7. Беседа с доктором Кунешом Соннтаугом. М/з № 83.
8. Sachsenhausen. Berlin, 1960. S. 58.
9. Беседа с Франтишеком Теплым. М/з № 180.
10. Беседа с доктором Олдржихом Фриделем. М/з № 174.
11. 17. listopad 1939. Odboj československého studentstva. Pr., 1945. S. 110.
12. Беседа с инженером Энгелбертом Затлоукалом. М/з № 186.
13. Persekuce českého studentstva za okupace. Pr., 1945. S. 99.
14. Беседа с Франтишеком Теплым. М/з № 179.
15. Salbmann F. Dlouhá noc. Praha 1964. S. 143.
16. Bayerisches Staatsarchiv v Norimbergu.
17. Cílek R. Sedemnáctý listopad 1939. Pr., 1964.
18. Gwiazdomorski J. Wspomnienia z Sachsenhausen. Krakow, 1975.
19. Koukolík J. Sám neprojdeš. Pr., 1989.
20. Norimberský proces I. — II. Pr., 1953.
21. Pasák T. Odkaz 17. listopadu 1939 dnešku. Pr., 1979.
22. Sachso. P., 1982.

Имена участников бесед:

Ing. Arnold Budík. MUDr. Oldřich Friedel, Karel Ježek, Jiří Koukolík, Jaroslav Kovář, Zdeněk Laštovka, Vladimír Matějka, JUDr. Kuneš Sonntag, František Teplý, Ing. Engelbert Zatloukal.

Использованные архивные фонды:

Mestského výboru Českého zväzu bojovníkov za slobodu v Brne;
Nationale Mahn- und Gedenkstätte Sachsenhausen;
Slovenského národného archívu v Bratislave;
Univerzity Karlovej v Prahe;
Ústredného výboru Českého zväzu bojovníkov za slobodu v Prahe (ныне — Bádateľské stredisko Historického ústavu ČA v Prahe).

Илияна МАРЧЕВА

История и идентичность.

Болгарский случай конца двадцатого века

После завершения «холодной войны» присоединение Болгарии, бывшего члена бывшего восточного блока, к победителям — ЕС и НАТО как символам Запада сопровождается непрерывными попытками создать новую идентичность. «Путь в Европу» становится красивой метафорой этих усилий в экономическом, политическом, идеологическом и культурном плане. Эти усилия начинают прилагаться еще во время «перестройки», характеризующейся сокрушительной критикой системы социализма, в которой жило болгарское общество во второй половине XX века. Система оценивалась как крайне идеологизированная, не соответствующая образу «будущего человечества». Теперь ее начали воспринимать как отсталую, недемократическую, неэффективную. Запад, т.е. Западная Европа и США, становится точкой отсчета, примером наиболее рациональных решений и в экономике, и в политике. Прежде противник, Запад начинает рассматриваться как эманация современной цивилизации, носитель общечеловеческих культурных и политических ценностей.

Неудивительно поэтому, что еще в начале 1990-х годов один молодой профессор напишет: «Мы европейцы, но не совсем», а целая книга с текстами размышлений болгарских историков, литераторов и интеллектуалов конца XIX — первой половины XX вв. будет озаглавлена: «Почему мы такие?» [1]. Очевидно, что это вопрос не нов и периодически становится одним из центральных для болгарского общества. Объяснения такого положения следует искать в исторической судьбе болгарского народа, который в течение пяти веков жил в отсутствие собственного государства¹, в составе азиатской, мусульманской Османской империи, в неспокойном регионе Юго-Восточной Европы. История формирования современной болгарской нации в XVIII и XIX веках и история болгарского государства, созданного в 1878 г., всегда были связаны с борьбой Великих сил за влияние в этом регионе. С XIX и до середины XX вв. данный регион был объектом соперничества между Россией/СССР, с одной стороны, и Англией, Австро-Венгрией и Германией, с другой. После второй мировой войны Болгария попадает в орбиту советского влияния и становится членом восточного блока. Неудивительно, что после его распада, ответ на более

¹ Средневековое болгарское государство было уничтожено османскими турками в 1396 г. Современное болгарское государство было восстановлено в результате Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и по решению Берлинского конгресса 1878 г.

общий вопрос: «Почему мы такие не совсем европейцы?», мог быть прочитан как: «Потому что мы не приняли больше западных (т.е. европейских) культурных моделей». Исходя из этого, в начале перехода 1990-х годов в общественном пространстве всталась задача «превратить» болгар в европейцев, чтобы можно было безболезненно допустить их в европейскую семью. Как этого достичь, если болгарская нация развивалась только в тени восточных империй, таких как Византийская, Османская и Российская и Советская? Наверное, при помощи различных инструментов самопознания общества, одним из которых является история. Ведь, как сказал один философ, хотя Бог и всемогуч, но и он не может изменить прошлого, поэтому создал историю. И каждое поколение посредством истории переоценивает прошлое по-своему.

После радикальных изменений конца 1980-х — начала 1990-х годов создание новой идентичности идет не только через отрицание коммунистического прошлого, но и через прощание с Востоком. При этом у Востока два «лица» — одно Османское, а другое — Русское/Советское. Третье — Византийское, остаётся в тени русской доминанты. Византийский восток в болгарской исторической судьбе связывается, прежде всего, с принятием православия как доминирующей конфессии. Для болгар в конце XX в. вопросы веры, несмотря на соблюдение религиозных обрядов, не могут сыграть роль идентифицирующего фактора. Во-первых, из-за прежнего атеистического воспитания, во-вторых, из-за особенностей религиозного сознания болгар¹. В-третьих, потому что православие воспринимается как одна из характеристик русского Востока со стороны католического и протестанского Запада.

За первым «лицом» Востока в болгарском политическом пространстве стоит основанная в 1990 г. на этнической основе партия болгарских турок, именуемая Движением за права и свободы (ДЛС), — пример «болгарской этнической модели толерантности». Её лидер использовал комплекс болгарского общества, его чувство вины², чтобы заявить: «путь Болгарии в Европу лежит через Босфор». Тогда, в конце 1991 г. СССР как наследник Российской империи распался и в болгарской исторической судьбе не оказалось политического субъекта, представляющего Советский Восток. Таким образом, болгарам было легче примириться с «хорошим» и попрощаться с «нехорошим» Востоком.

Как этого достигли, с помощью каких механизмов — очевидно и неспециалисту, а попытка ответа на вопрос, какова роль истории в поисках новой идентичности, является задачей данной статьи. Это не историографический анализ научных трудов в области истории. Хотелось бы обратить внимание на те моменты истории, интерпретации которых в последние 17 лет наиболее ярко иллюстрируют возмож-

¹ Вместе с потерей государственности в конце XIV в. болгры теряют и самостоятельную церковную организацию, попадают под управлением Константинопольской церкви. Поэтому они дистанцируются от официальной церкви, и среди них получает большое распространение простонародное христианство. Уже в XIX в. вопросы веры и церкви для болгар приобретают характер политической борьбы за создание независимой церкви как символического признания болгарской нации, ее особого места в семье восточноправославных народов.

² Речь идет о чувстве вины за акцию насилийственной смены имен болгарских турок в конце 1984 — начале 1985 гг. Эту акцию власти называли «процесс возрождения». Позднее — летом 1989 г. около 300 тысяч вынуждены эмигрировать в Турцию. Коммунистический режим Болгарии был полностью дискредитирован. Тогда население страны мобилизовали патриотическими лозунгами на сверхурочный труд для возмещения убытков, вызванных эмиграцией болгарских турок.

ности внедрения новой идентичности. Речь идет не об академических исследованиях, а о распространённых в СМИ, учебниках, научно-популярной литературе версиях событий, которые служат, в том числе, мотивацией определенных политических действий. Мое изложение имеет не столько оценочный, сколько констатирующий характер. Общеизвестно, насколько велика роль исторических мифов в формировании национальной идентичности и насколько бесплодны попытки исторической науки противодействовать этому процессу: на смену развеянным старым мифам всегда приходят новые [2]. Правда, сейчас мифы, которые «изобретаются» при помощи социальной и культурной истории, относятся к гражданской, а не к этнонациональной идентичности и к периоду жизни болгар со времени Освобождения от одного Востока в 1878 г. до установления доминирования другого Востока в 1944 г. Но поиски достаточных обоснований для гражданской, западноевропейской идентичности в интерпретациях современной истории Болгарии с 1878 г. до 1944 г. пока не особо успешны. Парламентские, либеральные, отчасти культурные характеристики Болгарии, представление об их своеобразном «золотом веке» в межвоенный период перецениваются и выглядят недостаточно убедительными [3]. Вот почему, хотя это открыто не афишируется, но видно, что пока ведущее значение имеют мифы этнонациональной принадлежности.

Прощание с Востоком сопровождается кризисом идентичности, который в Болгарии нашел выражение в критике болгарского национализма, порицаемого за то, что он стал последним пристанищем коммунизма, не в последнюю очередь, в связи с использованием его как мобилизующего фактора во время «процесса возрождения» (см. сноску 3). Именно поэтому в дискурсе о «родине» и о «родном» эти понятия начинают трактоваться как «травматичные... рефлексии представления о «родном», созданного при социализме». Существует мнение, что в начале 1990-х годов «болгар лишили правильного понимания категорий «родина», «родное» и «национальная идентичность», потому что в период социализма «любовь к Болгарии утверждалась как данное, как идеологема, а не как осознанная потребность». Вот почему до сих пор болгары предпочитают «дешёвый и лишенный исторических оснований патриотизм». В большой степени формированию подобного представления способствовало широко тиражируемое СМИ и массовой культурой представление о «болгарском»: «Признание в любви к Болгарии в них является таким же высокопарным лозунгом, как и при социализме, по существу бессмысленным...» [4].

Кризис болгарской идентичности во время перехода 1990-х годов усиливается и состоянием историографии, ее реакцией на происходящее. Болгарская историческая наука, как и остальные науки, претерпела люстрацию и дисциплинирующую её декоммунизацию в соответствии с так называемым законом Панева (1992—1995 гг.). В контексте политического противопоставления, которое в Болгарии обращено к прошлому, произошло отрижение исторического нарратива, созданного при социализме, причем в отсутствие всякого публичного, научно-историографического дебата [5]. Всё это нужно иметь в виду, говоря о роли истории и её использовании при создании новой идентичности.

Как историческая наука и её интерпретации в СМИ и в учебниках представляют проблему болгарского национализма? Прежде всего, нормализуя восприятие османского наследия и в поисках окончательного примирения с ним. И второе —

наступательно противостоя советским и русофильским мифам при помощи антикоммунистических и, главное, русофобских мифов.

Агрессивное прощание с османским наследием уже состоялось сразу после Освобождения, когда рушились мечети и другие памятники османского присутствия на болгарской земле, а турецкие топонимы заменялись болгарскими. Болгары были одними из самых нетерпеливых балканцев в своем стремлении решительно порвать с османским влиянием во всех сферах политической, экономической, культурной и социальной жизни. За исключением демографической сферы и народной культуры они, как и их соседи, окончательно отбрасывают османское наследие к концу первой мировой войны [6]. Но интерпретация этого наследия, названного проф. М. Тодоровой «Оttоманская традиция», продолжает бросать вызовы обществу. Медленно и долго — почти весь прошлый век, историческая наука отвечала на эти вызовы, постепенно переоценивая османский период болгарской истории. В ней уже преодолено представление о бесплодии этого периода, выраженное определением «темные века»; принят термин «османская» вместо «турецкая» власть, а в конце 1980-х годов появились исследования, в которых доказывалось преобладание добровольной, экономической по своему характеру исламизации болгар [7].

После произошедших перемен в средствах массовой информации начинается дискуссия по поводу нового термина — «османское присутствие» вместо общепринятого прежде «турецкое иго», замененного в поздней социалистической историографии дефинициями «османское рабство»/«османское владычество». Новое название этого периода в болгарской истории как периода «османского присутствия» не попало в учебники, но получило там разъяснения. Факт дискуссии уже сам по себе свидетельствовал о готовности болгарского сознания окончательно преодолеть некоторые романтические мифы, связанные с османским наследием.

Нормализация отношения к османскому Востоку проявляется и в периодическом обращении СМИ к вопросу о так называемом «процессе возрождения» 1984—1985 гг. и «большой экскурсии» лета 1989 г. (см. сноску 3). Этот вопрос имплицитно содержит идею вины. Вины, которую вменяют и историкам, и всем болгарам. Первым — за то, что в те годы сосредоточились на проблемах исламизации, её формах, хотя и неискажали исторические данные [8]. А болгарам вообще — за то, что не выразили протеста против насильственного переименования своих сограждан мусульманского происхождения. В СМИ, в интервью с известными болгарскими турками (например, с популярной певицей Илдз Ибрахимовой), в некоторых произведениях культуры этот комплекс вины поддерживается по схеме: болгары — плохие, турки — хорошие, они простили нас, о чём мы их не просили, как восклицает писательница Теодора Димова в интервью по поводу своей пьесы, посвященной этой теме¹.

Примирение с Османским Востоком находит некоторые смелые, провокативные проявления. Вроде публикации молодого коллеги, который отрицает необходимость определения «Национальное Возрождение», потому что оно не раскрывает некую специфику в развитии болгар. Напротив, процессы в болгарском обществе в XIX в., по его мнению, являлись частью модернизационных процессов в Османской империи, связанных с Танзиматом [9].

¹ См. интервью в журнале «Тема» (август 2004 г.). Болгарский фильм аналогичной направленности «Откраднати очи» («Похищенные глаза») получил приз Московского кинофестиваля 2005 г.

Как провокация рассматривается большей частью общества и предложение о сооружении памятной плиты павшим при попытке покорить вершину Шипки османским солдатам в ходе сражений, которые, согласно болгарской историографии, являются самым значительным болгарским вкладом в победу в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Подобное предложение сделано от имени Общеболгарского комитета «Генерал Иван Вълков» его секретарем Йорданом Мариновым и принято 17 апреля 2004 г. Национальным комитетом по восстановлению памятников военнослужащим. В комитет входят мэры и заместители мэров Плевена, Шумена, Казанлыка и Пловдива, а также ряд генералов. По словам секретаря Национального комитета и заместителя мэра г. Пловдив Здравко Зафирова¹, памятная плита вблизи массового захоронения павших солдат Сулейман Паши возле города Шейново является «тестом, можем ли мы быть европеизами». Поскольку в качестве ответного шага турецкие власти готовы установить плиту павшим болгарским солдатам 23-го Пехотного полка, успешно штурмовавшим г. Одрин в марте 1913 г. Предполагалось спустя два года воздвигнуть и памятник Вайселию Паше.

Это предложение взбудоражило общество: большинство политических сил и опрошенных граждан высказывалось против. Даже по словам партийного функционера ДПС в г. Стара Загора Мехмеда Османа, это предложение является *превокацией по отношению к этническому миру в регионе* [10]. Попытку приглушить ее можно усмотреть в ответах, полученных на интернет-форуме «Компас» на тему: «Спасти Шипку. Нет места турецким памятникам». Такую постановку поддержали 97,5% из 40 голосующих, только 2,5% решили что «*Оттоманские солдаты заслуживают памятной плиты*» [11]. На другом форуме по интернету из 85892 голосующих 85375 были «против», а всего 607 голосовали «за» упомянутое предложение [12].

Хотя и малочисленная, поддержка предложения свидетельствует о готовности части населения Болгарии преодолеть существующее в массовом сознании сугубо негативное представление об османском Востоке в судьбе болгар. Другое дело — насколько удачным был этот очередной шаг к цивилизованному расставанию с османским наследием, который касался символической для национального сознания болгар вершины Шипки.

Шипка ведет к Востоку, к роли России и СССР в болгарской национальной судьбе. Этот Восток рассматривается лишь как негативное наследие или, если не столь негативное, то, во всяком случае, малозначимое. На такую оценку наводят интерпретации из учебников истории для 11 и 12 классов некоторых проблем формирования новой идентичности. Это — этногенез ранней средневековой болгарской народности и государства; роль России в формировании болгарской нации и государства и конкретнее Русско — турецкая война 1877—1878 гг.; феномен Стефана Стамболова. Беру в качестве примера учебники потому, что они, с одной стороны, своими программами представляют официальную историю, а, с другой, содержат знание-норму, в отличие от СМИ, где в принципе возможно многообразие интерпретаций [13]. По мнению Снежаны Димитровой, анализирующей учебники, изданные в период 1993—2000 гг., а также распоряжения Министерства образования об их содержании, «новый учебник считается ресурсом, легитимизирующим

¹ З. Зафиров — бывший заместитель министра обороны во втором правоцентристском правительстве Союза демократических сил 1997—2001 гг.

стратегии модернизации, европеизации и либерализации, представляемые новыми политическими элитами (связанными с Союзом демократических сил¹); стратегии, отдающие предпочтение, прежде всего, европейской ориентации, которую надо понимать как средство «отталкивания» от бывшего Советского Союза и как способ преодоления идеологии славянофильства, долгое время воспринимавшейся в качестве препятствия формированию западноевропейской идентичности» [14].

Как на практике это можно было осуществить? Отталкивание от русского Востока началось с критики советского Востока. После общественных изменений оно приняло форму открытого антисоветизма в отличии от периода «перестройки», когда критика коммунизма и советского влияния была прикрыта формулой «чудесного идеала, извращенного на практике». Надо отметить, что еще раньше, в 1970-х и 1980-х годах, антисоветизм существовал, но в виде, более незаметном для общества, чем для коллегии историков. Антисоветизм можно было обнаружить в интерпретациях некоторых событий болгарской истории с русофобской точки зрения в то время, когда культурой управляла дочь болгарского лидера Тодора Живкова в 1972—1981 гг. Тогда болгарская культура стала более открытой и в то же время приобрела довольно сильный националистический характер, кульминацией чего стало празднование 1300-летия создания Болгарского государства в 1981 г. Антисоветизм был прикрыт аллюзией между фашизмом и коммунизмом, которая просматривалась и в запрещенной книге будущего первого демократического президента Желю Желева «Фашизм», опубликованной в 1982 г.

Переоценка болгарско-русских и болгарско-советских отношений имела место в поздней социалистической историографии в новых интерпретациях личностей Стефана Стамболова² и Трайко Костова³. Они имели национальный/националистический характер. Национализм рассматривался тогда как контрапункт советизма и русофильства, его воспринимали как диссидентскую позицию отдельных болгарских историков, хотя некоторые историографы видят в нем «фальшивую, но самодовольную иллюзию» историков, которой воспользовался политический режим для укрепления своей власти [15]. Национализм странным образом сочетался с культом советской прессы, литературы и науки во время «перестройки». Большой скандал, который состоялся во время проведения IX Национальной школы молодых историков летом 1988 г., где по существу излагались антируссские, антисоветские и антисоциалистические интерпретации, закончился изгнанием службами Государственной безопасности не кого иного, как советского гостя проф. В. Киселева [16].

После «бархатной революции» антисоветизм усиливается, поскольку является самым подходящим средством не только для отрицания коммунистического наследия, но и для формирования новой политической и профессиональной идентичности. Не случайно бывшие преподаватели истории Болгарской компартии

¹ Союз демократических сил (СДС) — правоцентристская партия, основанная 7 декабря 1989 г. Она была правящей в 1992 г. и в 1997-2001 гг. Тогда осуществлена самая радикальная смена политической и экономической системы, идеологически мотивируемая открытым антикоммунизмом.

² Ст. Стамболов (1854 –1895) — национал-революционер, после Освобождения препятствовал вмешательству Российской империи в политику болгарского государства.

³ Трайко Костов (1897 –1949) - болгарский коммунист, секретарь Болгарской работнической партии, ближайший соратник Георгия Димитрова. Он стал жертвой сталинских репрессий, обвиняясь в стремлении следовать курсом Тито и скрывать от советских советников в Болгарии цены, по которым страна торговала с западными партнерами.

первыми взялись на написание многочисленных книг на антисоветскую и антикоммунистическую тематику. Правда, тогда же вышли и книги одного из самых выдающихся исследователей социалистического периода, написанные на основе солидных архивных данных, однако из-за номеклатурного прошлого этого ученого, его труды были быстро забыты и редко используются другими историками [17].

В 1990-х годах болгарско-советские отношения, которые всегда находились в центре исследования исторической науки социалистического периода, вновь привлекают внимание ученых. Но теперь они трактуются исключительно в негативном ключе, что характерно для положения в остальных восточноевропейских исторических исследованиях. Одновременно с отрицанием советского режима историки и публицисты начали представлять «советское» как «чужое», «самое плохое», «самое отсталое» и противопоставлять его «европейскому».

Уже совершенно беспрепятственно антисоветизм превратился в русофобию. Как в 1930-е и 1940-е годы, так и сейчас — в конце века — русофobia затронула и славянскую идентичность болгар. Если в эпоху национального возрождения болгарская нация сознательно формировалась болгарскими просветителями как славянская, то есть европейская в их представлении, то в последние десятилетия XX в. в поисках новой идентичности часть историков и популяризаторов истории обращается к протоболгарам, видя в этом возможность отречься от славянства — теперь уже символа отсталости по отношению к Европе. Протоболгары — второй по значению этнос, участвовавший в формировании средневекового болгарского государства и народа. Они приходят из Азии и продолжительное время считаются в болгарской науке не только социалистического периода, но и раньше, тюрко-алтайским народом. Интерес к ним поддерживался в социалистический период историческими исследованиями, проведением археологических раскопок и мог быть воспринят как реакция на официальную пропаганду «вечной болгарско-советской дружбы». После 1989 г. наступает подлинный ренессанс изучения и пропаганды истории протоболгар и учеными, и непрофессионалами, часть которых не является специалистами по средневековью, а нередко и вообще не историки. В 1990-е годы интерес к протоболгарам способствует усилению сознания собственной уникальности, что является основным элементом патриотических установок общества.

Этот интерес не обошел стороной и учебную литературу. Отличие научного термина «протоболгары», использовавшегося прежде для обозначения племен, прибывших в 80-е годы VII в.¹ на территорию Балканского полуострова, от современных болгар уже опускается. Идентификация с древними болгарами проявляется в использовании в учебниках названия «болгары» применительно к тем племенам. Протоболгар оценивают как более достойных по сравнению со славянами. Подобное внушение можно усмотреть в учебнике для 11 класса, где цитируют мысль Готфрида Гильфердинга, что славяне занимают в Европе больше территории, чем места в её истории [18, с. 29]. Протоболгары оправданно представлены не только как ведущий элемент в создании раннего средневекового государства, но и как носитель высокой культуры. Она измеряется государственной традицией. Следует отметить, что оценка этой традиции получает развитие в текстах одного и того же автора в двух разных изданиях учебника для 11 класса [19, с. 28; 20, с. 30]. Им излагается

¹ С этого события датируется начало средневекового болгарского государства.

мнение, что протоболгары являются представителями не тюркской языковой общности, а индоевропейской¹. Более того, появилась теория о тождественности протоболгар и готов. «Так что готское крещение и есть болгарское крещение и готский перевод Библии, сделанный Вульфилой в IV веке, является болгарским переводом Библии». Исходя из этого, высказывалось предложение, опубликованное в журнале Министерства просвещения «История», о реализации в Болгарии проекта «Вульфила и европейская культура и коммуникация», который бы дал «шанс Болгарии переоценить свою культурную европейскую идентичность» [20, с. 27—28].

В сильной мере инициатива подобной смены идентичности принадлежит болгарским эмигрантам в Западной Европе, которые до 1989 г. поддерживали таким образом свое европейское самоощущение [22]. После перемен эта инициатива обогащается политическими коннотациями. Так, например, в начале 1990-х годов известный профессор истории XX в. высказался по национальному телевидению: «Если мы славяне, нас не примут в НАТО». В своих работах он же пытался доказать, что современный болгарский язык не относится к семье славянских языков. По его мнению, современный болгарский язык происходит от «урало-алтайских языков с сильным влиянием индоевропейских, в отличии от славянских языков, которые являются индоевропейскими с сильным урало-алтайским влиянием» [23]. Существуют и теории об шумерском происхождении протоболгар, о том, что их язык близок к санскриту и ему подобным. А с учреждением фонда «Тангра-Танакра»² паралисториографические исследования протоболгар находят поддержку у профессиональных историков, убеждённых в возможности сделать новые открытия в области истории протоболгар. Хотя, как и раньше, основной проблемой исследований протоболгар является отсутствие новых и достоверных источников, особенно письменных.

Попытки придумывать, «воображать» свою неславянскую идентичность отмечаются и в бывших югославских республиках. Хорваты ищут свой иранский этногенез, словенцы возрождают миф XIX в. о своём венецианском происхождении, македонцы находят свои корни в античности времен Александра Македонского, а боснийцы — в богомилах [24].

Хотя интерпретации протоболгар на грани паралистории и истории все же находят место в некоторых учебниках, следует отметить преобладание там стремления придерживаться научной точности в вопросе о причинах Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. В одном из учебников сделано уточнение, что Россия начала эту войну не из-за жертв болгарского восстания в апреле 1876 г., как раньше считалось, а из-за потери Сербии в Сербско-турецкой войне летом 1876 г. [19, с. 249].

В то же время, во всех учебниках воздерживаются от другого уточнения, а именно — что проникновенная речь Виктора Гюго перед французским парламентом по поводу массовой резни болгар летом 1876 г. в городе Батаќ, давшая основание великому писателю осудить право существования Турецкой империи, убивающей своих поданных, тоже была посвящена Сербии и произнесена по поводу той же

¹ «Устаревший и сохранившийся до недавнего времени тезис о тюрском происхождении древнеболгарского языка уже отспаривается некоторыми языковедами всерьез, — пишет автор учебника. — ...На нынешнем этапе навязываются два вывода, которые тоже нельзя принять безоговорочно.2. Язык (древних болгар) сравнительно хорошо обособлен и характеризуется иранскими корнями и памиро-ферганскими лексемами». [21].

² Тангра — верховный бог протоболгар.

Сербско-турецкой войны. Просто француз не знал, что Батак находится не в Сербии [25]. Эта речь всегда рассматривалась как пример европейской солидарности с жертвами болгарского восстания 1876 г. И учебники 1990-х годов не составляют исключения в этом отношении.

Отмежевание от «плохого Востока» прослеживается в публикациях в прессе о «другом лице» войны, изображающих страдания бегущих из Болгарии турок, или о «Янусовом лице героев» — европеизированного Осман Паши и гонителя кавказцев генерала Скобелева [26].

В болгарском обществе уже 17 лет ведется дискуссия по поводу даты установленного в 1990 г. нового национального праздника — 3 марта. В этот день в 1878 г. был заключен прелиминарный Сан-Степанский мирный договор между Россией и Турцией, согласно которому новое болгарское государство включало почти всю этническую территорию болгарской нации.

Споры о национальном празднике и о войне 1877—1878 гг. идут и среди историков. Так, одни настаивают на том, чтобы наука преодолела «нашу предубеждённость, что русские солдаты всегда хорошие, а турецкие — только плохие», другой же учёный утверждает: «Я глубоко убеждён, что мы не можем и не должны ни в коем случае лишиться этой предубеждённости относительно спасительной миссии русской армии, потому что, следя подобному подходу, рискуем потерять и Болгарию» [27]. Очевидно, что споры вокруг Русско-турецкой войны будут продолжаться. Эта война останется объектом различных научных интерпретаций, хотя последние празднования 3 марта демонстрируют понимание со стороны и учёных, и населения, что демифологизация Русско-турецкой войны не отменяет того факта, что именно этой войной Россия утверждает в Европе современное болгарское княжество. Так, например, в северо-восточной Болгарии есть сёла, названные именами болгарских военных, павших во время первой мировой войны в боях за Южную Добруджу: «Порутчик Чунчево», «Полковник Свещарово», «Фельдфебель Дянково», «Ефрейтор Бакалово» и т. д. Тогда, как известно, болгары воюют вместе с турками против бывших своих освободителей — русских и румын. Летом 2004 г. жители этих сёл — болгары, турки, цыгане на вопрос «знают ли они что-либо об этих личностях?» ответили: «Они сражались против турок и они герои Русско-турецкой войны» [28]. А в 2005 г. болгары в интернет-опросе оценили «Освобождение Болгарии в 1878 г.» как топ-событие своей истории.

Негативные оценки Русско-турецкой войны в обществе и в историографии всегда были связаны с чувством обиды болгар за то, что Россия не способствовала болгарскому национальному объединению в форме Сан-Степанской Болгарии. Одни авторы подчеркивают её предпочтения в отношении Сербии при проведении переговоров на Берлинском конгрессе 1878 г., когда перечеркивается договорённость, достигнутая в Сан-Степано, и независимое болгарское государство утверждается в границах нынешней Северной Болгарии [18, с. 267—268]. Другие констатируют, что «несмотря на изначальную справедливость, то, что границы Сан-Степанской Болгарии определены иностранцем (русским послом в Константинополе графом Н. Игнатьевым, именем которого названа одна из центральных улиц болгарской столицы — И. М.) очень неблагоприятно с точки зрения будущего развития». Данное обстоятельство «позволяет неприятелю спекулировать границами, установленными в 1878 г.» [29].

ными в Сан Стефано, а болгарам — колебаться между признательностью Европе и ненавистью к ней» [29].

«Действительно ли, — спрашивают третий, — Берлинский конгресс виновен в распаде Болгарии, которым Дизраэли и Бисмарк перечеркнули «возвышенное и бескорыстное освободительное дело» России, что втолковывали нам с ранних лет на уроках истории. Эта легенда — одно из тех злонамеренных искажений исторической правды, которая в новое время граничит с гротеском. Виновата в неуспехе русской освободительной акции плохая и недостаточная с дипломатической точки зрения подготовленность этой акции, как и военный способ ее реализации Россией» [30]. Из этой цитаты очевидно, что негативное отношение к Русско-турецкой войне является реакцией на ее апологетическую интерпретацию в прежних социалистических учебниках.

Многочисленные публикации, демифологизирующие Русско-турецкую войну, появляются в первой половине 1990-х годов, особенно в 1993 и 1996 гг. Эти два года, судя по интенсивности публикаций в дидактической литературе, на мой взгляд, были «пиковыми» по отрицанию русского Востока в болгарской национальной судьбе.

Интересно отметить, что сторонняя в данном случае — английская историография в лице Ричарда Крамптона, не разделяет подобного отношения. Он продолжает придерживаться существовавшей до 1989 г. в болгарской историографии интерпретации той войны, хотя имел возможность внести исправления в свою книгу, написанную в 1988 г. и вышедшую на болгарском языке в 1994 г. Для него Сан-Стефанская Болгария — «беспокоющий фактор для англичан и австрийцев, которые опасаются, что новое государство превратится в передовой эшелон русского влияния на Балканах. После продолжавшегося несколько месяцев напряжения русские отступают и в Берлине Сан-Стефанскую Болгию разламывают». Для автора самой читаемой англоязычной «Краткой истории Болгарии» несколько «не странно, что болгары выбрали для своего праздника освобождения дату Сан СтефANO, а не дату Берлинского конгресса» [31].

Следствием Русско-турецкой войны является установление Временного русского управления в Болгарии. И хотя во всех учебниках его деятельность положительно оценивается как основополагающая для главных институций нового государства, в одном учебнике употребляется понятие: «русские оккупационные войска» [32]. Это понятие, пришедшее из документов тогдашней эпохи, в контексте создания новой идентичности в конце XX в. несет негативный оттенок, сразу указывая на связь с используемым и в науке, и в обществе определением советского военного присутствия после 9.09.1944 г. Тогда левая коалиция, в которой коммунистическая партия имела внушительные позиции, приходит к власти на волне вступления Советской армии в Болгарию — союзника фашистской Германии. Следует отметить, что не все болгарские исследователи придерживаются оценки советского военного присутствия как оккупации. Но споры в науке не имеют большого значения для интерпретаций роли советской армии политическими партиями. Так, 19 июля 2004 г. группа политиков объединилась в «Инициативный комитет по ликвидации памятника Советской армии в Софии», вновь выдвинув эту идею перед обществом. В состав комитета вошли лидеры и политики правого толка, такие как: Анастасия Мозер — секретарь Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС-НС), Тошо Пейков — член движения

«Оборище», депутаты Лучезар Тошев из Союза демократических сил (СДС) и Иван Иванов из Объединенных демократических сил (ОДС). Они напомнили о решении общинного совета города Софии от 1993 г. о ликвидации этого памятника. Новая правая партия «Демократы за сильную Болгарию»¹ предложила провести референдум на эту тему. Призыв ее звучал: «Освободите как можно скорее *болгарскую* столицу от этого мрачного символа ещё более мрачного прошлого». Несмотря на название комитета, инициаторы категоричны в своей уверенности, что «монумент следует не разрушать, а демонтировать и перенести в специальный заповедник или аллею символов коммунизма, где экскурсовод будет показывать языческое скульптурное искусство времен соцреализма» [33].

Антисоветизм переходит в русофобию в публичном пространстве. Его можно заметить на интернет-форумах «за» и «против» памятника Советской армии. Процитирую одно высказывание: «Вообще Россия всегда стремилась подчинить нас любыми способами, если не силой, то духовно. Насчет памятника *Советской* армии не думаю, что его надо разрушать, это часть нашей истории, у которой мы должны научиться быть более умными в будущем» [34].

Подобное смешение антисоветизма, антикоммунизма и русофобии ведет к пренебрежению образом репрессированных национальных коммунистов как фактора прощения с русским/советским Востоком. Поэтому в учебниках с середины 1990-х годов и в начале XXI в. личность такого коммуниста, как Трайчо Костов, присутствует лишь в виде фотографии, без пояснительного текста, несмотря на попытки некоторых историков развить позднесоциалистическую интерпретацию этой фигуры. В новых условиях Т. Костов получил дополнительные характеристики человека, «который был готов воздержаться от развития наших торговых отношений с СССР. Ему была не чужда идея свободного рынка» [35]. Не Т. Костова, а другую историческую личность используют для прощения с «плохим» Востоком посредством пересмотра его образа и в науке, и в обществе. Это упомянутый выше противник Российской империи — Стефан Стамболов, который правил семь лет страной диктаторскими методами. В 1990-х годах был создан кульп его противоречивой личности, который нашел выражение не только в пьесах, ему посвященных, но и в воздвигнутом ему памятнике в центре столицы. Этот кульп нашел свое отражение и в науке. Его восхваляют за смелость в противостоянии Российской империи, усматривая в этом один из ярких, но малочисленных примеров политической самостоятельности болгар. Но замалчивается, что направление, которое поддерживал Стамболов во внешней политике, оказалось фатальным, по мнению некоторых ученых, с точки зрения поставленной цели — достижения болгарского национального идеала [36, с.72]. Как делится впечатлениями один известный академик, во время чествования Стамболова в 1994 г. в его родном городе Великое Тырново: «было проявлением дерзости просто высказываться критически о Стамболове» [36, с. 77].

Рассмотренное выше состояние исторической науки обязано нереализованному историографическому дебату, который уже 17 лет осуществляется только в контексте политического и поколенческого переворота в науке. Поэтому в боль-

¹ Эта партия части бывших членов СДС, сторонников его бывшего лидера Ивана Костова, которая возникла в 2001 г. и заявила о себе как патриотическая и антикоммунистическая партия.

шинстве нынешних исторических текстов рождаются зеркальные, «перевёрнутые» оценки явлений одного и того же порядка.

Несбалансированому прощанию с Русским Востоком в болгарской национальной судьбе способствует инстинкт самосохранения и общества, и науки. Таким, самым безболезненным способом и общество, и наука ответили на требование политического момента — на необходимость отмежеваться от своего имиджа самого верного русского/советского спутника перед новыми западноевропейскими партнёрами. Это связано с комплексом неполноценности, характерным для малого народа, перед которым, если не все, то некоторые из Великих сил виноваты в его исторической судьбе.

Проблемы прощения с «плохим Востоком» в болгарском общественном и научном сознании связаны и с двойственностью, характерной для отношения объединённой Европы к России. Строители единой Европы осознают, что формирование новой европейской идентичности требует противостояния. Весь вопрос — кому? России, Евразии, мусульманскому миру? «Холодная война» дала возможность западноевропейцам максимально активно использовать чувство своего единства. Кто сейчас будет играть роль антилода, чтобы все европейцы могли обеспечить себе общую идентичность? При создании паневропейской идентичности появляется риск культурного исключения» [37]. Чтобы избежать этого негативного процесса, рекомендуют акцентировать уважение к культурному своеобразию. А оно неминуемо связано с прошлым каждой страны, с её историей, со спецификой национального развития. Для болгарского случая это сильная связь с Востоком. Следовательно, чтобы быть настоящими европейцами, болгары должны цивилизованно попрощаться с Востоком. Следуя примеру примирения с Османским Востоком можно осуществить рациональное, а не эмоциональное осмысление Русского/Советского Востока в болгарской национальной судьбе. Признаки такого подхода уже заметны и в научной литературе, и в обществе. Наверное, нужно еще немного времени, чтобы историческая наука окончательно отказалась от комплексов и смогла провести нормализацию в обществе восприятия Русского/Советского влияния в болгарской судьбе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даскалов Р., Еленков Ив. Защо сме такива? С., 1993.
2. Гаврилов Б. Историческите митове и «полезното минало» // История. 1993. Кн. 6. С. 35.
3. Brunnbauer U. (Re) Writing History — Historiography in Southeast Europe after Socialism. Studies on South East Europe / ed. Prof. Dr. K. Kaser (Graz). Zitverlag Munster, 2004. Vol. 4. P. 21.; Höpken W. «Kontinuität im Wandel»: Historiographie im Bulgarienseit der Wende // Österreichische Osthefte. Jahrgang 44. Wien, 2002. Heft 1/2. S.494.
4. Бикова В. Манипулации и спекуляции с этикета «България» // <http://oshte.info/detonacia/07/20det0/veronika.htm>; Илчев И. За чалгата в историята // Сега. Бр. 5. 7 ян. 2005.
5. Димитрова Сн. Когато теорията на историята се мисли за излишна // Социологически проблеми. 2005. Кн. 1—2. С. 31.
6. Todorova M. The Ottoman Legacy in the Balkans // Etudes balkaniques. 1994. №. P. 66, 79; Лори Б. Съдбата на османското наследство. Българската градска култура 1878—1900. С., 2002.
7. Желязкова А. Разпространение на ислама в западнобалканските земи под османска власт (XV—XVIII в.). С., 1990.

8. Георгиева Цв. Историята на българския народ в ранните векове на османското владичество (XV-XVIIв.). Изследвания, особености, дискусии // История. 1997. № 3—4. С. 32.
9. Везенков Ал. Очевидно само на пръв поглед: Българското Възраждане като отделна епоха // Литературен вестник. Бр. 25. 23—29.06.2004.
10. <http://shipka1.hit.bg>
11. <http://www.kompas.bg.com>
12. <http://anketi.abv.bg>
13. Грекова М. и кол. Националната идентичност в ситуация на преход: исторически ресурси. С., 1995/96. С.35.
14. Димитрова Сн. Когато теорията на историята се мисли за излишна. С. 37.
15. Todorova M. Historiography of the Countries of Eastern Europe: Bulgaria // American Historical Review. 1992. №. P.1108.
16. Тодев Ил. 9-та национална школа на младите историци // Исторически преглед. 1989. № 10. С. 78—82; Исусов М. Историческата наука и нашата съвременност // Исторически преглед. 1991. № 1. С. 8.
17. Исусов М. Последната година на Трайчо Костов. С., 1990; Исусов М. Сталин и България. С., 1991.
18. История на България за 11 клас на СОУ. София: Просвета, 1996.
19. История на България за 11 клас. С.: Отворено общество, 1996.
20. История и цивилизация на България за 11 клас. С.: Планета З. 2001.
21. Стамов В. Вулфила — изначалието на европейската толерантност // История. 2004. №1. С. 32—33, 39.
22. Iliev II. On the History of Inventing Bulgarian History // IWM Working Paper №/2000, Vienna. P. 9—13.
23. Цветков Пл. За езика на българите — на какъв език // История на българите, потребност от нов подход. Преоценки. Т. 1. С., 1998. С. 175—197.
24. Höpken W. From «Ideology» to «Hypermnnesia»? Historiography and Memory in the Post-Communist Balkans. Paper to the Conference «Remembering Communism». Braunschweig, 22—23. 9. 2003.
25. Маркова З. Виктор Юго и «балканската география» през 1876 // Исторически преглед. 1997. № 2. С. 108—113.
26. Ильчев Ив. Другата война. Янусовото лице на героите. Част II // Сега. 22 февруари 2003.
27. Митев Пл. Размисли върху Руско-Турска Освободителна война (1877—1878) // История. 1994. № 2. С. 57; Глушков Хр. Руско-турската война от 1877—1878 г. се нуждае от компетентна и обективна оценка // История. 1995. № 5. С. 34.
28. Панов Б. Пагони по география // Сега. 21 август 2004. С. 15—22.
29. Ильчев Ив. Митът за Санстефанска България като «свещена крава» на българския патриотизъм // История. 1995. № 6. С. 60.
30. Попов Ст. Сто години българска свобода // Българската идея. Исторически очерци. С., 1994. С. 15—40.
31. Крампън Р. Кратка история на България. С., 1994. С. 38.
32. История и цивилизация на България за 11 клас. С.: Кръгозор, 2002. С. 250.
33. <http://www.kompas.bg.com>
34. <http://forum.abv>
35. Никова Г. «Големият заговор» в България (1949—1953г.) // Лица на времето. 1997. № 2. С. 93.
36. Димитров Ил. ...История има и става народ... // История. 1994. № 4—5. С. 72.
37. Karlsson I. How to Define the European Identity Today and in the Future? // J. Jansen (ed.) Reflections on European Identity. European Commission. Brussels. 1999. P. 68—69. Цит. по: Ватова Ив. Идентичност и култура в съвременния европейски контекст // Социологически проблеми. 2003. Кн. 3—4. С. 262.

Научная жизнь

Восточноевропейские исследования 3, 2006

Марек СКОВАЙСА

Презентация журнала «Восточноевропейские исследования» Прага, Вилла Ланна, 5 декабря 2005 г.

В начале декабря прошлого года под патронатом Социологического института АН ЧР прошла встреча, на которой чешской академической общественности представлен новый журнал «Восточноевропейские исследования» (*Východoevropske studie*). Журнал, который выходит на русском языке и издается Российской академией наук, представила его основательница и главный редактор Наталья Коровицына вместе с соредактором Ладиславом Махачеком, работающим в Университете св. Кирилла и Мефодия в Трнаве. В залах виллы Ланна по этому случаю собралось несколько десятков гостей из России, Словакии, Чешской Республики и других стран Центральной и Восточной Европы. Помимо обоих шефредакторов, перед собравшимися выступили посол Российской Федерации в ЧР А. Л. Федотов, Павел Махонин (СИ АН ЧР, Прага), Люба Кралёва (Университет П. Й. Шафарика, Кошице), Илияна Марчева (Институт истории Болгарской академии наук, София), Эмил Ворачек (Исторический институт АН ЧР). Председательствовал на собрании Милан Тучек.

Появление журнала стало возможным прежде всего благодаря инициати-

ве российско- словацкого редакционного тандема, который нашел поддержку со стороны Отделения историко-филологических наук Российской академии наук, Национального комитета историков и двусторонней Комиссии российских и словацких историков. В 2005 г. вышли первые два номера, в нынешнем году, как ожидает совместная российско- словацкая редакция, журнал будет выходить ежеквартально. В определении издательской политики участвует международный редакционный совет — как следует из названия журнала, включающий представителей стран Центральной и Восточной Европы. От Чешской Республики в редсовет входят Милан Тучек (Социологический институт АН ЧР) и Олдржих Тума (Институт современной истории АН ЧР), наряду с представителями болгарских, венгерских, немецких, польских и, конечно, российских общественных и гуманитарных наук. Из этих стран, а также, например, из Белоруссии и Сербии, и авторы, статьи которых опубликованы в журнале «Восточноевропейские исследования».

Новый журнал последовательно ориентирован на роль международного и междисциплинарного периодическо-

См.: Skovajsa M. Prezentace časopisu // Sociologický časopis «Восточноевропейские исследования» / Czech Sociological Review 2006, № 1.

го издания. Помимо социологических текстов, в нем печатаются статьи, относящиеся к сфере политической науки, социальной антропологии или истории, что далеко не исчерпывает набор всех профессиональных дисциплин, находящихся в поле зрения. Пространственная ориентация журнала тоже очень широка, что следует из самой его концепции, и отражается в многообразии исследований, посвященных конкретным странам пространства Центральной и Восточной Европы, как и опыту их сравнения с целью познания социальных процессов, происходящих в настоящее время во многих странах этого региона. Совсем неслучайно, редакционную статью первого выпуска журнала оба соредактора посвятили теме международных сравнительных исследований в Центральной и Восточной Европе после 1989 года.

Важный элемент концепции нового журнала заключается также в освещении точек зрения на внутренние проблемы стран региона ученых самих этих стран, отвечающий стремлению поддерживать среди них дискуссию об этих проблемах. В этом можно усмотреть отличие данного журнала от существующих периодических изданий, издаваемых на английском языке, таких как *«East European Politics and Societies»*, *«East European Quarterly»* или *«The Slavonic & East European Review»*, в которых находит место, подчеркнем, не менее законная, перспектива внешняя, то есть взгляды преимущественно западных авторов. Значительна и широта проблематики, которой уделяется внимание на страницах нового журнала. Перечень тем, поднятых уже в первых двух номерах, очень многообразен: изменения российских политических институтов, постсоветская трансформа-

ция, гражданское общество в Словакии, кристаллизация социального статуса в чешском обществе, средний класс в Польше, изменения в польском селе, сербские экономические элиты, молодежь и европейская идентичность в Словакии и Чешской Республиках, изучение общественного мнения в Словакии в конце 40-х годов прошлого столетия, перестройка с точки зрения российских граждан, модернизация в балканских странах, социальные неравенства и глобализация, новые социальные иерархии в посткоммунистических обществах, религиозность российского населения, изменения ценностей белорусского населения, неоконсервативные взгляды на российское общество, венгерские культурные элиты, болгарская оппозиционная культура 1980-х годов, культура смеха в анализе новых слоев российского общества. Из вышеупомянутого очевидно, что новый журнал открыт самым различным отраслям, специализациям и вариантам социологии, как и других дисциплин. Среди авторов статей, опубликованных в новом российском журнале — ряд известных имен, таких как Павел Махонин, Клаус Мюллер, Хенрик Доманский, или уже покойный словацкий социолог Роберт Рошко. В связи с этим пока рано судить о том, кого будет включать круг авторов журнала, и формируется ли он как постоянный, или главные редакторы будут черпать все новые имена из обширного резервуара авторских имен Центральной и Восточной Европы. Однако уже сейчас видно, что в журнале будут преобладать не российские авторы, а, напротив, совершенно явно — больше представителей нероссийских общественных наук.

«Восточноевропейские исследования» конституируют себя себе как специальный журнал с соответствую-

щей содержательной структурой. Главная рубрика — «Статьи», далее следуют «Эмпирические исследования», рубрики «Научная жизнь» и «Рецензии». Кстати упомянем, что в первом номере нового журнала в рубрике с рецензиями появился материал о «*Sociologický časopis / Czech Sociological Review*» наряду с «портретами» других трех социологических журналов стран региона — словацкого «*Sociologie*», польского «*Studia Socjologiczne*» и венгерского «*Szociológiai Szemle*».

Наталья Коровицына и ее словацкий соредактор Ладислав Махачек по их собственному выражению, про-звучавшему в Предисловии ко второму выпуску журнала стремятся заполнить вакuum, возникший в результате бурных социальных и политических перемен конца 80-х годов прошлого столетия, когда с распадом советской империи возник глубокий кризис, помимо про-чего, и в области научных интересов и взаимосвязей между государствами посткоммунистической Центральной и Восточной Европы, с одной стороны, и бывшими советским республиками, особенно Российской Федерацией, с другой стороны. Этот пробел, который журнал намерен заполнить, проявляется в недостаточной коммуникации между обществоведами и гуманитариями Центральной и Восточной Европы и отсутствии совместных усилий по изучению перемен, которые происходят во всех странах данного региона. Шефредакторы отрицают как «идеологический миф» мнение, что между посткоммунистическими странами Центральной и Восточной Европы и постсоветскими государствами существуют непреодолимые различия, препятствующие их анализу на совместной основе. Наоборот, руководство журнала убеждено в том,

что пространство Центральной и Восточной Европы можно исследовать как совокупность стран или — лучше — обществ, для которых характерны сходные социальные процессы и которые оказались перед во многом идентичными вызовами времени. Как бы то ни было со сравнимостью всего спектра процессов, происходящих в разных группах посткоммунистических обществ, не вызывает, очевидно, никаких сомнений, что сопоставление с другими обществами, стоящими перед подобными — хотя бы в некоторых отношениях — проблемами, может быть для чешской общественной науки однозначно плодотворным.

Времена, когда в Чехии могли рассматривать сравнения с другими посткоммунистическими государствами, включая ближайшие, как что-то чуть ли не позорное, минули уже в начале второй половины 1990-х годов, но, тем не менее, и сегодня для чешского читателя сопоставления с остальными посткоммунистическими, особенно постсоветскими, странами может приобретать оттенок чего-то ненадлежащего, по меньшей мере, излишнего. Это обусловлено доминирующими западными ориентирами чешского, как и подавляющего большинства других стран, пути трансформации и тем, что бархатная и другие революции были «догоняющими» в том смысле, который придал этому понятию в начале 1990-х годов Юрген Хабермас. Тем не менее, желание не превращается в реальность со дня на день и, догоняя и состязаясь, не следует забывать о возможности полезного сотрудничества и взаимной учебы на пространстве, которое возможно лишь в те худшие времена скреплялось только советским оружием. Без хотя бы короткого комментария не должно было бы остаться и решение редакции журна-

ла издавать его по-русски, не поддаваясь, таким образом, сильному влиянию английского языка как гегемонистского *lingua franca*, утверждающегося во взаимосвязях исследователей, говорящих на разных славянских языках. Некоторые выступающие на встрече в вилле Ланна обратили внимание на такого рода риск, когда журнал может стать практически недоступным многим молодым ученым из Центральной и Восточной Европы. С другой стороны, однако, для некоторых молодых авторов и исследователей это может стать стимулом освоения новых языков, роста компетентности в этой сфере и распространения профессиональных интересов на общества, в которых не только говорят, но и пишут иначе. Бессспорно, позитивна потенциальная роль нового журнала как моста, с помощью которого российские

обществоведы смогут познакомиться с результатами работы социологов из посткоммунистических стран, в том числе Чешской Республики, где знание русского языка в академических кругах уже давно не принадлежит к числу необходимых требований.

Возникновение нового журнала — всегда вещь совершенно не безусловная и очень трудная. Не менее важно, однако, журнал также сохранить и развить. Новому российскому обществоведческому журналу «Восточноевропейские исследования» и особенно его *spiritus agens* Наталье Коровицкой, соредактору Ладиславу Махачеку и всем остальным, кто участвует в его издании, надо пожелать в ближайшие месяцы и годы его существования много необходимой для этого настойчивости и выдержки.

Люба КРАЛЁВА

**Возникновение журнала
«Восточноевропейские исследования»
(его значение и смысл
для Центральной и Восточной Европы)**

У каждого человека есть такие дни, события или встречи, которые предопределяют его последующую жизнь. Таким памятным стал для меня день встречи в библиотеке Социологического и Философского институтов АН ЧР на Йильской улице, 1 в Праге с Натальей Коровицыной. Наше знакомство волннообразно развивалось и углублялось через общение по Интернету, многому я от Натальи научилась. Особенно — не судить о происходящем с горячей головы, понимая, что все требует времени, или добиваться поставленной цели, не оглядываясь ни налево, ни направо, не пугаться ни неприятия окружающих, ни сложных жизненных обстоятельств. Многие ее черты вызывают у меня уважение. Не только целеустремленность, но особенно способность доводить задуманное до конца. Что она является автором многих книг, уже служило проявлением этой ее способности, но было интересно наблюдать теперь ее упорство и последовательность в создании журнала **«Восточноевропейские исследования»**.

Своим возникновением он обязан ей. И появился как закономерный результат глубокого познания ею социальной и исторической мысли Центральной Европы, особенно чешской, словацкой, польской, а также венгерской.

На презентации журнала, организованной с большой торжественностью Социологическим институтом АН ЧР, который в Вилле Ланна 5.12.2005 г. достойно представляли Мария Чермакова (его директор) и Милан Тучек, прозвучало много мудрых мыслей. Я хотела бы подчеркнуть значение возникновения журнала **«Восточноевропейские исследования»**, издающегося на русском языке, с двух точек зрения: его значения для Центральной Европы, но и для самой России.

Сошлюсь при этом на свой собственный опыт. Более десяти лет я профессионально занимаюсь изучением словацкой, прежде всего восточнословацкой семьи. Моя гипотеза о промежуточном, пограничном характере словацкой семьи, учитывая, что как раз по

См.: Kralová Ľuba Vznik časopisu Východoeurópske štúdie (jeho význam a zmysel pre strednú a východnú Európu // Politologická revue. Červen 2006. № 1.

моравско-словацкой границе проходит гипотетическая линия Гайнала, разделяющая по характеру демографического поведения европейскую семью на ее западноевропейский и восточноевропейский архетипы, привела меня к необходимости изучения этих двух типов семьи. Стажировки в различных западноевропейских университетах позволили мне познакомиться с литературой, повествующей о характере западноевропейской семьи. В то же время я поняла, что мало знаю собственно восточноевропейскую семью. Моя недавняя краткая стажировка в Санкт-Петербургском государственном университете многое для меня прояснила, но многое осталось непонятным. Какова сегодня российская, украинская, болгарская, сербская, хорватская, а также польская или венгерская семья? К познанию этой реальности можно постепенно продвигаться на страницах нового журнала «Восточноевропейские исследования».

В одной из недавних пражских бесед с Илияна Марчевой из Института истории Болгарской академии наук я узнала, что сербская задруга тождественна болгарской традиционной расширенной семье. Можно, значит, говорить о балканской задруге. Но я впервые прочитала о задруге в одной из работ Э. Шортера, причем в переводе на французский язык.

Журнал, два номера которого вышли в 2005 году, представил и в последующем будет представлять научной общественности значительные статьи российских, белорусских, польских, чешских, словацких, немецких, венгерских, болгарских, сербских авторов, как и авторов других национальностей, принадлежащих региону Центральной и Восточной Европы. Авторов известных в своих странах, но никому незнакомых

в других частях этого региона. Незнакомых, ибо не все мы читаем по-польски, по-сербски, по-болгарски, по-чешски или по-словацки. Как еще в недавнем прошлом объединяющим языком восточноевропейского региона был русский язык — объединяющим в той мере, в какой не был принуждением — так сейчас, когда наши дети уже не учат в школе алфавит, как и сам русский язык, связующим звеном для научных исследований стал английский язык. Насколько он близок нашему региону, рассудит время. Однако последнее десятилетие показало, что он здесь укоренился и уверенно существует. И с этой точки зрения, думаю, не будет лишним журнал О Центральной и Восточной Европе на русском языке, чтобы статьи о себе не читать в английских мутациях журналов, издаваемых на центральноевропейском пространстве.

Известные авторы из стран Центральной Европы публикуют свои работы в иностранных журналах, участвуют в зарубежных грантах, распространяют по миру знания о том, что происходит в нашем регионе, о трансформации общественной системы. В этом обмене опытом, однако, могут плодотворно участвовать, прежде всего, непосредственные обладатели этого опыта. Жители Центральной и Восточной Европы с сорокалетним или семидесятилетним опытом строительства тоталитарного, точнее авторитарного пост тоталитарного политического режима. Поэтому обмен опытом трансформации на самом центральноевропейском и восточноевропейском пространстве особенно важен. Переход к либеральной демократии имеет здесь свои закономерности, тогда как западноевропейские, североамериканские и восточноазиатские страны совершили аналогичный переход в ином историческом и социальном контексте — в другое

время и в другом месте. Существуют характерные черты смены авторитарных, или тоталитарных политических режимов на демократические, которая произошла в странах Запада (подробнее о проблеме редемократизации и этапах перехода к демократии, а также падении политического режима в странах нашего региона см.: 2). Закономерности такого рода переходов и перемен повторяются или возникают типологически иные? Новый журнал «Восточноевропейские исследования» поможет найти ответ на этот и другие вопросы. А русский язык вместе с ним вернется к значительной части населения стран, которым сейчас так недостает фильмов Тарковского и Михалкова, романов Солженицына и Булгакова, песен Высоцкого, Окуджавы, Бичевской.

Россия до недавнего времени была карающим мечом и медовым пряником для стран Центральной и Восточной Европы. Командно-директивная экономика, основанная на традиции сильного централизованного государства, была навязана и другим странам региона, некоторые из которых (главным образом Чехословакия) знали демократические формы правления. После распада восточноевропейского социалистического блока, Советского Союза Россия в начале 1990-х годов осталась в одиночестве, лишившись внимания и широкого интереса со стороны центральноевропейских стран. Политологи стран этого региона были одними из первых, кто с середины прошлого десятилетия начали анализировать распадающееся пространство СНГ и отношения независимых государств [1, 24].

Российская сторона также не могла остаться равнодушной к интересному опыту реализации модели либерально-демократической трансформации,

достаточно своеобразному для каждой из центральноевропейских стран (подробнее см., например, 6—8; 10—21, 23 и многие другие публикации). Некоторые российские ученые осознали значение этого опыта для переходных процессов в их стране [3—5]. Но многие не могли прийти к такому пониманию по объективной причине. Им недоставало основного инструмента любой коммуникации — языка. Н Коровицына, читающая по-польски, по-чешски, по-словацки, помимо прекрасного знания английского языка, после многолетнего изучения работ центральноевропейских социологов и историков в полной мере открыла для себя и российского читателя смысл и пути трансформации этих стран для развития самой России и других стран восточноевропейского региона.

По моему мнению, особенно важно для трансформирующейся России, но также и Украины и Белоруссии (там, где все читают по-русски) обратить внимание на опыт строительства гражданского общества в Центральной Европе. Я имею в виду такое общество, в котором наивысшей ценностью является жизнь и достоинство человека, осуществление единства его прав — гражданских, политических и социальных [9], а также существует плурализм всех общественных подсистем и сфер общественной жизни.

Поэтому одной из важнейших задач журнала «Восточноевропейские исследования» может стать освещение взаимного опыта создания гражданского общества в Центральной и Восточной Европе. Ключевым для него является понятие *verejnosc'*. Тщетно будет искать русский эквивалент этого словацкого слова. *Общественность* не адекватно словацкому *verejnosc'* или чешскому *veřejnost*. Как *общественное* на русский перево-

дится наше и *spoločenské*, и *verejné*. Однако словацкое *verejné* противоположно по значению понятию *súkromné* (*частное*), хотя оба этих понятия входят (в соответствии с европейской традицией, сформировавшейся с началом перехода к обществу современного типа) в более широкое понятие *spoločenské*. Как происходит в России процесс создания и реализации *общественной политики*, если точно не определено само это понятие? Возможно, в ответе и на этот важный вопрос журнал «Восточноевропейские исследования» сыграет свою роль.

То правительство управляет обществом мудро, которое опирается на мнение общества — общественное мнение. Правительство и парламент должны принимать законы и осуществлять власть «посреди дебатирующей общественности» [22, с. 24]. Если это не так, со временем правительство уходит в отставку, а общество теряет характер демократического и приобретает черты авторитарного политического режима. Ведь сама общественность власть не осуществляет: она стоит над властью. Только в таком случае возможна жизнеспособная демократия как система коллективной власти граждан.

Журнал «Восточноевропейские исследования» может встать перед необходимостью поиска и формулировки ключевых понятий меняющейся общественной действительности стран региона. Пока не познанной, создаваемой гражданами новой реальности. Обществоведы и гуманитарии наших стран в этом процессе играют решающую роль.

В каком-то из писем Наталья в один из трудных моментов, когда череда препятствий на пути создания журнала казалась почти непреодолимой, написала, что русский человек не смиряется с ситуацией. Если необходимо, он не

постоит перед «ценой» для достижения благородной цели. Желаю ей совершить свой подвиг основания нового журнала, значение которого выходит далеко за пределы появления еще одного периодического издания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Duleba A. Slepý pragmatizmus slovenskej východnej politiky. Aktuálna agenda slovensko-ruských bilaterálnych vzťahov. Bratislava: Výskumné centrum Slovenskej spoločnosti pre zahraničnú politiku, 1996.
2. Dvořáková V., Kunc J. O přechodech k demokracii. Praha: SLON, 1994.
3. Коровицына Н. В. Агония соцмодернизации. М.: Наука, 1993.
4. Коровицына Н. В. Среднее поколение в социокультурной динамике Восточной Европы второй половины XX века. М.: Институт славяноведения РАН, Логос, 1999.
5. Коровицына Н. В. С Россией и без нее. Восточноевропейский путь развития. М.: Эксмо; Алгоритм, 2003.
6. Machonin P. Social transformation and modernization. Sociální transformace a modernizace. Praha: SLON, 1997.
7. Machonin P., Tuček M. Česká společnost v transformaci. K proměnám sociální struktury. Praha: SLON, 1996.
8. Mansfeldová Z., Tuček M. Současná česká společnost. Sociologické studie. Praha: Sociologický ústav AV ČR, 2002.
9. Potůček M. Sociální politika. Praha: SLON, 1995.
10. Roško R., Macháček L., Čambáliková M. Občan a transformácia. Bratislava: Edičná rada SAV, 1997.
11. Roško R. Slovensko na konci tisícročia. Bratislava: Veda, 2000.
12. Slovensko: problémy konsolidácie demokracie. Sporo, «pravidlá hry» pokračuje. S. Szomolányi (ed.). Slovenské združenie pre politické vedy. Nadácia Friedricha Eberta, Bratislava, 1997.

13. Slovensko 1996. Súhrnná správa o stave spoločnosti a trendoch na rok 1997 / *M. Bútora* (ed.). Bratislava: IVO, 1997.
14. Slovensko 1997. Súhrnná správa o stave spoločnosti a trendoch na rok 1998 / *M. Bútora, M. Ivantyšyn* (eds.). Bratislava: IVO, 1997.
15. Slovensko 1998—1999. Súhrnná správa o stave spoločnosti / *G. Mesežníkov, M. Ivantyšyn* (eds.). Bratislava: IVO, 1999.
16. Slovensko 2000. Súhrnná správa o stave spoločnosti / *M. Kollár, G. Mesežníkov* (eds.). Bratislava: IVO, 2000.
17. Slovensko 2001. Súhrnná správa o stave spoločnosti / *M. Kollár, G. Mesežníkov* (eds.). Bratislava: IVO, 2001.
18. Slovensko 2002. Súhrnná správa o stave spoločnosti / *M. Kollár, G. Mesežníkov* (eds.). Bratislava: IVO, 2002. I. a II. zväzok.
19. Slovensko 2003. Súhrnná správa o stave spoločnosti / *M. Kollár, G. Mesežníkov* (eds.). Bratislava: IVO, 2003.
20. Slovensko 2004. Súhrnná správa o stave spoločnosti / *M. Kollár, G. Mesežníkov* (eds.). Bratislava: IVO, 2004.
21. Szomolányi S. Kľukatá cesta k demokracii. Bratislava: Stimul — Centrum informatiky a vzdelávania FiF UK, 1999.
22. Taylor Ch. Liberální společnost a veřejnost // Liberální společnost. Praha, Filosofia, Nakladatelství Filosofického ústavu AV ČR, 1994. S. 17—53.
23. Tuček M., Bunčák J., Harmadyová V. Stratégie a aktéri sociálnej transformácie a modernizácie v Českej a Slovenskej republike. Brno: Doplněk, 1998.
24. Wlachovský M., Duleba A., Lukáč P. Zahraničná politika SR // Slovensko 1996. Súhrnná správa o stave spoločnosti a trendoch na rok 1997 / *M. Bútora* (ed.). Bratislava: IVO, 1997. S. 71—100.

Н. В. КОРОВИЦЫНА

**О создании международного журнала
по социальным и гуманитарным наукам
«Восточноевропейские исследования»**

(выступление на заседании

**бюро Отделения историко-филологических наук РАН
26 февраля 2006 г.)**

В феврале прошлого года бюро Отделения историко-филологических РАН поддержало российско-словацкую инициативу создания международного журнала о современном развитии региона Центральной и Восточной Европы и в качестве первого шага в этом направлении предложило подготовить pilotные выпуски нового периодического издания.

Прошедший год для нас с профессором Л. Махачеком из Университета св. Кирилла и Мефодия в Трнаве был важным и необходимым подготовительным периодом к началу полномасштабной реализации данного издательского проекта, когда в значительной степени определились его цели, задачи, риски и возможности. В чем мы не ошиблись — это состав редколлегии. За год возник международный коллектив, доказавший свою высокую эффективность, несмотря на разделявшие участников проекта расстояния, как и на многочисленные

трудности и препятствия на избранном пути. Формирование коллектива было особенно важно, поскольку именно коллегиальность является одним из главных принципов данного проекта. Каждая страна предлагает материалы для публикации, совместно решаются вопросы становления восточноевропейских исследований «на собственной основе», то есть силами самих восточноевропейцев. И это другой наш базисный принцип.

Проект посвящен междисциплинарному изучению региона мира, так называемой регион-системы, в которой прошла большая часть жизни каждого из нас. Для многих, не самая плохая ее часть, хотя бы в том смысле, что тогда и у нас, и у наших ближайших западных соседей существовали Академии наук, о которых осталось воспоминание. Однако с народами и культурными элитами бывших соцстран Россию объединяет не только недавнее прошлое Академий, но и весь исторический опыт, общие судьбы

как минимум двух поколений. Трудно отрицать, что это огромный культурный и политический ресурс. Однако ресурс России практически неосвоенный.

Стратегическая задача отечественной науки — на основе сравнительного подхода попытаться понять (во всем его многообразии) сформировавшийся в ходе модернизационного перехода второй половины XX в., но и всей предшествующей истории, тип культуры и путь развития общества восточноевропейского типа. Конечно, этот путь не завершился в 1989 или 1991 году: он продолжается в новых условиях, неотделимых от старых. И эта органическая, зафиксированная в неразрывности межпоколенческого опыта, взаимосвязь прошлого и настоящего по прошествии полутора десятилетий очевидна. Более того, именно здесь, в уникальной «социальной лаборатории» меняющейся на наших глазах Центральной и Восточной Европы (включая Россию) может родиться неизвестная пока миру альтернативная общественная система.

Сложилась такая ситуация, что восточноевропейские исследования проводятся главным образом в западных университетах и центрах. Существует десяток в основном англоязычных научных журналов по восточноевропейской и посткоммунистической, постсоветской проблематике. В центре их внимания находятся не только страны Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ), но все больше постсоветское евразийское пространство. Тему «Европа — наш общий дом», теряющую актуальность по мере интеграции стран ЦЮВЕ в Европейский Союз, сменила на ближайшие годы проблематика «Евразия — перспективы расширения сотрудничества». Пространство, которое раньше определяли «от Эльбы до Тихого океана», теперь называют — «от

Праги до Самарканда». «Изучение стран с общим постсоветским опытом, их народов и культур», составляющее предмет центрально- и восточноевропейских исследований, действительно является перспективным направлением современной науки — синтеза социальной и гуманистической мысли. Его практическая политическая значимость в нынешних условиях стремительно возрастает. Восточноевропейские исследования институализированы за пределами изучаемого региона в середине 1970-х годов. В последующие три десятилетия совершился процесс крушения восточного, советского блока. Тем не менее, Международному совету по изучению Центральной и Восточной Европы прошедший период представляется «прологом новых изменений». Соглашаясь с таким представлением, мы, однако, не хотели бы оставаться в стороне от этих изменений и их объективного анализа.

В самих странах бывшей соцсистемы с ее распадом фактически прекратились и региональные исследования — их научная основа, как и система подготовки специалистов-страноведов и регионоведов в России, нуждается в новых импульсах развития. После 15-летнего перерыва вместе с коллегами из других стран региона мы инициируем возобновление данного научного направления. Преодолевая его западоцентристическую асимметрию, мы формируем нашу версию восточноевропейских исследований, ее методологию, исходя из традиций, ценностей, интересов народов региона. Начинать надо с соотнесения позиций всех стран по ключевым вопросам современной истории. Степень расхождения этих позиций, как и самих траекторий развития стран, в течение всего периода после 1989—1991 гг. в России и других странах региона было

принято сильно преувеличивать. В действительности, все мы стоим перед необходимостью «возвращения домой», то есть отказа от нравственного релятивизма и вседозволенности периода рыночных реформ, морали общества потребления и религии денег — сомнительных приобретений 1990-х годов, подготовленных предшествующим периодом позднесоциалистического, «догоняющего Запад» общества.

Создание международного журнала является необходимым этапом научно-организационной деятельности на изучаемом пространстве. Эта деятельность могла бы получить свое продолжение и развитие в учреждении Международной ассоциации восточноевропейских исследований, предложенной редакцией журнала. Печатным органом Ассоциации станет журнал «Восточноевропейские исследования». Он призван способствовать постепенной интеграции в начале XXI в. самого восточноевропейского пространства, используя как научные ресурсы, так и (явно недооцененные) возможности гражданского общества стран региона. Характерный для них традиционный приоритет культурного и социального капитала по отношению к капиталу экономическому предопределяет преимущества данного региона в эпоху перехода к постматериалистическим ценностям, к «обществу знания».

Ближайшие европейские соседи России — народы центральной части европейского континента как своеобразного моста между Востоком и Западом — и в «советский период», как известно, находились в авангарде процессов совершенствования общественной системы, ее демократизации, «очеловечивания». После довольно короткого периода ментальной дезориентации, последо-

вавшего за сменой систем и геополитических ориентиров, в этих странах, как, впрочем, и в странах Юго-Восточной Европы, в интеллектуальной среде и массовом сознании практически исчезли идеологические преграды для возобновления сотрудничества с Россией. Напротив, определенный дефицит нашего присутствия вызывает удивление. Оттуда сейчас идут важные импульсы к пересмотру господствовавших на протяжении полутора десятилетий представлений об исторических судьбах нашего общего пространства на рубеже веков.

Возможно, в затянувшейся паузе в отношениях России со странами региона заключена одна из причин превзошедшего ожидания широкого интереса к презентации первых двух выпусков журнала в Праге в декабре прошлого года. Ее провела Академия наук Чешской Республики совместно с Посольством России в Чехии при участии Первого Чешско-Российского банка. Как известно, поворотным моментом в истории соцсистемы стали события Пражской весны 1968 года. Но не менее последовательно именно Чехия, чешские ученые, учитывая «уроки» всего предшествующего развития, выступают за гуманизацию капиталистического, неолиберального, как раньше госсоциалистического, пути развития, за необходимость поиска специфических для данного региона, его субрегионов путей развития, за национальные модели развития в условиях глобализации, за углубление связей с Россией. На пражской презентации прозвучало, что ошибочным было бы мнение об отступлении нашей страны на второй план мировой истории: она сохраняет свою роль не только военную и экономическую, но и научную и культурную. Возобновление в среде интеллигенции профессиональ-

ных контактов, интенсивно формировавшихся в начале — середине 1960-х годов, позволит специалистам из Чехии и других стран обратиться к огромной читательской аудитории не только России, но и мира.

В первых выпусках журнала собран представительный авторский состав — директора институтов, главные редакторы журналов, ведущие ученые. Из этих материалов складывается новый, неизвестный из других публикаций, явно изменившийся за полтора десятилетия образ восточноевропейской и в целом постсоциалистической реальности. Всматриваясь в этот совокупный образ, нам будет легче понять нынешнюю отечественную реальность. Введение в научный оборот целого пласта эмпирических данных и теоретической мысли, сформировавшегося за период с рубежа 1980—1990-х годов, в большой группе стран с развитой традицией академических исследований, значительно обогатит обществоведение и гуманитаристику каждой из этих стран. Освобожденная от политической риторики — коммунистической и либеральной — наука об обществе и человеке должна искать ответы на все более сложные вопросы времени. Спасительная приставка «пост» ко всем используемым ныне историческим и социальным понятиям и категориям не раскрывает смысла происходящих сейчас процессов и явлений, нуждающихся в профессиональном анализе. Надо, наконец, признать, что упрощенные и спрятленные импортные схемы перехода, «транзиции» от тоталитаризма к демократии как квазиоснова интерпретации восточноевропейской действительности навсегда остались в девяностых годах и подготовившей их массовой перестроечной эйфории.

Как показывает опыт, присутствие России в общественной мысли региона, точнее ее возвращение туда в виде создаваемого нами журнала очень важно. Это обязывает обществоведов и гуманитариев соседних стран учитывать и «российский фактор», ответственно корректируя взгляды и оценки, пришедшие из 1990-х. Особенно важно появление нового периодического издания для работы двусторонних комиссий историков в рамках Национальных комитетов историков наших стран. Деятельность журнала уже сейчас тесно взаимосвязана с работой комиссий — российско-чешской, российско- словацкой, российско-болгарской. Сама идея создания журнала родилась во время нашей с Ладиславом Махачеком встречи в декабре 2004 г. с председателем Комиссии российских и словацких историков, директором Института этнологии и антропологии РАН В. А. Тишковым, которого мы считаем основателем данного проекта.

На пражском заседании редколлегии ее состав расширен (с 9 до 12 человек) за счет представителей разных стран региона и социогуманитарных дисциплин. Органическое единство истории и социологии составляет основу журнала как междисциплинарного и межотделенного проекта, ставшего в полной мере инициативой Российской академии наук, в определенном смысле — ее исторической миссией. Проект еще немало послужит престижу РАН, а возможно и процессам возрождения Академий в странах региона, воспроизведству там молодой культурной элиты новой формации, тем самым, способствуя возвращению позиций стран региона в современном мире — во многом утерянным в конце XX века. Наконец, восстанавливается базисная для Цент-

ральной и Восточной Европы связь понятий «наука» и «жизнь».

Информационные материалы о создании нового международного журнала опубликованы в академических изданиях Болгарии, Словакии, Чехии, Польши, в российской периодической печати. Рождение международного журнала фактически состоялось. Главное — становление проекта шло естественным, подлинно демократическим путем, через нематериальную заинтересованность участников проекта из разных стран, благодаря профессионализму и гражданской ответственности

ученого. Есть все основания говорить, что проект рожден самим временем. Поэтому многое удавалось, несмотря на сложность и значительность нашей общей цели. Основными ресурсами ее достижения были и остаются, конечно, ресурсы человеческие, интеллектуальные, духовные. Мне посчастливилось в ходе работы услышать (на разных языках, хотя у нас язык общения русский) столько слов поддержки и одобрения, что это несопоставимо с преодоленными трудностями и препятствиями, как и теми, что неминуемо ждут нас впереди.

Р е ц е н з и и

Восточноевропейские исследования 3. 2006

Etnografia Polska (Warszawa)

В конце 2006 г. выходом в свет 50-го тома «*Etnografia Polska*» отметит свой полувековой юбилей. Журнал издает Институт археологии и этнологии (прежде — Институт истории материальной культуры) Польской академии наук. Институт основан в 1953 г. Вся история журнала тесно взаимосвязана с историей польской этнографии/этнологии/антропологии культуры.

Задачи журнала определены во Вступлении уже к первому тому «*Etnografia Polska*». Он был призван стать «отражением современной польской исследовательской мысли», информировать о результатах этнографических исследований, проводимых в Польше и других странах. Предметом особого внимания являются теоретические и методологические вопросы и проблемы этногенеза.

В «*Etnografia Polska*» публиковались результаты исследований по отдельным областям Польши, как и проведенные за пределами страны, в частности, в Чехословакии, Болгарии, Югославии, ГДР, Румынии и Венгрии. Особое внимание обращалось на так называемые дефицитные направления, к числу которых относилось изучение теории культуры первобытных обществ и этнографии Европы: сейчас можно сказать, что эта задача выполнена.

Авторы, публикующиеся в «*Etnografia Polska*», проводили междисциплинарные исследования традиционной и современной культуры польской деревни, размышляли над ролью этнографии в развитии общественных наук. Представлены также результаты работ над Польским этнографическим атласом, над монографиями по регионам Польши, посвященными реконструкции традиционной народной культуры этих областей.

В 1962 г. в Институте истории материальной культуры ПАН основан Отдел Всемирной этнографии. Создание его было связано с растущим интересом польских исследователей к внеевропейской проблематике. Увеличивалось и место этой проблематики на страницах «*Etnografia Polska*», где публиковались результаты изысканий, проведённых на разных континентах.

Самым значимым мероприятием в истории польской этнографии/этнологии, осуществленным за пределами страны, можно считать экспедицию, участники которой вели полевые исследования в Монголии. Результаты этих работ, реализованных в 1963—1980 гг., систематически публиковались в журнале. В частности, был показан процесс перехода от традиционной формы кочевой пастбищной экономики к экономи-

ке кооперативной, с характерными для неё элементами оседлости. Предметом изучения была адаптация монгольской молодёжи к кочевой среде, изменяющейся под воздействием урбанизации и индустриализации. Проанализированы сдвиги в сфере этнических отношений, в функционировании семьи и системах родства, в личностных образцах, в повседневной жизни и обрядах. Представлены также результаты уникальных в общемировом масштабе исследований этнических меньшинств, живущих на территории Монголии.

Научное сообщество с большим интересом встретило новаторские статьи в *«Etnografia Polska»*, подтверждающие возможность применения семиотического анализа в изучении разного рода движений, способов использования пространства, обрядов и всевозможных игр. Материалы, собранные во время полевых исследований в Монголии, широко использовались и для сравнительного анализа различных культур, зачастую территориально отдаленных друг от друга.

Успешно развивается в Польше американоведение. В статьях, публиковавшихся в *«Etnografia Polska»*, получили освещение современные культурные преобразования на примерах отдельных этнических групп Северной и Южной Америки, особенно — индейских общин. Рассматривались мифы, общественно-религиозные движения, верования и обряды. Большое место отведено вопросам участия поляков в развитии цивилизации и культуры латиноамериканских государств в XIX — XX веках.

В журнале печатались тексты, являющиеся результатом сотрудничества авторов из разных европейских стран. В качестве примера можно привести польско-болгарские исследования

1966—1970 гг., касавшиеся семьи, а также изменений послевоенного периода, происходящих в местных деревенских общинах.

В 1959 г. образована Международная Комиссия по изучению народной культуры Карпат. В реализации разработанных ею проектов, участвовали польские, чешские, словацкие, венгерские, румынские и украинские специалисты, а после расширения деятельности Комиссии на балканские страны (в 1976 г.) — болгарские и югославские ученые. В то же время Комиссия изменила свое название на Международную Комиссию по изучению народной культуры Карпат и Балкан. Наибольшее внимание уделялось хозяйству, архитектуре, фольклору. В исследованиях, проводимых в Европе, как и на других континентах, участвовали представители разных этнографических учреждений. Публикуя их работы, журнал *«Etnografia Polska»* выполнял функцию связующего звена между отдельными центрами, являясь превосходным дискуссионным форумом.

С начала 1970-х годов на страницах журнала проходила дискуссия, подводившая итоги 25-летних исследований. Одновременно отмечалась необходимость издания коллективного труда, который содержал бы синтетическое изложение этнографии Польши. В статьях, посвящённых программе работ над «Синтезом», анализировались теоретические и методологические подходы к осуществлению данного проекта, печатались его частичные результаты.

В 1970 — начале 1980-х годов в *«Etnografia Polska»* появлялись статьи о лемках, живущих на севере и западе Польши, о греках, проживающих в юго-восточной части страны, о польских цыганах и татарах, их связях с польской культурой. Публикация этих

материалов имела огромное значение, так как была свидетельством отхода от обязательной в социалистическую эпоху официальной картины польского общества как гомогенного в этническом/национальном отношении.

Трансформация общественной системы после 1989 г. дала возможность польским этнологам, как и исследователям в других странах Центрально-Восточной Европы, заняться многими темами, раскрытие которых было раньше невозможно, главным образом, по политическим причинам. Тогда же положено начало успешно развивающимся в последующем исследованиям этнических конфликтов, культурного пограничья, религиозности, отношений между этническими группами и доминирующей группой. Предметом особого внимания стала идентификация (этническая, национальная, культурная) разных групп. Большим интересом пользовалась (и пользуется поныне) тематика, относящаяся к полякам, живущим за пределами Польши. В течение многих лет подобные исследования проводились в западных странах. С 1989 г. польские ученые получили возможность вести полевые исследования на территории бывшего Советского Союза. Речь идет об изучении истории поляков и других народов, идентификации (этнической, национальной, культурной), условий ее формирования. Предметом изучения являются культура, религия, этнические отношения.

В «*Etnografia Polska*» представлены результаты полевых исследований, проведенных в России, Белоруссии, Литве, Украине, Казахстане, Молдавии, Грузии, а также за пределами бывшего СССР — в Румынии. Больше всего текстов посвящено Белоруссии. Анализировались детерминанты этнической

(национальной) идентификации поляков и других народов, этнические отношения, например, русско-белорусские, этнические стереотипы, общественные и религиозные отношения, смешанные браки, действия, предпринимаемые с целью сохранения культуры и языка отдельных групп, исторического сознания, рассматривалось отношение к изменениям, происходящим в Белоруссии после распада СССР и др. Обращается внимание на внутреннюю дифференциацию исследуемых обществ, деление на «своих» и «чужих», по типам идентификации.

На страницах журнала помещены материалы о месхетинских турках, ассиряцах, чеченцах и хевсурах, некоторых сторонах их истории и культуры. Публиковались статьи о проблемах иммигрантов в Швейцарии, староверов в разных странах Европы, а также о поволжских немцах, решивших переселиться на историческую родину в Германию.

Большое место занимают работы об этнических и национальных меньшинствах в Польше. Опубликован, в частности, цикл статей, посвященных тематике жителей Верхней Силезии, получившей впоследствии большой резонанс в нашей стране. Первый текст из этого цикла напечатан в «*Etnografia Polska*» уже в 1993 г. Вышли работы, касающиеся евреев, караимов, цыган и вьетнамцев, процессов их интеграции в польское общество, отношений с доминирующей группой, детерминантах идентификации, возможностях сохранения собственной культуры. Отдельный цикл статей посвящен потомкам немецких семей, живущим в западной части Польши. Показана история поселенцев, процесс их интеграции, связи с польской культурой и польско-немецкие отношения в разные периоды времени.

В «*Etnografia Polska*» опубликована серия статей о белорусском меньшинстве в Польше в межвоенный период. Рассматривалась, в частности, белорусская система образования, учреждения и общественные организации, политическая деятельность. Ситуация белоруссов представлена на фоне национальной политики тогдашних польских властей и политических реалий. В исследованиях использованы, в частности, неизвестные ранее документы из польских, литовских и белорусских архивов.

Обращение к проблематике этнических и национальных меньшинств открыло прекрасную возможность вспомнить о трудах довоенных польских исследователей (прежде всего Юзефа Обрембского и Евгению Франковского), использовать их идеи в работах современных авторов.

Конечно, журнал отражает лишь часть богатого достояния нашей научной дисциплины, хотя затрагивает важнейшие ее вопросы. Велись дискуссии по поводу названия дисциплины, её специфики, исследовательских возможностях, о связи отечественной этнографии с мировой наукой. Представлены тексты из истории науки. В журнале значительное место отведено биографиям ученых и малоизвестным фактам их научной жизни. Один из текстов, опубликованный в 47 томе журнала (2003 г.), касался сотрудничества между польским этнографом Адамом Фишером и выдающимся русским ученым Дмитрием Константиновичем Зелениным.

Новой исследовательской проблемой явился анализ эпохи социализма в Польше и других постсоциалистических странах. Анализировались такие явления современности, как глобализация, механизмы трансформации и их социально-культурные последствия. В

журнале опубликованы статьи о диалоге между религиями и религиозной ситуации в разных странах (в частности, в России, Белоруссии, Украине, США), о функционировании католических и православных приходов (на примерах бывшего СССР, Северной и Южной Америки, Польши).

На страницах «*Etnografia Polska*» обсуждалась проблема людей пожилого возраста в контексте разных культур, альтернативные способы жизни. Представлены результаты этнологических исследований нарастающих в настоящее время во многих странах мира явлений суицида.

В течение многих лет в «*Etnografia Polska*» преобладает этническая проблематика, представляются результаты изучения современных этнокультурных процессов, отражающие состояние научной дисциплины и интересы польских ученых. Среди многообразия тем, поднимаемых журналом, следует отметить: функционирование культа святых в современной народной культуре, образ общества в польском фильме в социалистический период, проблемы массовой культуры, символизм различных форм поведения, аспекты народных верований, способы проведения свободного времени.

В «*Etnografia Polska*» опубликована серия новаторских для польской гуманитаристики статей, представляющих направление, которое назовано антропологией танца. В них делается акцент на возможности интерпретации танцев, встречающихся в культурах мира, раскрытии их смыслов и значений, методике объяснения поведения через движение, например, в обрядовом контексте. Цикл статей посвящен соперничеству в культурах народов Азии — его обрядовой стороне, роли и месту в культуре,

связи с магией и процессом символической коммуникации.

Многие авторы обращаются к методологии этно-исторических исследований, а также участвуют в дискуссии о новых научных направлениях. Анализируются теоретические концепции (в частности, концепция *mimesis*, сформулированная Ренэ Жирардом). Обсуждалась адекватность понятия *dispout* в современной антропологии, как и вопросы терминологии, позволяющей описать происходящие перемены, в частности, отношение между этнической группой, народом и национальным меньшинством.

Обзор публикаций «*Etnografia Polska*» свидетельствует о богатстве и многообразии затрагиваемой на страницах журнала проблематики. На их основании можно также судить о множественности и разнообразии источников, используемых этнологами в своих работах. Это не только характерные для данной дисциплины полевые исследования, но и архивные источники, приходские книги, надгробные надписи, биографические материалы, письма, полевые записки исследователей, информация из Интернета, а также газетные материалы разных лет.

Постоянными рубриками журнала являются «Рецензии и дискуссии», а также «Хроника». Важное значение имеет непрерывное участие журнала в обмене научной информацией. Существенно, что публикуемые в журнале материалы дают начало рефлексии, дискуссиям и критическому анализу, инспирируют дальнейшие разработки.

Несмотря на далекоидущие изменения, произошедшие в течение 50 лет в дисциплине, называемой этнографией, позже этнологией и антропологией культуры, журнал изначально выходит под одним и тем же заглавием. Возможно, надо было бы его изменить, однако этого не делается, учитывая традицию и привычки Читателей.

Поводом для особой радости является возрастающий интерес молодых авторов к возможности опубликовать результаты своих исследований в «*Etnografia Polska*». Спустя некоторое время молодые исследователи примут эстафету поколений и будут создавать последующие номера журнала (возможно уже только в электронной версии). Надеемся, что они будут праздновать очередные прекрасные юбилеи издания, выходящего под названием «*Etnografia Polska*».

Ивона КАБЗИНЬСКА

Český lid. Etnologický časopis (Praha)

Журнал «*Český lid*», впервые увидевший свет в сентябре 1891 года, возник на фоне исторических событий, связанных с проведением крупных выставок в 90-е годы XIX века (Земская юбилейная выставка 1891 г., Этнографическая чешско-славянская выставка 1895 г.). Издание журнала стало ярким проявлением самосознания молодого поколения выдающихся ученых, отчасти вдохновленных еще идеями чешского национального движения XIX столетия. Вскоре вслед за этим последовало создание и других исторических и этнографических периодических изданий. Журнал «*Český lid*» выходит с небольшими перерывами вплоть до сегодняшнего дня и, таким образом, является одним из старейших — не только в центральной Европе (хотя в Чешских землях самую продолжительную традицию имеет, несомненно, журнал Национального музея, издаваемый непрерывно с 1829 г.).

Основателями журнала были два выдающихся представителя чешской интеллигентской среды рубежа XIX — XX веков — этнограф и историк культуры Ченек Зибрт и археолог Лубор Нидерле, их коллеги. Возникновение «*Český lid*» явилось логическим следствием большого интереса к истории и культуре Чешских земель, прежде всего, народной. С конца 80-х годов XIX в. этот

интерес становится все более заметным. Новой научной дисциплиной — народоведением, или этнографией и фольклористикой, увлекались в то время многие молодые ученые, писатели и политики.

Широкий интерес к жизни народа и изучению его материальной культуры, привычек и обычаям потребовал, помимо прочего, основания специального журнала, имеющего с самого начала многозначительный, указывающий на его национальную и славянскую ориентацию подзаголовок: «Сборник, посвященный изучению чешского народа в Чехии, Моравии, Силезии и Словакии». Согласно замыслу основателей, задача журнала заключалась в представлении итогов исследований образа жизни и культуры чехов с помощью новых научных подходов, используемых в процессе сотрудничества с ведущими европейскими учеными из славянских и неславянских стран. Первоначально журнал имел два раздела: антропологический и археологический, который вел Л. Нидерле, и историко-этнографический под руководством Ч. Зибрта. Однако вскоре выяснилось, что узко профессиональный характер журнала — недостижимая мечта. Даже при тесном взаимодействии с высококвалифицированными иностранными специалистами (Э. Б. Тэйлором, И. Шишмановым, С. Цишевским,

Ч. Тругелкой и др.) существовавший тогда недостаток отечественных авторов вынуждал печатать и научно-популярные статьи, особенно в рамках этнографического раздела Ч. Зибрта.

Зибрт изначально ориентировался на широкий состав авторов статьей для «Český lid». Надо сказать, что это его стремление увенчалось успехом, однако большинство авторов являлись скорее любителями-энтузиастами, поэтому издание содержало статьи преимущественно такого рода собирателей этнографического материала. В связи с этим журнал остро критиковали известные чешские ученые (В. Тилле, Й. Поливка, Т. Г. Масарик), что привело, в частности, к серьезному столкновению с Л. Нидерле, который через некоторое время покинул редакцию. Несмотря на подобные затруднения, «Český lid» превратился в главного и признанного глашатая возникшего чешского народоведения. Он информировал специалистов и общественность об итогах этнографических и исторических исследований чешского народа. Значение Зибрта для становления журнала настолько велико, что этот период его истории (до 1932 г.) иногда называется «зибртовским периодом», а журнал соответственно — «зибртовский» «Český lid».

Ч. Зибрт был талантливым специалистом с европейским кругозором и широкими, энциклопедическими знаниями. Он использовал их не только в работе над журналом, но и для воспитания нового поколения ученых, формирования круга непрофессиональных авторов. Именно для них он составил несколько анкетных бланков, опубликованных в журнале: корреспонденты заполняли их интересными фактами из области материальной и духовной культуры Чехии и Моравии. Несмотря на свое название,

«Český lid» никогда не сторонился словацкой проблематики, следя духу славянской взаимности, печатал и заметки словацких авторов. Ч. Зибрт подчеркивал значение этнографического и фольклорного материала для сознания народа, что было особенно важно в конце XIX в., когда Чешские земли составляли часть многонациональной Габсбургской монархии. И хотя с точки зрения современной науки национальную мотивацию можно рассматривать в качестве ограничителя объективного научного исследования, в том историческом контексте подобная постановка была вполне оправдана. Так как журнал издавался в формате А5, с большим количеством фотографий и рисунков (в том числе выдающихся художников, таких, например, как М. Алеш), он был общедоступен и популярен в широкой среде.

Кроме описательных, но информационно насыщенных заметок любителей, в «Český lid» публиковались и научно обоснованные исторические, народоведческие, археологические и антропологические статьи крупных чешских специалистов (О. Гостиńskiego, В. Тилле, О. Зиха и др.). Журнал стал ценным информационным источником в изучении народной архитектуры, одежды, жилья, кухни, народных ремесел, искусства, социальной культуры, семейной жизни, привычек и обычаяев, праздников календарного цикла и т.п.

Стремление Зибрта повысить качество раздела, включающего библиографии и рецензии, также достойно восхищения. Благодаря ему и Фердинанду Патеку возникла народоведческая библиография, которая затем постоянно пополнялась. В рубрике «Сообщения и рецензии» Ч. Зибрт помещал материалы международных съездов и конференций этнографов, информацию о выставках

и деятельности музеев. В журнале появлялись биографии и некрологи знаменитых этнографов и фольклористов практически со всего мира. Зибрт очень хорошо ориентировался в иностранной литературе, следил за журнальной периодикой других стран, поэтому благодаря «Český lid» научная общественность имела возможность познакомиться не только со славянской этнографией, но и, например, с американской культурной антропологией.

В 1914 г. после начала первой мировой войны журнал перестал выходить в свет и восстановлен Зибртом только в 1924 г., когда его начало издавать «Svátkovo nakladatelství». Несмотря на слабое здоровье, Ч. Зибрт продолжал свою организационную деятельность, хотя активность народоведов-любителей угасала. Бывшие сотрудники «Český lid» все больше публиковались в региональных журналах и сборниках, активно возникавших в Чехословакии в межвоенный период. Однако «Český lid» продолжал — в соответствии с представлением главного редактора относительно целей этнографии и ее роли — распространять знания о народной песни, национальных костюмах, праздниках и т. п. Правда, надо сказать, что профессиональный уровень журнала, особенно в конце 20-х годов прошлого века, несколько снизился. И неудивительно, спустя год после смерти Ченека Зибрта, в 1932 г. «Český lid» опять замолчал, на этот раз на пятнадцать лет. После этого перерыва он вновь начал издаваться и выходит поныне.

Когда в 1946 г. закончилась вторая мировая война, «Český lid» был восстановлен с подзаголовком «Ежемесячник истории села и народоведения». Инициатором возрождения журнала стал Карел Хотек, который стоял во гла-

ве журнала вместе с Антонином Волавкой (редактором был Зденек Главачек). В 1950 г. на смену А. Волавке пришел специалист по аграрной истории Вацлав Черный (в то время редактор — Франтишек Буланек). Журнал издавался редакционно-издательскими предприятиями чешских земледельцев «Brázda». «Český lid» теперь начали печатать в формате А4 и, несмотря на то, что в подзаголовке значилось «ежемесячник», он появлялся шесть раз в год, но в виде сдвоенных номеров.

По сравнению с последними «зибровскими» выпусками облик журнала значительно изменился. Он стал более современным, лучше отвечал актуальному общественному спросу. Редакция сотрудничала, прежде всего, с аграрными историками, сосредоточившись на статьях по истории села и сельского хозяйства и утверждая, что необходимо проводить исследования пограничных областей, которые вновь начали заселяться. Хотя К. Хотек продолжал привлекать в качестве авторов многих краеведов, со временем все чаще в журнале публиковались специалисты и выпускники вузов, журнал усилил ориентацию — в отличие от «зибровского периода» — на профессиональную аудиторию. В начале 1950 г. редакция сообщила об изменении политики журнала, повысив внимание к актуальным проблемам чешского села. Поэтому отдельные сдвоенные номера превратились в региональные монотематические сборники.

Переломным для «Český lid» стал 1951 год, связанный с приходом в то время в сферу гуманитарных и социальных наук Чехословакии исследователей, стоявших на радикально-марксистских позициях. Этот процесс был тесно связан с политической ситуацией в стране.

Новая плеяда народоведов выступала с критикой «буржуазной» этнографии и, руководствуясь советским примером, отстаивала свою концепцию этнографии и фольклористики в духе марксизма-ленинизма. Сменились исследовательские приоритеты: в центре внимания оказались рабочий класс, современное село (включая пограничье), вопросы общей и зарубежной этнографии.

С 1953 г. главным редактором «Český lid» была Ольга Скалникова, с 1963 г. — Ярослав Крамаржик. В 1954 г. исполнительным редактором журнала стала Ярослава Шойфлерова. Уже в первом номере новая редакция сформулировала идеиную политику журнала, отвечающую в духе времени задачам построения социализма. Выдвинуты четыре основных требования к работе журнала: 1. популяризация науки; 2. изучение перемен села; 3. информация о народном искусстве и его влиянии на культуру общества; 4. информация о развитии народоведения в Словакии и Советском Союзе.

В то время изменилось не только содержание журнала, но и его внешний вид. «Český lid» продолжал издаваться шесть раз в год, сдвоенными номерами, в формате А4, но появилась цветная обложка и, помимо фотографий и рисунков, еще и приложение — два дополнительных листа с цветным репродукциями предметов традиционной культуры (посуды, мебели, одежды, пластики и т.п.).

Сначала журнал издавал Кабинет народоведения Чехословацкой академии наук (ЧСАН), основанный в 1952 г., а с 1954 г. — Институт этнографии и фольклористики ЧСАН, возникший в результате слияния Кабинетов народоведения и народной песни. В то время роль журнала «Český lid» была несколь-

ко противоречивой. С одной стороны, он стал журналом чешского народоведения и прекратил заниматься организацией сбора материалов и краеведческой работой, которая переместилась в регионы. Туда направлялись высокообразованные специалисты, взявшие на себя систематическое руководство этой деятельностью. В журнале публиковались преимущественно сотрудники Института этнографии и фольклористики, другие специалисты возникающих в то время институтов ЧСАН. С другой стороны, «Český lid» потерял прежнее значение, так как был создан журнал «Československá etnografie». Он строился по примеру советской науки и издавался Институтом этнографии и фольклористики ЧСАН как тематически и методологически приоритетный центральный журнал: здесь, например, печатались почти все научные статьи по теме «нечехословацких областей». Но «Český lid» сохранял за собой функцию популяризатора.

Так продолжалось до начала 60-х годов XX в., когда оба журнала были формально объединены, и «Český lid» стал центральным периодическим изданием по этнографии в Чехии, тогда как в Словакии аналогичную роль играл журнал «Slovenský národopis», издававшийся с 1953 г. Словацкой академией наук. В 1950-х годах «Český lid», больше, чем другие этнографические журналы, находился, во всяком случае, декларативно, под влиянием коммунистической идеологии. В 1951 г. в журнале возникла новая редакция, члены которой принадлежали к так называемому марксистскому кружку, отличавшемуся своей радикальностью. В «Český lid» особое внимание уделялось чешскому народоведению или науке центрально-восточной Европы. Наибольшее распространение

нение на страницах журнала получили сообщения, касающиеся народоведческих музеев, выставок, юбилеев народоведов, конференций.

В соответствии с провозглашенными задачами в журнале публиковались итоги исследований, проводившихся под руководством Института этнографии и фольклористики, прежде всего в промышленных, рабочих регионах — вокруг городов Кладно, Острава, Мост, Пльзень, Раковник и в Росице-Ославанской области, — а также работы по проблемам социализации и коллективизации села. Неотъемлемой частью журнала являлись статьи, относящиеся к сфере традиционной культуры, искусства (расселение, постройки, сельское хозяйство, ремесла, костюм) и фольклористики, часто преобладающие над статьями этнографическими. Удивительно, что «*Český lid*» не уделял особого внимания теме меньшинств и новых поселений. В соответствии со своим названием он совсем не занимался и внеевропейским пространством. Продолжая традицию журнала, редакция часто обращалась к народоведческой литературе. В последнем, шестом номере регулярно печатался полный список литературы по народоведению, которая публиковалась в течение всего года. Этот список составлял Людвиг Кунц.

Либерализация политической и общественной жизни в Чехословакии в 60-х годах XX в. принесла целый ряд изменений не только в области этнографии, но и в самой редакции, в подборе тем для «*Český lid*». Редакция постепенно отказывалась от коллективных научных проектов крупного масштаба, углублялась специализация, что привело к развалу директивного управления основными исследованиями. На страницах журнала появлялись статьи,

отзывающиеся на происходящее в так называемой «западной науке» или написанные с социологической и даже социально-антропологической точки зрения. Некоторые авторы этих статей добились в следующие десятилетия признания и успехов за границей (напр., Л. Голы). Во главе журнала стояли Ярослав Крамаржик (1963 — 1969 гг.) и Владимир Шойфлер (1969 — 1973 гг.). «*Český lid*» издавался до 1971 г. с периодичностью шесть номеров в год и с 1972 г. — четыре раза в год. С тех пор журнал выходит в свет ежеквартально.

На смену насилиственно подавленным общественным переменам, отзвуки которых затухали в 1970-е годы, пришла так называемая нормализация — ужесточение идеологического контроля над научными исследованиями. Происходившие процессы очень сильно повлияли на чешскую или чехословацкую этнографию и фольклористику, и, конечно, не обошли стороной «*Český lid*». Хотя, если не считать идейно-политических статей, более существенных изменений в содержании журнала, к которым призывали «нормализаторы» (особенно Антонин Робек — директор Института этнографии и фольклористики ЧСАН и заведующий кафедрой этнографии философского факультета Карлова университета в Праге), после 1972 г. не произошло.

1972 год можно считать очередным переломным моментом в истории журнала. Во главе его стала тогда Анна Питтнерова, в 1976 г. ее сменила Вера Марешова, а с 1977 г. главный редактор — А. Робек. В то время редакция журнала отказалась от западных научных теорий, стараясь следовать советским образцам. Институт этнографии и фольклористики ЧСАН все больше концентрировался на изучении народа

и народного искусства периода национального возрождения, а также проблематики рабочего класса (прежде всего пражского), на этнических вопросах, связанных с пограничными областями и новыми поселенцами, на проблеме цыганского населения и иностранных рабочих. Результаты исследований по всем упомянутым темам публиковались на страницах *«Český lid»*, который продолжал играть роль базового периодического издания по данной специальности.

В отличие от предшествующего периода, почти полностью исчезли статьи по фольклористике и о состоянии этнографической науки за рубежом. Данный факт в определенной степени был обусловлен одновременным существованием нескольких специализированных журналов или серий, посвященных зарубежной фольклористике и этнографии. *«Český lid»* перестал публиковать сообщения о международных конференциях и науке в Западной Европе. Изменился и авторский состав. *«Český lid»* практически стал журналом Института этнографии и фольклористики, в котором все реже появлялись статьи авторов из регионов, был введен запрет на публикацию статей ряда авторов.

Только в середине 1980-х годов обстановка начинает понемногу улучшаться. Хотя сегодня мы, несомненно, отмежевываемся от сугубо политических или пропагандистских передовиц тех лет, нельзя не заметить, что в период нормализации, на страницах *«Český lid»* печатались многие качественные профессиональные тексты, особенно по истории материальной культуры (сельского хозяйства, ремесла, кустарного и домашнего производства, сельского строительства, интерьеров, экономических и технических построек). Таким образом, в целом журнал в течение десяти-

тилетий характеризовался относительно высоким уровнем этнографической и эвристической деятельности, вместе с тем существенно отставая в теоретическом и методологическом плане от интенсивно развивающихся социальных наук Западной Европы и США. С 1970 г. *«Český lid»* имел подзаголовок «Народоведческий журнал», что очень хорошо передавало его сущность.

Политические изменения ноября 1989 г. стали поворотным пунктом в истории чешской этнологии: это название научной дисциплины стало использоваться тогда в ЧР. Возникла совсем новая редакция журнала, которая разошлась с прежней во взглядах относительно авторского состава и концепции издания. Институт этнографии и фольклористики ЧСАН (позже АН ЧР, с 1999 г. — Этнологический институт АН ЧР) как издатель журнала и измененный редакционный совет взяли на себя обязательство рассмотреть статьи всех авторов, которые не были опубликованы по иным, нежели профессиональным причинам. К их работам проявлялся особый интерес. Коллектив редакции из двадцати сотрудников поставил задачу создания нового направления развития журнала *«Český lid»*.

Это новое направление, характерное для журнала и по сей день, можно определить как сочетание историко-этнографической традиции и постоянно расширяющегося спектра объяснительных исследований в области этнологии, а особенно культуры и социальной антропологии. Однако путь к новому облику журнала был далеко не простым. Большая заслуга, прежде всего, в подборе кадров для решения поставленной задачи принадлежит Зденеку Ганзлу — главному редактору журнала в 1990—2005 гг.

Важные изменения, имеющие символический смысл, коснулись и внешнего облика журнала. Решительное расхождение с «социалистическим» *«Český lid»* демонстрировали новая графика и формат (B5), принятые журналом с 1992 г. Постепенный переход к более современному понятию этнологии отражало изменение подзаголовка на «Журнал по этнологическим исследованиям» (1998 г.). В 1999 г. инициирована дискуссия об изменении названия и художественного оформления *«Český lid»*. Дискуссия привела к острому столкновению мнений, результатом которого стал компромисс — официальное название журнала осталось прежним, но на обложке теперь указывается: «Этнологический журнал». С новым подзаголовком и художественным оформлением журнал выходит с 2001 г.

Как изменилось содержание журнала? Необходимо констатировать, что *«Český lid»* адекватно отражает состояние и направление развития этнологии и связанных с ней отраслей науки в Чешской республике. В настоящее время журнал охватывает весь комплекс гуманитарных и социальных наук, включая краеведение, словесную, музыкальную и танцевальную фольклористику, этномузикологию, историческую этнографию, историческую антропологию, археологию, лингвистику и исследования в области так называемой европейской этнологии и культурной/социальной антропологии. Тексты, основанные на исторических методах, преобладали, по крайней мере, до 1990-х годов. Однако это не значит, что редакция *«Český lid»* стоит в стороне от различных изменений содержательного, теоретического и методологического характера, а скорее то, что отечественная традиция народоведческой работы очень сильна.

Широкая полемика последних двух лет относительно текста З. Р. Нешпора и М. Якубка «Что является или не является культурной/социальной антропологией» (*«Český lid»*, 2004, с. 53—79) доказывает, что редакция журнала не стоит в стороне от новых веяний.

Современный *«Český lid»* является, несомненно, ведущим чешским этнологическим журналом, который можно сравнить с аналогичными специализированными изданиями других стран. Журнал предоставляет возможность публиковать свои статьи не только известным чешским и иностранным специалистам, но и студентам, участвующим в университетских и послевузовских учебных программах. Для журнала характерны открытость прогрессивным взглядам и высокий профессионализм, обеспечивающий, прежде всего, анонимным рецензированием всех статей. С 2005 г. *«Český lid»* соответствует и формальным стандартам (публикуются резюме на английском языке, ключевые слова и координаты авторов в конце всех статей, введен новый порядок цитирования), требующимся для получения так называемого импакт-фактора (оценки цитируемости), который в настоящее время в Чешской республике считается показателем качества науки и вклада в научную работу. Однако стремление попасть в список цитируемых журналов наталкивается на препятствия, обусловленные механизмами деятельности соответствующих американских учреждений.

С сентября 2005 г. журнал издается новым коллективом (главный редактор Иржи Войтш, исполнительный редактор Катержина Седлицка), который сформулировал политику журнала в передовой статье № 1, 2006 г. Редакция поставила перед собой главную за-

дачу — повысить число высококачественных теоретико-методологических работ и, прежде всего, публиковать тексты на иностранных языках. Если «*Český lid*» хочет добиться признания на международном уровне, необходимо публиковать результаты исследований чешских ученых для иностранных читателей. Очень важно уделять внимание и отзывам иностранных специалистов на события, происходящие в чешской науке, участвовать в международных дискуссиях, обменах мнениями и т. п. Сосредоточиться следует и на тщательной концептуальной подготовке выпусксов, ежегодном издании как минимум одного монотематического номера. Не в последнюю очередь, предстоит решить проблему интернет-презентации журнала.

В заключение я хотел бы представить основные технические параметры журнала. «*Český lid*» издается четыре раза в год тиражом 500 экземпляров по 448 страниц каждый номер. К публикации принимаются статьи на чешском,

словацком и других языках. Журнал, прежде всего, ориентирован на освещение результатов чешских научных исследований. В каждом выпуске содержатся материалы, несущие актуальную информацию об итогах полевых исследований или изучения архивов (рубрика «*Материалы*»); сообщения о конференциях, семинарах, выставках, юбилеях известных ученых и т. п. (рубрика «*Конференции и Сообщения*»); рецензии (рубрика «*Литература*»). Иногда в «*Český lid*» появляются дискуссии или интервью. Журнал издается Этнологическим институтом Академии наук Чешской Республики, в состав редакционного совета входят (май 2006): Франтишек Бахенски, Душан Голы, Йозеф Кандерт, Олдржих Кацпар, Габриела Килиanova (Словакия), Зигмунт Клодницки (Польша), Петр Лозовиук, Ондржей Маньюор, Лидия Петраньова, Яна Поспишилова, Зденек Салзманн (США), Милена Сецка, Петр Скальник, Даниела Ставелова, Иржи Тракслер, Любомир Тиллер и Зденек Угерек.

Иржи ВОЙТИШ

Slovenský národopis (Bratislava)

Журнал «*Slovenský národopis*» ежеквартально выпускает Институт этнологии Словацкой академии наук. По своему содержанию, направленности и качеству статей данное издание сравнимо с другими подобными журналами Центральной Европы — «*Český lid*», «*Lud*» или «*Etnografia Polska*».

История журнала начинается в 1953 г., когда под руководством Яна Мъяртана, Яна Подолака и Рудольфа Беднаржика, выдающихся личностей в словацкой этнологии, вышел первый номер издания. Первоначально журнал был ориентирован на публикацию материалов о Словакии (в основном о словацком селе). Позже здесь начали публиковаться результаты научных исследований о городах, регионах, центральной Европе — по проблематике традиционной культуры, современного состояния и направлений развития этнологии. «*Slovenský národopis*» по сегодняшний день одновременно выполняет функции и научного журнала, и информатора этнологической общественности.

В «*Slovenský národopis*» несколько разделов. Авторами научных статей являются в основном сотрудники Словацкой академии наук, а также других научных и педагогических учреждений. Данный факт демонстрирует взаимосвязь между научным, педагогическим

и практическим компонентами этнографического исследования. Разумеется, уже в первых номерах журнала были опубликованы исследования и иностранных (прежде всего, чешских, польских и российских, а также немецких, американских и других) ученых. В журнале печатаются статьи, основанные на описании эмпирических материалов полевых исследований, особый интерес представляют и многочисленные статьи теоретического и методологического характера. Большинство выпусков «*Slovenský národopis*» посвящено одновременно нескольким темам. Однако выходили и монотематические номера, содержащие материалы конференций и семинаров, посвященных, например, народному строительству и межэтническим контактам (1976, № 2), семье и браку (1976, № 3), деревенской и городской архитектуре (1977, № 3), свадебным обрядам (1989, № 1—2).

Чисто эмпирические, нередко довольно объемные работы, собраны в разделах журнала под названием «Материалы». Рубрика «Дискуссия» посвящена отдельным научным точкам зрения, обсуждениям и спорам. Существует блок, содержащий информацию об актуальных событиях в области этнологии и родственных ей науках. Каждый номер традиционно завершает рубрика «Рецензии и аннотации», отражающая

самые значимые новинки отечественного и иностранного книжного рынка.

Часть статей публикуется на словацком языке, однако в настоящее время отмечается тенденция использовать английский язык. Каждое исследование сопровождается обширным содержательным резюме и списком ключевых понятий на английском языке. Редакция журнала предполагает издавать на английском языке хотя бы самые важные исследования каждого из номеров.

Большое количество интересных и высоко профессиональных статей вышло в *«Slovenský národopis»* в 2004 г.

Новые познания из области фольклористики содержит исследование Зоры Вановичовой «Фольклорные механизмы в коммуникационных ситуациях» (2004: s. 270—281). Автор сосредотачивает внимание, прежде всего, на практически забытой сфере «фольклорной ситуации как синхронного культурного и общественного контекста реализации фольклорных явлений» (2004: s. 273). Кроме того, в статье уделяется большое внимание особому виду замкнутой коммуникационной ситуации — повествованию — разговору, который характеризуется непредсказуемостью с точки зрения времени и нестабильностью по составу участников (может иметь, например, форму разговора во время поездки в автобусе, похода в гости, обмена информацией в диалоге или монологического превосходства одного из участников). Несмотря на то, что до настоящего времени проблематике разговора не уделялось достаточного внимания со стороны ученых (так как она не соответствовала некоторым критериям фольклористики и из-за сложностей с идентификацией механизмов понимания), этот вид фольклорной ситуации обозначается относительно стабильны-

ми коммуникационными условностями и характеристиками. З. Вановичова исследует с точки зрения фольклористики, например, формы повествования как иносказательного развлечения, интеллектуальной игры или любительского объяснения.

Феномен изгнания и факторы сохранения и усиления литературной идентификации рассматривает в своей статье «Изгнание с родины в эмиграцию: опыт евангелических священников в изгнании и эмиграции в XVII веке» Ева Ковальска (2004: s. 249—269). Целью работы является анализ процесса эмиграции как экстремальной ситуации, в которой оказалась группа протестантов. По мнению автора «изгнание как фактор, нарушающий непрерывность истории, память и различные уровни идентификации его участников, с другой стороны, предлагает реализацию потребностей, которые невозможно было удовлетворить на родине (свобода вероисповедания, профессии и гражданские права)» (2004: s. 250).

Авторами основного исследования *«Slovenský národopis»* № 2 за 2004 г. являются Галдис Гауканес (Университет в Бергене, Норвегия) и Фрэнсис Пине (Институт социальной антропологии Галле, Германия) (s. 103—121). Ключевыми понятиями исследования «Ритуал и ежедневная потребительская практика в чешской и польской деревне: понимание современности посредством изменений в привычках питания» являются: потребление, домашнее хозяйство, питание, род, локальная идентификация, супружество и современность. В первую очередь, авторов статьи интересует влияние экономики, эстетики, стиля ведения хозяйства и индивидуального стиля поведения как отражения традиционного и современного мыш-

ления, а также идеологии локальных способов приготовления и потребления еды. Исследование приносит множество документированных выводов, касающихся взаимного влияния традиций и современности в обеих исследуемых областях.

Процессы «Деколлективизации и стратегий проживания в постсоциалистических сельскохозяйственных кооперативах» исследует Ольга Данглова (2004: s. 122—139). Деколлективизация как трансформация коллективной формы сельского хозяйства не была в Словакии простой и прямолинейной. Трансформация, ее экономический эффект, моральные и символические последствия установления нового по форме собственности режима существенно различались, определяясь спецификой отдельных религий.

Вопрос веры и суеверия, предрассудков, а также вопрос осознания соответствия суеверий собственному вероисповеданию ставит в статье «Когнитивные аспекты сосуществования христианских представлений и суеверных предрассудков (на примере объяснения негативных событий в словацких рассказах, связанных с суеверием)» Татьяна Бужекова (2004: s. 140—162). В свете когнитивной антропологии она интерпретирует религиозные представления как форму ментальной презентации (2004: s. 145). Обработав материалы исследований религиозности, проведенных в западной и средней Словакии, автор приходит к заключению, что спонтанное использование христианских концептов или спонтанная конфронтация суеверных представлений и христианских идей для дилетантов обычна в религиозной практике (богослужение, паломничество, молитва и т. п.). В быту христианство уступает суевериям (вера

в ведьм, боязнь людей с «черными глазами» и проч.). Интерпретация событий с точки зрения христианства наиболее характерна для христианских экспертов, т. е. священников.

Тематически и методологически инновационными являются статьи, написанные представителями молодого поколения этнографов. Так, например, Ивица Бумова исследование под названием «Трансформация политического капитала в микроструктуре города» посвящает анализу ценностных ориентаций среднего слоя населения провинции в первой половине XX века (2004: s. 1—31).

Обширное, основанное на эмпирических материалах, исследование проблематики братиславских бомжей представлено в статье Нины Беневой (2004: s. 32—52). Во введении автор характеризует многообразие концепций и научных подходов к анализу феномена нищих и бездомных. Главным атрибутом их статуса является страдание в связи с потерей жилья. На основе длительных исследований в данной среде (интервью, наблюдение, работа с бомжами в неприбыльных организациях, попрошайничество на улице самим автором) Н. Бенева детально классифицирует бомжей по полу, возрасту и месту проживания и анализирует стратегию их способа жизни. Одним из важнейших результатов исследования является вывод о том, что братиславские бомжи «не образуют единой социальной группы, связанной чувством общности, специфическим комплексом ценностей, одним видом деятельности, который бы создал коммуникационные рамки бомжей как класса» (2004: s. 49).

Предметом изучения Михаила Шипоша является проблематика албанского национального меньшинства

в Словакии — «Миграция албанцев в Словакию — история, специфика, взаимосвязь» (2004: с. 404—420). Цель исследования заключается в анализе фактографических причин миграции этой этнической группы, выразившейся в двух волнах (60-е и 80—90-е годы XX века), и способов ее существования в нашей среде.

Материал содержит ценную информацию о мотивации миграции албанцев в Словакию — экономической и семейной по характеру. Адаптация албанцев в новой среде проходит только в сферах, которые представляются им необходимыми. У членов этой этнической группы автор обнаружил сильную тенденцию к изоляции от местного населения и, с другой стороны, тенденцию к дисперсному заселению в связи с элиминацией экономической конкуренции со стороны представителей этой же национальности.

Происхождению сельского туризма в Словакии посвящено исследование Катаржины Новаковой (2004: с. 421—436). За этим общим названием скрывается конкретный анализ обстоятельств жизни и гибели одного из виноградарей села Долне Орешани, который благодаря своим исключительным предпринимательским способностями, а также моральным качествам и интуиции стал новатором сельского туризма в малокарпатском регионе. В статье содержится подробное описание общественно-исторического фона, сочетающегося с аутентичными высказываниями близких и участников его дела, а также богатый фотографический материал.

Анализ стратегии адаптации к общественно-экономическим изменениям представлен в работе двух молодых авторов — Моники Байчановой и Андрея Ментел (2004: с. 282—303). Статья

раскрывает отношение представлений об окружающей среде (о доступных источниках, возможностях их использования и рисках) и выбора определенной адаптационной стратегии. Авторы применяют культурно-экологический метод Конрада Коттака к изучению способа жизни и использованию природных ресурсов цыганским населением в одном отдельно взятом селении на севере Словакии. В заключении статьи предлагаются варианты решения проблемы различных форм адаптации к окружающей среде у жителей этого горного крестьянского селения, анализируется разница стратегий цыганского и словацкого населения.

Изучение материалов из области традиционной культуры представлено в статье Юрая Зайонца «Традиционные представления и мнения, связанные с прядением и ткачеством» (2004: с. 349—403). Исходя из письменных источников и устной традиции, автор (документируя качественными иллюстрациями) сосредоточивает внимание на огромном материале, который был им проанализирован с точки зрения генезиса и распространенности на исследуемой территории. Самые ранние представления и мнения восходят к гаданиям, рекомендациям и запрещением с характером табу. Они основаны на принципах прикосновения, подобия, частичной магии и магии начала. Сюда же можно отнести и представления о содержании элементов культа животных и тотема, что доказывает, например, связь некоторых действий и элементов с дикими животными (змея, волк). Более новыми являются дохристианские религиозные представления (например, проявления культа Перуна, богини Мокош), а также использование элементов христианского мировоззрения.

Особое значение мы придаем историческому исследованию Зденека Угерека «*Этнография Словакии за последние пятьдесят лет в контексте европейской периодической печати*» (2004: с. 53—64). В нем в критической форме подробно оценивается качественный и формальный уровень, тематическое и содержательное направления журнала на фоне других изданий этого типа в центральной Европе.

Блок материалов представляют три работы. Первая — статья Агнесс Гусаровой и Радослава Бенюша «*Проблематика уличных музыкантов в Братиславе и Будапеште в 2001—2002 гг.*» (2004: с. 304—317). На основании непосредственного наблюдения в сочетании с интервью авторы статьи исследовали отдельные стили городской музыки, обусловленные этническими характеристиками, и пришли к ряду заключений. Одним из них стало создание типологии самих музыкантов с точки зрения предпочтения музыкального инструмента, репертуара, вспомогательных элементов и реквизита, даже времени выступления. Очень важным представляется характер идентичности и личностные черты уличного музыканта, который во многих случаях ассоциируется с этническими или социальными категориями (малоимущие люди, бродяги и др.). Исследование причин, заставляющих людей выступать на улице, показало, что чаще всего это: возможность заработать, любовь к музыке и установление социальных контактов. Анализ урбанистических диспозиций выявил рассеянность уличных музыкантов в Будапеште и, наоборот, их концентрированность в отдельных частях Братиславы.

Мнения людей относительно традиционных (местных) компонентов мучных изделий и анализ критериев

выбора промышленно произведенных пищевых продуктов предлагает статья Сони Павуковой «*Традиции, изменения и инновации различных блюд в регионе Горегронья*» (2004: с. 172—185). Автор констатирует, например, следующие изменения, которые являются отражением цивилизационных сдвигов в закупках продуктов питания: переход многих блюд из категории ежедневных в праздничные (например, блинчики) и наоборот (пирожные), инновация традиционных блюд (пицца, лангош), принципиальное изменение в частоте потребления макарон и интернационализация питания.

Блок завершается работой с поэтическим названием «*О чём молчит лев. Битва при Возоканах в народной памяти жителей Княжич и Опатовьец на Житавой*» Миши Ковача-Адамова (2004: с. 186—191). Автор указывает на надрегиональное значение одной из исторических битв христианских войск с турками (1652 г.), в которой первые проявили себя и смогли надолго остановить нападения и грабежи. Данная историческая тема исследуется и с точки зрения устной подачи этой традиции, в которой отмечаются процессы формирования и смешения жанров повествования, истории и детских.

В дискуссии в этом выпуске журнала «*Slovenský národopis*» принял участие профессор Оскар Элшек, который критически оценивает «*Этнографические рефлексии о концепциях и стереотипах*» в этнографических исследованиях. Кроме прочего, его критика связана, прежде всего, с так называемой «универсальной безбрежностью» (2004: с. 66) этнографии по отношению к другим гуманитарным и социальным научным дисциплинам, а также с недостаточным вниманием этнографов к

историческому подходу. Статья вызвала относительно острую дискуссию в рядах этнографической научной общественности. Ева Крековичова (2004: с. 163—167) и Габриела Килианова (2004: с. 168—171) ответили на нее своей публикацией двух аргументированных дискуссионных статей.

Рубрика «Кругозор — Бюллетень — Заметки» представляет информацию о важных научных и студенческих конференциях и семинарах (в 2004 г.: 30-й Этномузыкологический семинар, Чехословацкая конференция в Брно по словакистике, Международная конференция докторантов и молодых научных сотрудников в Университете св. Кирилла и Мефодия в Трнаве и др.), рабочих встречах (Устная история: интервью как качественный междисциплинарный метод), проектах (про-

ект Forost — повседневная культура в период социализма), выставках (Польская выставка о цыганах) и фестивалях (Международный фестиваль кружев. Лепоглава, 2003), беседах с выдающимися личностями в этнографии и смежных научных дисциплинах (Дубайова, Коморовский, Дужек, Крупа и др.), дополненными подробными библиографическими данными.

В заключение процитируем Зденека Угерека. Его оценку журнала можно отнести и к рецензируемым выпускам: «... именно сочетание рефлексивности, внимательного отношения к непрерывности научных исследований и последующая конфронтация с отдельными их течениями дает ответ на вопрос, почему журнал «Slovenský národopis» так удивительно стабилен и сохраняет свое научное качество» (2004: с. 61—61).

**Мартина БУЦКОВА,
Силвия ЛЕТАВАЙОВА**

Българска етнология (София)

Журнал «Българска етнология» — печатный орган Этнографического института и музея Болгарской академии наук выходит под таким названием с 1995 г., однако это совсем не начало. За ним стоит 20-летняя история. С 1975 г. начался выпуск серии номеров с наименованием «Българска етнография», а в 1990 г. она преобразована в журнал «Българска етнография». В нем публикуются статьи и разработки научной направленности, а также неизвестные этнографические материалы из богатого наследия болгарской традиционной культуры. Описание материалов, их интерпретация и детальный анализ лежат в основе достигнутых научных результатов, предопределявших развитие болгарской этнографии в 70-е и 80-е годы XX века. На страницах журнала сделано первые шаги и сформировалось несколько поколений болгарских этнологов.

Наступившими в обществе после 1989 г. переменами и попытками преодолеть идеологизацию науки новый главный редактор журнала профессор Радост Иванова в первом номере за 1995 г. аргументирует необходимость становления новых направлений исследований: «При существующем положении мы не можем не поддержать призыв к смене парадигм и новой ориентации в этнологии — ориентации, которая отвергла бы

идеологизацию проблематики, а, с другой стороны, расширила бы круг изучаемых сфер культуры и окончательно утвердила ее как аналитическую дисциплину» [1, с. 5]. Главное стремление нового редакционного коллектива — обратить взор к современности и ответить на некоторые вопросы, встающие сейчас перед человеком и обществом. Ставится цель преодолеть привычку к анализу и интерпретации народной культуры в отрыве от современности и, наоборот, изучению современности как отказу от традиции [2, с. 15—16]. Большинство исследователей до 90-х годов XX века обращались преимущественно к традиционной болгарской культуре и нередко «прятались» за прошлым, избегая проблем современной жизни болгар, дабы не служить сиюминутным политическим интересам. Переосмысление проблем современности крайне важно, ибо будучи социальной наукой, этнология призвана активно включиться в решение нынешних общественно-политических проблем, в результате чего ее вклад приобретет не только научный, но и практический смысл.

Культурные традиции этнических общностей в Болгарии — другое направление исследований после 1995 г., представленное множеством публикаций. Познание «иного», расположено-

ного наиболее близко к нам в границах одного государства, становится важным шагом к самопознанию. До 1989 г. выходило мало работ по этой теме, преимущественно в силу эгоцентризма болгарской этнологии того времени. В последние годы тенденция к замкнутости преодолена. Сегодня изучение культурной специфики этнических и конфессиональных общностей в Болгарии освободилось от предубеждений и стереотипных наслойений. Унаследованная многовековая традиция совместного существования и взаимодействия разных этнических общностей в нашей стране — проблематика, продолжающая занимать важное место на страницах журнала [2, с. 18—19].

Изучение культуры болгар за рубежом представляет собой другую тенденцию, которая находит теперь проявление на страницах журнала. В этой сфере достигнут большой прогресс, благодаря отсутствию политических ограничений, существовавших до 1989 г., постепенно преодолеваются и характерные для этого направления исследований финансовые трудности.

Ориентация на сравнительный анализ и открытость болгарской науки общеевропейским процессам в последнее десятилетие составляют основу научно-издательской политики журнала. Важные шаги сделаны в направлении отхода от характерной для болгарских этнологов практики изучения преимущественно собственной страны. В последние годы их взор обращен и на более широкую тематику современной болгарской культуры в контексте балканских, славянских или европейских культурных процессов. Вопросы, затрагиваемые в журнале, отражают роль и место болгарской этнологии в научном диалоге в Европе и в мире. Представление в

журнале научных исследований видных этнологов из разных стран мира способствует расширению научного кругозора читателей. Редакционная коллегия отдает приоритет исследованиям, которые вносят вклад в теорию и методологию науки, а также работам зарубежных авторов, посвященным современным процессам в болгарском обществе, материалам по балканистике и славистике.

Широкий спектр поставленных в таком ключе задач получает разрешение на страницах журнала. Основные тенденции издательской стратегии журнала «Българска етнология» определяют его структуру. Основу каждого из четырех номеров, выходящих в свет ежегодно, составляет несколько крупных аналитических статей, охватывающих значительный диапазон тем и подходов, характерных для данной дисциплины. Освещаются явления и процессы в сфере повседневной культуры и праздничной жизни. Речь идет, в частности, о статьях, посвященных религиозности в постсоциалистический период и роли традиции в годы перехода (М. Беновска, Г. Вылчинова, Цв. Бончева, Е. Третява-Григорова, Е. Крыстева-Благоева) или функции праздников в современной действительности (Ив. Петрова). Во многих работах анализируются изменения в семейных и родственных отношениях и в отношениях между полами в социалистический и постсоциалистический периоды (А. Лулева, А. Касабова, П. Христов, Ел. Минчева). На страницах журнала печатаются статьи, содержащие результаты ряда исследовательских проектов. Например, в отдельных номерах за 1990 и 2001 гг. опубликованы материалы международных проектов, касающихся разных аспектов родственных отношений в Болгарии. Научный комментарий таких явлений современ-

ности, как чалга, граффити (Р. Иванова) и клиентелизм (М. Беновска), способствует росту тематического разнообразия периодического издания. Некоторые публикации посвящены связи спорта и политики (П. Петров) или влиянию современных информационных технологий, например Интернета, на общественную жизнь (Д. Лучев).

Ученые размышляют в журнале над трансформацией традиционной культуры в наши дни или рассматривают ее под новым углом зрения, применяя, современные, нестандартные подходы. Как, например, в статьях, посвященных материальной культуре (А. Лулева, Ив. Николов, Ст. Янева, М. Дечева, Г. Георгиев, Р. Ганева). Интересны также попытки использования разных методов анализа к проблематике народной медицины (М. Георгиев). Болгарские ученые трактуют в сравнительном аспекте календарь балканских народов (Р. Попов) или отдельные обрядовые обычаи, например, при усыновлении ребенка (Е. Цанева). Различные ритуальные комплексы также являются предметом сравнительного изучения, в частности, погребальные обычаи южных славян (Г. Лозанова), болгар и румын (В. Васева).

Проблемные стороны идентичности разных этнических общинств рассматриваются в целом ряде публикаций. В журнале находят место работы, касающиеся социальных трансформаций среди турок в Болгарии (М. Карамихова) или болгарских турок, переселившихся в Турецкую Республику (М. Маева), валахов в Болгарии или болгар в Румынии (В. Васева). Периодически публикуются статьи, посвященные тенденциям культурного и социального развития цыганской (Е. Марушкиякова, М. Славкова), карачанской (Ж. Пимпирева), греческой

(Г. Вылчинова) или арумынской (Св. Ракшева) общинств в Болгарии. Нередко выходят тематические номера. Например, в 1995 г. внеочередной номер «Българска етнология» был посвящен валахам в Болгарии, а в первом номере за 2000 г. особое внимание уделялось менее известной, но чрезвычайно интересной общине гагаузов. Как уже упоминалось, судьба болгар, оказавшихся за рубежом, и современные процессы в их общинах являются предметом теоретических разработок многих авторов, например, Е. Водничар, изучающей болгар в Бессарабии, или Св. Антовой, которая пишет о болгарах в Словакии.

В последние годы на страницах журнала регулярно присутствуют и зарубежные авторы, представляющие свои научные достижения. Болгарские читатели могут познакомиться с теоретическими разработками профессора Кл. Рота (Мюнхен, Германия), посвященными повседневной городской культуре Юго-Восточной Европы, или вкладом профессора К. Казера (Грац, Австрия) в изучение семейных и родственных отношений в том же регионе. Е. Клавари (Франция) интерпретирует «символическое» в современной французской этнологии. Многие статьи посвящены сравнительным исследованиям на основе этнологических материалов балканских или славянских стран (Т. Агапкина, Россия; Л. Буркхарт, Германия). Модели идентичности отдельных этнических общинств в Болгарии — арумын (Т. Кал, Германия) или болгар за рубежом (Ян Ботик, Словакия) — анализируются в журнале «Болгарская этнология». Статьи на актуальные современные темы публикуют известные авторы, работающие в соседних с Болгарией странах, например, Ив. Чолович (Сербия) и Т. Вражиновски (Македония).

В 2004 г. вышел специальный номер, посвященный взаимосвязи между автобиографическим методом и культурным диалогом. Огромный интерес представляют тексты австрийских и немецких коллег о теоретических перспективах биографического исследования и отраженной в автобиографиях связи между современностью и историей, индивидом и обществом (Г. Дрессель, Н. Лангрейтер, Д. Ингриш, Г. Мюллер). Не менее интересны и работы болгарских ученых, посвященные использованию рассказов из жизни в изучении межкультурных контактов или процесса модернизации (Р. Попов, Т. Бонева). Все разработки отражают направления теоретической дискуссии, состоявшейся на международной конференции в Софии. Принимая во внимание двусторонний характер всякой дискуссии, Р. Иванова не случайно подчеркивает, что «не только болгарская этнология нуждается в новой ориентации, новых методах, новом сотрудничестве, европейской науке, также следует обратить внимание на неизвестные ей регионы... как и на неизвестных ей исследователей» [2, с. 19—20]. Именно с помощью научного диалога, сегодня реального, этнология сможет дать ответ на общественные и политические вызовы современности.

Одна из основных и постоянных рубрик с момента основания издания в 1975 г. по сей день называется «Этнографические материалы». Ее присутствие, с одной стороны, свидетельствует о преемственности в болгарской этнографической науке — сборе, хранении, популяризации и передаче от поколения к поколению образцов болгарской культуры, а, с другой — об отчетливо осознаваемой роли научного сообщества в этом важном и трудном процессе. Будучи чисто эмпирической, эта рубрика,

тем не менее, неизменно вызывает интерес читателей.

Раздел «Рецензии и отзывы» также придерживается традиций, сложившихся со времени создания журнала. Новое заключается в тематическом обогащении материалов этого раздела и отражении не только отечественной научной литературы. Расширение содержания рубрики, ее места среди материалов журнала связано с приобщением болгарской этнологии к научным достижениям Европы и мира, что способствует ее ускоренному развитию. Аналогичная картина характерна и для раздела «Научная жизнь». Он приобретает все больший вес и отражает результаты научных дискуссий на болгарских и международных форумах — конференциях, симпозиумах, семинарах.

Изменения в направлениях научных поисков ведут к переменам в деятельности Национального этнографического музея. После 1995 г. тематические экспозиции, посвященные культуре и современным процессам в разных этнических общностях внутри страны и среди болгар, проживающих за пределами Болгарии, подробно отражаются в журнале «Българска етнология». Публикации по этномузееологии периодически появляются в журнале. В них поднимаются актуальные вопросы, отвечающие новейшим мировым тенденциям в развитии науки, проблемам и вызовам, с которыми сталкиваются этнографические музеи в современном мире. В рубрике «Музеи» встречаются и взаимно обогащаются два основных направления этнологии — научно-аналитическое и прикладное. В связи с этим не случайно появление в журнале в самом начале ХХI столетия рубрики «Прикладная этнология». Возникают и другие рубрики, что можно объяснить разнообразием

характера и многосторонностью содержания статей, поступающих в редакцию журнала. Наличие непостоянных рубрик, таких, как «Дискусационно», «Балканские дискурсы», «Точка зрения», «Взгляд изнутри наружу», свидетельствует о творческом подходе составителей, ведущих поиск оптимальных решений и предложении наиболее интересных теоретических текстов. Эти рубрики становятся местом обмена мнениями и научных споров, крайне важных для развития болгарской этнологии.

Сегодня можно констатировать, что предначертанные десять лет назад новые направления развития и актуализации проблематики журнала «Българска етнология», реализуются. Стремление придерживаться и впредь положительных традиций в политике

издания находит свое формальное отражение в том, что журнал продолжает установившуюся с 1975 г. нумерацию серии, несмотря на изменившееся название. Очевиден вывод, что идеи, высказанные главным редактором во вступительной статье 1995 г. [1], осуществлены редакколлегией и всеми сотрудниками журнала масштабно, со знанием дела и пристрастием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова Р. Към читателите // Българска етнология. 1995. 1. С. 3—6.
2. Иванова Р. Българската етнология и предизвикателствата на ХХI в. // Култура на криза — криза в културата. С., 2002. С. 11—20.

Ива Ф. КЮРКЧИЕВА

Авторы

Евгений М. БАБОСОВ — академик Национальной академии наук Беларуси.

Мартина БУЦКОВА — философский факультет Университета св. Кирилла и Мефодия (УКМ) в Трнаве, Словакия.

Иржи ВОЙТШ — главный редактор журнала *Český lid* (Прага), ЧР.

Ивона КАБЗИНЬСКА — главный редактор журнала *Etnografia Polska* (Варшава), Польша.

Евгения КАЛИНОВА — доцент Софийского Университета, Болгария.

Наталья В. КОРОВИЦЫНА — доктор исторических наук, Институт славяноведения РАН.

Эдуард КОСТОЛАНСКИЙ — ректор УКМ в Трнаве, Словакия.

Соня КРАГУЛЦОВА — УКМ в Трнаве, Словакия.

Люба КРАЛЁВА — факультет общественного управления Университета П. Й. Шафарика, Кошице, Словакия.

Ива Ф. КЮРКЧИЕВА — Этнографический институт с музеем Болгарской академии наук, София.

Йозеф ЛАЙКЕРТ — Исторический институт Словацкой академии наук, Братислава, зав. кафедрой культурологии философского факультета Университета К. Философа в Нитре, председатель Ассоциации организаций писателей Словакии.

Сильвия ЛЕТАВАЙОВА — философский факультет УКМ в Трнаве, Словакия.

Ана ЛУЛЕВА — доктор исторических наук, Этнографический институт с музеем Болгарской академии наук, София.

Илияна МАРЧЕВА — Институт истории Болгарской академии наук, ученый секретарь болгарско-российской Комиссии историков.

Ладислав МАХАЧЕК — профессор, УКМ в Трнаве, Словакия, председатель Словацкого общества по изучению молодежи.

Клаус МЮЛЛЕР — Свободный Университет, Берлин и Университет AGH, Krakow.

Антонина ОСТРОВСКА — профессор, заместитель директора Института философии и социологии Польской академии наук, Варшава.

Марек СКОВАЙСА — главный редактор журнала *Sociologický časopis* (Прага), факультет гуманитарных исследований Карлова Университета, Прага, ЧР.

Штефан СУРМАНЕК — факультет общественного управления Университета П. Й. Шафарика, Кошице, Словакия.

Валерий А. ТИШКОВ — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, директор Института этнологии и антропологии РАН, член Общественной палаты РФ.

Милан ТУЧЕК — зав. Отделом социальной структуры Социологического института АН ЧР, зав. кафедрой факультета социальных исследований Карлова Университета, Прага, ЧР.

EAST EUROPEAN STUDIES
International Journal in Social Sciences and Humanities
№ 3, 2006
Contents

Natalya KOROVITSYNA (Russia), Ladislav MACHÁČEK (Slovakia)	
Introduction of the Editors	5
 Articles	
Eduard KOSTOLANSKÝ, Sona KRAGULCOVÁ (Slovakia) European Education:	
Notion, Reality and Prospects	8
Valery TISHKOV (Russia) Russian People	16
Ana LULEVA (Bulgaria) Gender Aspect of Post-Socialist	
Transformation in Bulgaria	35
Antonina OSTROWSKA (Poland) Mental Health in Macrosocial Context	45
Milan TUČEK (Czech Republic) Social Cohesion in Czech Perception	57
Jevgeny BABOSOV (Byelorussia) Regulating Role of State in the Life	
of Transitional Society	73
Štefan SURMÁNEK (Slovakia) Conditions of Development and Character	
of Democratic Consolidation in Slovakia	82
Klaus MÜLLER (Germany) Globalisation and Democracy: Progress and Paradoxes	90
 Empiric Studies	
Jozef LEIKERT (Slovakia) Soviet Prisoners of War in Sachsenhausen	
Concentration Camp	102
Iliyana MARCHEVA (Bulgaria) History and Identity. The Bulgarian	
Case of the Late Twentieth Century	112
 Research Information	
Marek SKOVAJSA (Czech Republic) Presentation of the Journal <i>Восточноевропейские</i>	
исследования. Prague, Villa Lanna, 5 December 2005	125
Luba KRALOVÁ (Slovakia) Appearance of the Journal « <i>Vostochnoyevropeiskie</i>	
Issledovania» (its Importance and Significance for Central	
and Eastern Europe)	129
Natalya KOROVITSYNA (Russia) On Originating the International Journal	
in Social Sciences in Humanities « <i>Vostochnoyevropeiskie Issledovania</i> »	
(a report at the meeting of the bureau of the RAS Department of Historical	
and Philological Sciences, 26 February 2006)	134
 Reviews	
Iwona KABZIŃSKA (Poland) « <i>Etnografia Polska</i> » (Warszawa)	139
Jiří WOITSCH (Czech Republic) « <i>Český lid. Etnologický časopis</i> » (Praha)	144
Martina BUCKOVÁ, Silvia LETAVAJOVÁ (Slovakia) « <i>Slovenský národopis</i> »	
(Bratislava)	152
Iva KJURKCHIEVA (Bulgaria) « <i>Българска етнология</i> » (Sofia)	158

Издано на средства членов редколлегии журнала

Журнал издается при содействии
КОРПОРАЦИИ «РАЗВИТИЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ»

ISBN 5-8040-0059-4

9 785804 000593

A standard linear barcode is positioned within a rectangular frame. Below the barcode, the ISBN number is printed in a small, sans-serif font.